ВОЗРОЖДЕНІЕ.

(Еврейскій пролетаріатъ и національная проблема).

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

Инв. № 343.

„Пров 38"

АКАДЕМИИ
53519

Нашъ національный идеалъ и наше національное движеніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

„Соціальное“ и „національное“.

Намѣреваясь опредѣлить въ настоящей статьѣ сущность еврейскаго вопроса, прослѣдить пути и тенденціи, ведущія къ его рѣшенію, отмѣтить значеніе этого вопроса для еврейскаго пролетаріата и, наконецъ, выяснить роль и задачи послѣдняго въ еврейскомъ національномъ движеніи,—мы считаемъ нужнымъ заранѣе заявить, что, согласно размѣрамъ нашей статьи, мы принуждены до чрезвычайности съузить свою задачу, высказываясь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, намѣчая лишь основныя линіи, общіе контуры. Болѣе полное и детальное выясненіе высказываемыхъ здѣсь положеній должно составить предметъ спеціальныхъ статей и изслѣдованій, которыя, по мѣрѣ силъ и возможности, будутъ имѣть мѣсто въ нашихъ изданіяхъ.

Чрезвычайная сложность и запутанность проблемъ еврейской дѣйствительности, гдѣ общія соціальныя проблемы выступаютъ въ такомъ причудливомъ сплетеніи и сочетаніи съ столь своеобразно сложившимся у насъ національнымъ вопросомъ,—начинаетъ все больше и больше сознаваться передовыми элементами еврейства. Все чаще раздаются голоса противъ обычнаго, крайне упрощеннаго способа толкованія проблемъ еврейской жизни, противъ примѣненія къ послѣдней тѣхъ общихъ шаблонныхъ мѣрокъ, которыя были выработаны въ совершенно иной соціальной атмосферѣ, гдѣ проблемы, аналогичныя проблемамъ нашей дѣйствительности, не могли имѣть мѣста. Въ высшей степени знаменательными являются въ этомъ отношеніи нѣкоторыя любопытныя признанія, встрѣчающіяся въ соціальдемократической литературѣ. Даже ортодоксальнѣйшіе марксисты, искренне вѣрующіе, что въ ученіи Маркса-Энгельса соціальная наука сказала свое послѣднее слово, а все, что сверхъ того, то отъ лукаваго, начинаютъ, однако, постепенно сознавать, что въ области національнаго вопроса вообще соціальдемократическое ученіе дало слишкомъ мало, что „сплошь и рядомъ неразработанными остаются съ чисто-соціальдемократической точки зрѣнія не столько детали конкретной практической политики, сколько нѣкоторыя общія понятія и исходныя предпосылки, лежащія въ ос-

новѣ самой постановки всего вопроса“ [1]). Впрочемъ, нѣсколько далѣе, въ той же статьѣ авторъ чистосердечно сознается, что даже конкретная практическая политика соціальдемократіи по отношенію къ національному вопросу оставляетъ желать слишкомъ многаго, что провозглашаемый ею лозунгъ свободы національнаго самоопредѣленія оказывается совершенно недостаточнымъ, что для того, чтобы этотъ формальный принципъ не оставался лишь пустымъ звукомъ, необходимо вложить въ него опредѣленное конкретное содержаніе, которое могло бы въ дѣйствительности, а не только въ программѣ, обезпечить свободное развитіе націй.

Эти основные дефекты теоріи и практики соціальдемократіи находятъ себѣ, конечно, полное объясненіе въ томъ, что господствующее соціальдемократическое ученіе сложилось почти исключительно среди вполнѣ независимыхъ, самостоятельно живущихъ націй, гдѣ національный вопросъ совершенно отсутствовалъ. Въ той соціальной средѣ, гдѣ приходилось жить и дѣйствовать творцамъ научнаго соціализма, не было, такимъ образомъ, никакой реальной почвы для выработки соціалистической теоріи и программы, предусматривающихъ и разрѣшающихъ національный вопросъ, такъ какъ, повторяемъ, самый вопросъ-то не имѣлъ тамъ мѣста. Съ естественностью и даже необходимостью образованія этого важнаго дефекта въ ученіи Маркса-Энгельса не могутъ не согласиться всѣ соціальдемократы, желающіе оставаться вѣрными основному духу своего ученія, если только они не заражены тѣмъ безнадежнымъ догматизмомъ, при которомъ остается только воскликнуть: тѣмъ хуже для фактовъ, если они не предусмотрѣны Коммунистическимъ Манифестомъ!.. Но понятно, что по мѣрѣ того, какъ соціалистическое движеніе распространяется среди пролетаріата угнетенныхъ націй, гдѣ національный вопросъ получаетъ все большую остроту и яркость, должна все рельефнѣе обнаруживаться крайняя узость и недостаточность господствующаго соціальдемократическаго ученія и программы. Общую соціальдемократическую схему приходится такимъ образомъ значительно видоизмѣнять, приноравливать ее къ новому, не предусмотрѣнному ею національному моменту, другими словами, приходится включить національный вопросъ, какъ основной элементъ, въ доктрину и программу соціалистическихъ партій.

Эта задача во всемъ ея великомъ значеніи стоитъ, конечно, и передъ всякой соціалистической партіей, работающей въ еврейскомъ пролетаріатѣ.

Но посмотримъ сначала, въ чемъ заключается сущность еврейскаго, какъ и всякаго другого національнаго вопроса вообще.

Еврейскій вопросъ, если посмотрѣть на него съ формальной точки зрѣнія, является безспорно вопросомъ чисто національнымъ, такъ какъ общій формальный моментъ, выдѣляющій данную группу евреевъ, какъ таковую, и создающій для нея особыя спеціальныя проблемы, есть исключительно моментъ національный. Противъ

[1]) См. „Вѣстникъ Бунда“, № 4, ст. „Соціальдемократія и національный вопросъ“.

этого не могутъ спорить всѣ тѣ, которые признаютъ хотя бы существованіе еврейскаго вопроса, какъ такового, независимо отъ того конкретнаго содержанія, которое они въ него вкладываютъ [1]). Уже изъ этого формальнаго отождествленія еврейскаго вопроса съ вопросомъ національнымъ вполнѣ явственно выступаетъ огромное соціальное значеніе перваго. Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли кто станетъ теперь серьезно утверждать, что національная борьба со стороны угнетенныхъ націй является лишь буржуазной затѣей, предпринятой господствующими классами въ своихъ классовыхъ интересахъ, или же просто продуктомъ народнаго безумія, своего рода массовымъ психозомъ. Тотъ фактъ, что національная борьба играла почти на всемъ протяженіи прошлаго вѣка и продолжаетъ еще и теперь играть такую выдающуюся роль въ исторіи европейскихъ народовъ, что борьба эта присуща почти всѣмъ классамъ угнетенныхъ націй и особенно сильно захватываетъ пролетаріатъ, по мѣрѣ его выступленія на историческую арену,—уже одно это говоритъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ противъ такого рода предположенія. Очевидно, что національная борьба угнетенныхъ націй есть борьба за опредѣленные и притомъ существенные интересы данной національной группы, вытекающіе изъ ея реальныхъ, существенныхъ соціальныхъ потребностей. Не безуміе, не роковое заблужденіе, а настоящіе, реальные интересы и потребности,—вотъ что лежитъ въ основѣ всѣхъ многочисленныхъ національно-освободительныхъ движеній, вотъ что толкаетъ эти широкія народныя массы на систематическую, упорную, все усиливающуюся національную борьбу.

Въ чемъ же заключаются эти интересы и потребности?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть различенъ, смотря по тому содержанію, которое вкладывается въ понятіе „національнаго“ вообще. Отвѣтъ, очевидно, будетъ различенъ для тѣхъ, которые видятъ въ національной жизни развитіе какой-то субстанціи національнаго духа [2]), и для тѣхъ, которые отождествляютъ ее съ какими-либо опредѣленными застывшими устоями [3]), и, на-

---

[1]) Мы подчеркиваемъ это, казалось бы, вполнѣ очевидное положеніе въ виду той чрезвычайной путаницы и крайне некритическаго отношенія къ понятіямъ, которыя господствуютъ въ этомъ пунктѣ среди значительной части сіонистовъ-соціалистовъ.

[2])[3]) Богатая разнообразнѣйшими концепціями литература національнаго вопроса изобилуетъ такого рода воззрѣніями.

Довольно яркимъ представителемъ метафизическаго націонализма съ примѣсью нѣкоторыхъ своеобразно-мистическихъ элементовъ является извѣстный дѣятель Интернаціонала, редакторъ „Rheinische Zeitung“, Моисей Гессъ, въ своей книгѣ: „Rom und Ierusalem. Die letzte Nationalitätsfrage“. Націонализмъ консервативный, возводящій въ культъ тѣ или иныя національныя традиціи и „начала“ національной жизни, имѣетъ несравненно болѣе литературныхъ представителей. Можно сказать, что въ большей или меньшей степени онъ присущъ національной идеологіи помѣщичьяго и чиновничьяго дворянства и буржуазіи всѣхъ націй. Русское славянофильство во всѣхъ стадіяхъ своего развитія выдвигало концепціи этого рода. Такова, напримѣръ, теорія „культурно-историческихъ типовъ“ Н. Я. Данилевскаго, автора книги: „Россія и Европа“. Сводя понятіе національности къ понятію „культурно-историческаго типа“, Данилевскій приписывалъ каждому „національному организму“ особую, ему одному присущую соціальную структуру, не-

конецъ, для тѣхъ, которые разсматриваютъ „національное“, какъ текучую, видоизмѣняющуюся *форму конкретныхъ проявленій соціальной жизни.* Примыкая къ этому послѣднему, общему всей прогрессивной соціологической мысли, пониманію національной проблемы, мы попытаемся дать опредѣленіе сущности національнаго вопроса съ его общей формальной стороны.

Но предварительно мы должны выяснить, что мы понимаемъ подъ „формой конкретныхъ проявленій соціальной жизни“.

Исходя изъ положенія, что подъ понятіемъ соціальной жизни вообще слѣдуетъ подразумѣвать *совокупность междучеловѣческихъ отношеній, возникающихъ на почвѣ психическаго взаимодѣйствія умовъ,* мы должны строго различать между формой и содержаніемъ этой соціальной жизни. Содержаніе соціальной жизни составляетъ всякая совмѣстная, согласованная человѣческая дѣятельность, всякое сотрудничество людей для достиженія опредѣленной цѣли, форму же соціальной жизни составляютъ именно тѣ условія, которыя дѣлаютъ эту дѣятельность *согласованной,* превращаютъ ее въ *сотрудничество.*

Какія же условія превращаютъ совмѣстную человѣческую дѣятельность въ согласованное сотрудничество? На это мы отвѣчаемъ: *совокупность объективированныхъ нормъ, регулирующихъ междучеловѣческія отношенія.* Въ самомъ дѣлѣ, поскольку данный соціальный феноменъ является соціальнымъ, т. е., поскольку онъ не является механическимъ совпаденіемъ разрозненныхъ дѣйствій, а состоитъ въ извѣстныхъ человѣческихъ *соотношеніяхъ,* порожденныхъ психическимъ взаимодѣйствіемъ, онъ необходимо предполагаетъ въ основѣ своей опредѣленную психическую *связь* между соотносящимися индивидами, а эта связь разрозненныхъ субъективныхъ сознаній логически можетъ быть мыслима не иначе, какъ въ видѣ существованія какого-то объективированнаго сознанія или объективированныхъ нормъ. Не касаясь здѣсь происхожденія этихъ объективированныхъ нормъ, мы, тѣмъ не менѣе, должны констатировать, что онѣ составляютъ логическій prius всякаго соціальнаго феномена вообще: послѣдній необходимо предполагаетъ ихъ заранѣе, какъ бы à priori данными.

Конечно, и само объективированное сознаніе имѣетъ своимъ исходнымъ и возвратнымъ пунктомъ исключительно индивидуальное сознаніе. Не постулируя никакихъ метафизическихъ сущностей, мы не знаемъ про существованіе другого сознанія, помимо индивидуальнаго. Но это объективированное сознаніе состоитъ именно изъ такихъ элементовъ индивидуальнаго сознанія, которые уже успѣли осѣсть, скристаллизоваться, стать общимъ достояніемъ сознанія всѣхъ соотносящихся индивидовъ, и поэтому кажутся намъ какъ бы объективированными, лежащими внѣ области индивидуальнаго сознанія. Они-то единственно и составляютъ ту арену, на которой выступаютъ соціальные феномены, они-то единственно

подвижную и неизмѣняемую. Взаимодѣйствіе національностей сводилось у него почти до нуля. Другой крайній охранитель русской самобытности, К. Н. Леонтьевъ довелъ до логическаго конца прикладную часть доктрины эпигоновъ славянофильства своимъ классическимъ совѣтомъ „подморозить Россію“.

сообщаютъ совмѣстной человѣческой дѣятельности характеръ соціальности, они-то и создаютъ условія для превращенія ея въ согласованное сотрудничество. Уже само психическое взаимодѣйствіе, лежащее въ основѣ всякаго соціальнаго феномена, необходимо предполагаетъ наличность объективированныхъ нормъ, дѣлающихъ возможнымъ это психическое взаимодѣйствіе. Совокупность такихъ нормъ, регулирующихъ психическое взаимодѣйствіе индивидовъ, составляетъ языкъ. Языкъ, такимъ образомъ, является универсальной формой соціальной жизни. Но помимо этой универсальной формы, служащей, такъ сказать, общимъ фономъ всей соціальной жизни въ ея цѣломъ, существуютъ еще спеціальныя нормы, *непосредственно* регулирующія отдѣльныя стороны этой жизни. Таковы правовыя, этическія, эстетическія нормы и т. д. Совокупность этихъ объективированныхъ нормъ, какъ универсальныхъ, такъ и спеціальныхъ, и составляетъ то, что мы называемъ „формой соціальной жизни“ [1]).

Эта форма соціальной жизни, по самому существу своему, допускаетъ безконечное разнообразіе въ своихъ конкретныхъ проявленіяхъ. Дѣйствительно, подъ понятіемъ формы вообще мы подразумѣваемъ опредѣленное сочетаніе элементовъ, опредѣленную комбинацію соотношеній. Понятно, что чѣмъ сложнѣе данный объектъ или данное явленіе, т. е. чѣмъ многочисленнѣе и разнороднѣе элементы и соотношенія, изъ которыхъ они состоятъ, тѣмъ больше разнообразія должно получиться въ ихъ сочетаніяхъ, тѣмъ невѣроятнѣе становится возможность получить совершенно тождественныя комбинаціи. Достаточно, напримѣръ, сопоставить между собой сравнительно простыя формы неорганической жизни съ безконечнымъ многообразіемъ формъ органической жизни, чтобы эта истина выступила передъ нами вполнѣ рельефно. Конечно, существуютъ строгіе законы, опредѣляющіе единство формъ, какъ въ статическомъ, такъ и въ динамическомъ отношеніи, даже для явленій наиболѣе сложныхъ. Таковъ, напримѣръ, законъ наслѣдственности въ органической жизни. Тѣмъ не менѣе, мы должны констатировать, что чѣмъ сложнѣе данное явленіе, тѣмъ это единство касается все болѣе общихъ, такъ сказать, абстрактныхъ его признаковъ, и тѣмъ менѣе оно затрагиваетъ конкретныя проявленія этого явленія. Взгляните, напримѣръ, на формы человѣческаго лица въ предѣлахъ такого ограниченнаго единства, какъ раса, и вы увидите, какое удивительное разнообразіе конкретныхъ проявленій здѣсь находится. Но если это положеніе вполнѣ вѣрно по отношенію къ органической жизни, то тѣмъ съ несравненно бо́льшей силой, выступаетъ справедливость его въ примѣненіи къ явленіямъ соціальной жизни, такъ какъ послѣднія, какъ извѣстно, являются самыми сложными, самыми комплицированными среди всѣхъ космическихъ явленій. Поэтому-то въ соціальной жизни конкретная индивидуальность формъ, своеобразіе конкрет-

[1]) Какъ читатель видитъ, мы болѣе или менѣе близко подходимъ къ Штаммлеровскому пониманію формы и содержанія соціальной жизни, хотя сообщаемъ его формулѣ расширенный и нѣсколько видоизмѣненный смыслъ.

ныхъ проявленій послѣднихъ обнаруживается особенно ярко. Разумѣется, и здѣсь существуютъ законы, опредѣляющіе соотвѣтствіе формы и содержанія, единство первой при единствѣ послѣдняго, но тутъ это соотвѣтствіе и это единство проявляются въ самыхъ общихъ своихъ, абстрактныхъ чертахъ. Такъ, напримѣръ, опредѣленной стадіи соціальнаго развитія соотвѣтствуетъ всюду опредѣленная степень въ развитіи языка, но очевидно, что этой степени развитія могутъ достичь языки, конкретно самые различные. Такимъ образомъ у различныхъ народовъ, стоящихъ на одной и той же ступени соціальнаго развитія, при общемъ абстрактномъ единствѣ въ развитіи ихъ языковъ—этихъ универсальныхъ формъ соціальной жизни — мы видимъ безконечное расхожденіе послѣднихъ въ своихъ конкретныхъ проявленіяхъ, чрезвычайное своеобразіе и индивидуальность ихъ конкретныхъ формъ.

Но этого мало.

По мѣрѣ развитія и усложненія соціальной жизни должна все больше развиваться и индивидуализація ея конкретныхъ формъ. Если какая-либо автономная соціальная группа развивается нормально, безъ насильственнаго давленія извнѣ, то данныя, спеціальныя конкретныя формы ея соціальной жизни, разъ возникнувъ, должны все больше развиваться и усложняться, слѣдовательно, все больше индивидуализироваться параллельно съ развитіемъ самой ея соціальной жизни. Если въ реальной жизни всякій феноменъ необходимо проявляется въ опредѣленныхъ конкретныхъ формахъ, то очевидно, что и *развитіе* нельзя мыслить внѣ развитія, послѣднихъ и наоборотъ. И опять-таки исторія развитія языковъ можетъ служить для насъ прекраснѣйшей иллюстраціей. Эволюція соціальной жизни предполагаетъ эволюцію ея универсальной формы—языка, а эволюція языка, въ свою очередь, немыслима внѣ эволюціи его *конкретныхъ* формъ, т. е., внѣ эволюціи того или другого конкретнаго языка — французскаго, нѣмецкаго и т. д. Отсюда становится понятнымъ, что на зарѣ исторіи, когда соціальная жизнь пустила еще мало корней, тѣ или другія конкретныя формы, которыя она принимала у той или другой соціальной группы, также не могли обладать значительной устойчивостью для сопротивленія внѣшнему насильственному давленію, но эта устойчивость неизмѣнно усиливается и крѣпнетъ по мѣрѣ того, какъ усиливаются и крѣпнутъ корни соціальной жизни, постепенно развиваясь вширь и вглубь. Ниже, говоря о невозможности ассимиляціи евреевъ, мы укажемъ на тотъ моментъ въ развитіи національной жизни, гдѣ конкретныя формы послѣдней пріобрѣтаютъ такую силу устойчивости, что могутъ устоять противъ всякаго внѣшняго давленія, но пока намъ важно отмѣтить лишь эту общую тенденцію. Этой тенденціи не противорѣчитъ и процессъ прогрессивнаго возрастанія соціальнаго взаимодѣйствія между автономными группами, сопровождающій всякій шагъ по пути ихъ исторической эволюціи, такъ какъ при нормальномъ развитіи ихъ соціальной жизни это возрастаніе взаимодѣйствія должно вести отнюдь не къ нивеллированію ея конкретныхъ формъ, а лишь къ установленію единства

ея содержанія. „Заимствованіе, справедливо замѣчаетъ М. Ковалевскій, въ концѣ концовъ, по крайней мѣрѣ, когда заимствующимъ является не отдѣльный человѣкъ, а цѣлый народъ, заключаетъ въ себѣ элементы самостоятельнаго творчества. Вѣрнѣе было бы поэтому употреблять взамѣнъ его терминъ приспособленіе,— приспособленіе не общества къ заимствуемымъ порядкамъ, а этихъ порядковъ къ потребностямъ заимствующаго ихъ общества“ [1]). Приспособленіе заимствуемыхъ порядковъ къ потребностямъ заимствующаго ихъ общества означаетъ именно ассимилированіе опредѣленнаго содержанія соціальной жизни данными конкретными ея формами, результатомъ чего является дальнѣйшее усложненіе и индивидуализація этихъ самыхъ формъ.

Но если содержаніе соціальной жизни неотдѣлимо отъ конкретныхъ ея формъ, если одно нельзя мыслить внѣ другого, то ясно до очевидности, что все, что стѣсняетъ и задерживаетъ развитіе тѣхъ конкретныхъ формъ, которыя приняла соціальная жизнь у той или другой автономной группы, этимъ самымъ тормозитъ и коверкаетъ развитіе самой группы. Отстаивать свободное развитіе этихъ формъ, бороться за все, что обусловливаетъ такое развитіе, значитъ отстаивать реальные интересы группы, значитъ бороться противъ гнета и насилія во имя свободы и прогресса.

Эти предварительныя замѣчанія въ значительной степени выясняютъ намъ сущность національнаго вопроса, конечно, съ его общей формальной стороны.

Разсматривая національности, какъ чисто соціальныя образованія, какъ строго соціологическія категоріи, мы сводимъ основное различіе между ними къ различію конкретныхъ формъ ихъ соціальной жизни. *Націей является группа лицъ, въ теченіе своей долгой исторической жизни автономно рѣшавшая всѣ свои соціальныя проблемы и выработавшая себѣ такимъ путемъ индивидуальныя, своеобразныя формы соціальной жизни* [2]). То, что мы обозначаемъ словами: „національный типъ“, „нац. характеръ“ и т. д., получается въ результатѣ развитія въ данной группѣ опредѣленныхъ конкретныхъ формъ соціальной жизни. Такъ какъ и объективированныя нормы, регулирующія соціальную жизнь, согласно сказанному нами выше, имѣютъ своимъ единственнымъ носителемъ индивидуальное сознаніе, то понятно, что опредѣленное единство этихъ нормъ у членовъ данной группы должно породить соотвѣтствующее единство ихъ соціальнаго типа.

Само собой разумѣется, что чѣмъ выше на соціальной лѣстницѣ стоитъ данная національная группа, слѣдовательно, чѣмъ шире, глубже и сложнѣе ея соціальная жизнь, тѣмъ многограннѣе и прочнѣе ея соціальное единство и тѣмъ богаче и ярче выраженъ ея національный типъ. Если же смотрѣть на это единство не съ субстанціональной, а съ функціональной стороны (а только

[1]) М. Ковалевскій: „Современные соціологи“, стр. 37.

[2]) Ср. Ben Ehud'a: „Der Socialismus und die Nationalitätenfrage“, въ „Deutsche Worte“, August-September 1899; начато печатаніемъ въ „Возрожденіи“, № 3—4.

эта сторона насъ теперь и интересуетъ), то оно сводится къ единству моментовъ, обуславливающихъ соціальное творчество членовъ данной группы. Данныя соціальныя формы—вотъ моменты, опредѣляющіе нормальное, плодотворное функціонированіе соціальной жизни у членовъ данной группы, вотъ линіи наименьшаго сопротивленія для ихъ соціальнаго творчества.

Національный вопросъ у данной группы такимъ образомъ возникаетъ тогда, когда ей навязываютъ чисто внѣшнимъ, насильственнымъ путемъ чуждыя ей формы соціальной жизни, въ рамкахъ которыхъ она не можетъ развернуть своихъ соціальныхъ потенцій и гдѣ она принуждена бываетъ тратить непроизводительно для себя значительную часть своей соціальной энергіи на приспособленіе къ этимъ внѣшнимъ, чуждымъ, и являющимся, поэтому, по отношенію къ ней какъ бы стихійными, соціальнымъ силамъ. Однимъ словомъ, національный вопросъ имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ общество, вмѣсто того, чтобы приспособлять заимствуемые порядки къ своимъ потребностямъ, само бываетъ принуждено приспособляться къ внѣ ея созданнымъ порядкамъ.

Сопоставивъ между собой національный и соціальный вопросы, въ спеціальномъ значеніи этихъ словъ, нельзя не замѣтить между ними того общаго, что какъ тотъ, такъ и другой выражаютъ собой аномаліи въ развитіи *формъ* соціальной жизни. Но въ то время, какъ послѣдній вытекаетъ изъ условій внутренней жизни самой группы, изъ несоотвѣтствія между развитіемъ революціоннаго содержанія и консервативныхъ формъ, несоотвѣтствія, характеризующаго внутригрупповую соціальную жизнь,—первый является результатомъ чисто внѣшняго насильственнаго давленія, сковывающаго развитіе этихъ формъ [1]). Соціальный и національный вопросы имѣютъ между собой еще и то общее, что какъ тотъ, такъ и другой указываютъ на наличность эксплоатируемыхъ элементовъ, какъ результатъ ихъ неодинаковой приспособленности къ даннымъ формамъ соціальной жизни. Группы, наиболѣе къ нимъ приспособленныя, оказываются, конечно, въ настоящемъ господами положенія, главными хозяевами на общемъ соціальномъ пиру. А это, само собою разумѣется, даетъ имъ возможность неоплатно присваивать себѣ значительную долю соціальной энергіи наименѣе приспособленныхъ—этихъ „пасынковъ исторіи".

Ниже, при анализѣ еврейской дѣйствительности, мы попытаемся болѣе конкретно показать, какъ значителенъ бываетъ гнетъ чужихъ формъ соціальной жизни, и какъ велика получающаяся при этомъ эксплоатація угнетенныхъ націй. Пока же мы хотѣли отмѣтить лишь общіе формальные моменты, характеризующіе національный вопросъ въ его общемъ, абстрактномъ видѣ. А теперь

---

[1]) Противорѣчіе между производительными силами и производственными отношеніями или, вѣрнѣе будетъ сказать, противорѣчіе между производственной дѣятельностью и регулирующими ее правовыми нормами, характеризующее соціальный вопросъ въ области экономической жизни, есть лишь частное выраженіе общей формулы, характеризующей соціальный вопросъ въ его цѣломъ, какъ противорѣчіе формы и содержанія соціальной жизни.

вернемся къ исходному пункту нашихъ разсужденій, чтобы помощью полученныхъ нами общихъ выводовъ попытаться дать правильную постановку спеціально еврейскаго вопроса, какъ такового.

II.

Статика еврейской дѣйствительности.

Обращаясь отъ общаго, формальнаго опредѣленія національнаго вопроса къ разсмотрѣнію его конкретныхъ проявленій въ той или другой соціальной средѣ, нетрудно видѣть, какія значительныя модификаціи онъ можетъ представлять по своему содержанію, въ зависимости отъ того, какія стороны соціальной жизни, и въ какой мѣрѣ подвергаются въ томъ или другомъ случаѣ гнету чуждыхъ національныхъ формъ.

У финляндцевъ, напримѣръ, національный гнетъ касается почти одной лишь политической стороны ихъ соціальной жизни, а у польскаго народа этотъ гнетъ охватываетъ какъ политическую, такъ и культурную сферу послѣдней, въ значительной степени осложняясь еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что польскій національный организмъ насильственно разорванъ на части и входитъ въ составъ трехъ различныхъ политическихъ организмовъ. Однако, ни у одной изъ угнетенныхъ націй Восточной Европы, гдѣ имѣетъ по преимуществу мѣсто національный вопросъ, національный гнетъ не касается *непосредственно* его соціально-экономической структуры. На послѣдней этотъ гнетъ обыкновенно отражается косвеннымъ образомъ, какъ результатъ аномалій, имѣющихъ мѣсто въ политической и культурной жизни. Въ этомъ отношеніи едва-ли не единственнымъ въ своемъ родѣ исключеніемъ является теперь еврейскій народъ, у котораго національный гнетъ непосредственно охватываетъ рѣшительно всѣ стороны и проявленія соціальной жизни вплоть до экономической включительно. Вотъ почему національный вопросъ у евреевъ такъ рѣзко и радикально отличается отъ національнаго вопроса другихъ угнетенныхъ націй, вотъ почему ему приходится давать совершенно особую, самостоятельную постановку и рѣшеніе. Здѣсь именно надо искать причину неимовѣрной сложности и своеобразія еврейскаго вопроса вообще.

Въ самомъ дѣлѣ, евреи представляютъ собою единственный народъ, оторванный отъ земли, нигдѣ не живущій сплошными соціальными массами, не имѣющій цѣлостной и независимой соціально-экономической структуры, и, поэтому, принужденный всегда приспособляться къ тѣмъ чуждымъ соціально-экономическимъ формамъ, среди которыхъ приходится жить его разсѣяннымъ элементамъ [1]). Не еврейская нація, какъ таковая, служитъ творцомъ

---

[1]) Даже въ Австріи, въ этой классической странѣ съ разноплеменнымъ составомъ населенія, гдѣ всевозможныя національности живутъ между собою въ перемежку, переплетаясь одна съ другой, можно, однако, выдѣлить, если не историческія провинціи, то области другого дѣленія, меньшаго размѣра, гдѣ этническій

и самостоятельнымъ носителемъ соціально-экономическихъ формъ жизни, не она, какъ таковая, является тѣмъ соціальнымъ субъектомъ, который непосредственно воплощаетъ ихъ въ себѣ. Процессы эволюціи этихъ формъ не происходятъ непосредственно въ ея средѣ, не связаны съ нею органически, не ея потребностями они вызываются, не ея интересамъ отвѣчаютъ. Они представляютъ для нея такимъ образомъ какъ бы внѣшнюю, чуждую ей силу.

Но если, какъ болѣе или менѣе самостоятельный, цѣлостный соціально-экономическій организмъ, какъ нормально-функціонирующее подвижное равновѣсіе внутреннихъ отправленій и внѣшнихъ силъ, еврейская нація не существуетъ, то она все-таки существуетъ какъ цѣлое и въ соціально-экономическомъ отношеніи. Не касаясь здѣсь позитивной сущности этого единства, мы должны указать на негативную сторону его. Выясненіе этой именно стороны является наиболѣе важнымъ для опредѣленія основного содержанія еврейскаго вопроса.

Формальное единство еврейской націи, какъ таковой, въ соціально-экономическомъ отношеніи, помимо его положительнаго содержанія, выражается еще и въ томъ, что *она служитъ объектомъ соціально-экономической эксплоатаціи для такъ называемыхъ „настоящихъ націй“, непосредственно дѣлающихъ исторію.* Это не фраза, за этимъ положеніемъ, къ сожалѣнію, скрывается вполнѣ опредѣленный реальный смыслъ. Мы не говоримъ здѣсь о фактахъ прямого грабежа еврейскаго имущества, предпринимавшагося и предпринимающагося то королями, то герцогами, то государствомъ, то чернью, мы вообще не имѣемъ здѣсь въ виду такихъ актовъ, которые имѣютъ своимъ источникомъ ту или другую злую волю, мы говоримъ именно о явленіяхъ чисто-объективнаго характера, и, поэтому, роковыхъ, неизбѣжныхъ.

Уже самый фактъ выдѣленія евреевъ, какъ особой національной группы, создаетъ для нихъ въ томъ обществѣ, гдѣ они живутъ болѣе или менѣе сплоченными массами, особое, специфическое положеніе и въ соціально-экономическомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что даже въ сферѣ чисто-экономической люди выступаютъ не какъ простыя, изолированныя экономическія категоріи, а какъ сложныя, реальныя соціальныя личности, принадлежащія къ опредѣленнымъ соціальнымъ коллективностямъ. Сила или слабость этихъ коллективностей, опредѣляя до извѣстной степени общую соціальную силу и слабость входящихъ въ ихъ составъ

составъ будетъ почти однороденъ. Исходя изъ этого факта, Р. Шпрингеръ, этотъ рѣшительный противникъ территоріальнаго рѣшенія національнаго вопроса въ Австріи и ярый защитникъ такъ назыв. „національныхъ автономій“, кладетъ, тѣмъ не менѣе, въ основу областного политическаго дѣленія Австріи преимущественно kreis'ы однороднаго этническаго состава, и именно на фактѣ существованія областей съ рѣшительнымъ преобладаніемъ то той, то другой изъ населяющихъ Австрію національностей и зиждется, главнымъ образомъ, его аргументація въ пользу національной автономіи, какъ болѣе или менѣе радикальнаго рѣшенія національнаго вопроса въ Австріи.

членовъ, необходимо отражается и на экономической дѣятельности послѣднихъ.

Въ данномъ случаѣ принадлежность къ такой устойчивой, пустившей столь глубокіе корни, соціальной коллективности, какъ національность, имѣетъ огромнѣйшее значеніе. Если данная нація, какъ напримѣръ, еврейская, лишена независимой и цѣлостной соціально-экономической структуры и принуждена приспособляться къ чужимъ соціально-экономическимъ формамъ, то ея экономическая слабость будетъ соотвѣтствовать ея общей соціальной слабости въ данномъ обществѣ. Отсюда, прежде всего, вытекаетъ то, что еврейская масса, не выдерживая конкурренціи болѣе сильныхъ соціальныхъ группъ, принуждена бываетъ обращаться къ тѣмъ отраслямъ производства, которыя представляютъ собою въ данный моментъ линію наименьшаго экономическаго сопротивленія. Этимъ самымъ до извѣстной степени опредѣляется специфическое направленіе экономическаго развитія еврейской массы, направленіе, вытекающее не изъ внутреннихъ силъ и способностей этой массы, а являющееся для нея результатомъ чисто внѣшнихъ и какъ бы стихійныхъ соціальныхъ силъ, Порожденное ненормальностью національной жизни евреевъ, оно такимъ образомъ въ свою очередь поддерживаетъ и развиваетъ эту ненормальность. Но отсюда вытекаетъ также и то чрезвычайно важное послѣдствіе, что количество соціально-экономической энергіи, которая тратится еврейской націей, никогда не возмѣщается для нея соотвѣтствующимъ количествомъ экономическихъ благъ, если считать „нормальными“ свободныя націи, среди которыхъ евреи живутъ, и расходуемую ими энергію и получаемые результаты принимать за норму такого соотвѣтствія. Еврейскій народъ всегда оставляетъ въ обществѣ извѣстный остатокъ неоплачиваемой соціально-экономической энергіи, расходуемой имъ на преодолѣніе того соціальнаго противодѣйствія, которое онъ встрѣчаетъ въ обществѣ, какъ особая, чуждая соціальная коллективность, причемъ величина этого остатка пропорціональна, съ одной стороны, его общей соціальной слабости, а съ другой—силѣ встрѣчаемаго имъ противодѣйствія.

Здѣсь мы имѣемъ передъ собою всѣ моменты, характеризующіе эксплоатацію одной соціальной группы другой и дѣлающіе эту эксплоатацію при данныхъ условіяхъ объективно-необходимой. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою, во-первыхъ, борьбу за извѣстныя соціальныя блага, имѣющую въ современномъ обществѣ тенденцію направляться по линіи всякихъ соціальныхъ, а, слѣдовательно, и національныхъ перегородокъ, и во вторыхъ—національныя группы, поставленныя въ неодинаковыя внѣшнія условія борьбы, причемъ, эти внѣшнія условія, сообщая силу одной изъ нихъ, являются въ той же мѣрѣ источникомъ слабости для другой. Какъ необходимое же слѣдствіе этихъ данныхъ, мы наблюдаемъ здѣсь также фактъ безвозмезднаго присвоенія одной національной группой результатовъ соціальной энергіи другой. Остатокъ неоплаченной соціальной энергіи, которая тратится національной группой, поставленной въ наименѣе выгодныя внѣшнія условія борьбы, осѣдаетъ въ окру-

жающемъ ее обществѣ и служитъ для послѣдняго источникомъ своеобразной „прибавочной цѣнности“ [1]).

Трудно, даже невозможно прямымъ математическимъ путемъ точно вычислить размѣры этой національной эксплоатаціи евреевъ въ сферѣ соціально-экономической. Явленія этого порядка настолько спутываются и сплетаются тысячами неуловимыхъ нитей съ другими соціальными силами и факторами, что выдѣленіе, изолированіе ихъ становится дѣломъ чрезвычайно труднымъ. Кромѣ того, большей своею частью они совершаются гдѣ-то въ нѣдрахъ соціальной жизни, какъ-бы за кулисами, и поэтому они недоступны объективному учету. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ учесть ту степень, такъ сказать, сверхсмѣтнаго напряженія силъ и ловкости, которыя приходится тратить еврею, именно потому, что онъ еврей, для завоеванія той или иной соціально-экономической позиціи? [2]) Эти явленія вполнѣ доступны, конечно, наблюденію,—по крайней мѣрѣ, для тѣхъ, кому они кажутся достойными вниманія и изученія, — но точному, объективному учету они врядъ-ли могутъ подлежать. Существуетъ, однако же, цѣлый рядъ объективныхъ показателей, если не строго учитывающихъ, то, тѣмъ не менѣе, съ несомнѣнностью устанавливающихъ фактъ національной эксплоатаціи евреевъ въ соціально-экономической сферѣ.

Мы не можемъ дать здѣсь обзоръ еврейской исторіи, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, чтобы подтвердить историческими данными выставляемыя нами общія положенія: это завело бы насъ слишкомъ далеко. (Мы полагаемъ, однако, что выставляемая нами руководящая точка зрѣнія могла-бы дать цѣнные результаты для изслѣдованія экономической исторіи евреевъ и для уразумѣнія нашей экономической дѣйствительности). Покамѣстъ мы ограничимся указаніемъ на такъ настойчиво выдвигаемую въ послѣднее время проблему пролетаризаціи еврейскихъ массъ, чрезвычайно характерную въ данномъ случаѣ.

Фактъ затруднительности пролетаризаціи еврейскихъ массъ не подвергнутъ еще покамѣсть статистическому изслѣдованію со стороны динамической. Слѣдовательно, чисто индуктивнымъ путемъ еще ничего нельзя вывести относительно *тенденцій* этого процесса: перехода еврейскихъ массъ къ производительному труду вообще и къ высшимъ экономическимъ формамъ этого труда, т. е., на фабрики, заводы и т. д. [3]). Тѣмъ не менѣе, для иллюстраціи выставленнаго нами дедуктивнаго положенія вполнѣ доста-

---

[1]) См. соотвѣтствующее опредѣленіе классовой эксплоатаціи пролетаріата буржуазіей у Дюркгейма: „О раздѣленіи общественнаго труда“. Стр. 307 — 308, русск. перев.

[2]) Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ не объ индивидуальныхъ, а о массовыхъ явленіяхъ.

[3]) Мы, поэтому, считаемъ попытки нѣкоторыхъ сіонистовъ-соціалистовъ вывести обоснованіе территоріализма *непосредственно* изъ якобы индуктивнымъ путемъ установленнаго факта невозможности дальнѣйшей пролетаризаціи еврейскихъ массъ въ діаспорѣ, не вскрывая при этомъ, національно-соціальныхъ — если можно такъ выразиться — основъ этого явленія, — всѣ эти попытки мы, помимо ихъ изумительной поверхностности и односторонности, считаемъ не удовлетворяющими требованіямъ элементарной научной добросовѣстности.

точны имѣющіяся на этотъ счетъ данныя, устанавливающія статику этого явленія.

Въ самомъ дѣлѣ, что въ настоящее время, особенно въ Россіи, переходъ еврейской массы къ высшимъ формамъ производительнаго труда чрезвычайно затруднителенъ — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ даже тѣ сравнительно скудныя, статистическія данныя, которыя у насъ имѣются [1]). Въ чемъ же, однако, кроется причина этого явленія?

Для объясненія обыкновенно приводятъ наряду съ причинами болѣе частнаго характера, такъ сказать, вторичнаго происхожденія, имѣющими поэтому лишь преходящее значеніе (таковы: гражданское безправіе евреевъ, затруднительность конкурренціи на трудовомъ рынкѣ съ „кореннымъ“ населеніемъ, благодаря отсутствію технической подготовки, большей физической слабости, субботнему отдыху и т. д.), также и причины болѣе общія и основныя. Это во-первыхъ, наличность общественнаго антисемитизма, до извѣстной степени закрывающаго еврейскому рабочему доступъ на нееврейскія фабрики и заводы, а, во-вторыхъ, то обстоятельство, что у евреевъ городская мелкая буржуазія (мелкіе торговцы и ремесленники, посредники всякаго рода и т. д.) развилась до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какихъ, конечно, не знаетъ ни одинъ изъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ евреи живутъ. Между тѣмъ, этотъ классъ является именно тѣмъ элементомъ, который ходомъ капиталистическаго развитія прежде всего и относительно въ гораздо большей степени, чѣмъ другіе классы,— чѣмъ напримѣръ, пролетаризующееся крестьянство,—вытѣсняется изъ старыхъ формъ производства. Такимъ образомъ еврейская масса неизбѣжно должна выбрасываться за бортъ нормально-эволюціонирующихъ формъ экономической жизни въ гораздо большей степени, чѣмъ всякая другая изъ окружающихъ ее народныхъ массъ.

Къ этому надо прибавить еще одну, весьма немаловажную тенденцію производнаго характера: разъ попавъ вслѣдствіе историческихъ причинъ въ менѣе продуктивныя отрасли производства, находясь какъ бы *на периферіи* экономической жизни [2]), евреи, по мѣрѣ дальнѣйшаго поступательнаго хода развитія даннаго экономическаго уклада, въ которомъ они живутъ, въ его цѣломъ,

---

[1]) См. „Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи“, изд. Евр. Колониз. Общ. Методъ собиранія цифръ и наблюденій, имѣющихся въ „Сборникѣ“, далеко не гарантируетъ ихъ точности и достовѣрности; такъ же неудачна система ихъ обработки и классификаціи,—на что уже указывалось въ періодической печати, — и, тѣмъ не менѣе, „Сборникъ“ даетъ поразительно яркую картину нашей экономической дѣйствительности, прекрасно иллюстрирующую наши положенія.

[2]) Въ подтвержденіе этой характерной особенности обыкновенно указываютъ на то, что еврейскій трудъ находитъ свое приложеніе преимущественно въ производствѣ *средствъ потребленія*, а не въ производствѣ *средствъ производства*, являющемся болѣе органической и существенной частью современнаго хозяйства,— что еврейскій капиталъ есть преимущественно *торговый*, а не *предпринимательскій* капиталъ и т. п.

должны уже по силѣ инерціи сохранять въ этомъ укладѣ менѣе благопріятное для себя положеніе, сидѣть на низшихъ ступеняхъ экономической лѣстницы. Здѣсь *историзмъ* выступаетъ какъ бы самостоятельный факторъ. Тенденція эта парализуется лишь тѣмъ, что экономическая энергія разныхъ классовъ еврейскаго народа принимаетъ новое направленіе, создавая новыя отрасли производства или находя новыя сферы для своего приложенія путемъ эмиграціи.

Но что же означаютъ всѣ эти причины?

Онѣ означаютъ, во-первыхъ, то, что еврейская нація, не имѣя цѣлостной и независимой соціально-экономической структуры, оказывается неприноровленной къ чуждому, протекающему главнымъ образомъ внѣ ея процессу производства (отсутствіе профессіональной подготовки, непропорціональность элементовъ классовой структуры, отсталость физическаго развитія, субботній отдыхъ и другія культурно-бытовыя особенности), а, во-вторыхъ, то, что еврейская и, скажемъ, русская масса поставлены въ неравныя внѣшнія условія соціальной борьбы, что тѣ соціальныя преграды, которыя стоятъ по пути первой (гражданское безправіе, общественный антисемитизмъ), отсутствуютъ у второй, давая ей такимъ образомъ возможность при той же, если не меньшей, затратѣ силъ, подыматься на высшій соціальный уровень.

Здѣсь мы, очевидно, имѣемъ передъ собой несомнѣнный фактъ національной эксплоатаціи, въ нашемъ опредѣленіи этого понятія. Оттѣсняемые, благодаря неравенству указанныхъ внѣшнихъ условій, въ наименѣе производительныя отрасли экономической жизни, евреи тѣмъ самымъ подвергаются особенно интенсивной, какъ бы сверхсмѣтной, экономической эксплоатаціи. Но не будь этого неравенства внѣшнихъ условій у евреевъ и, скажемъ, у русскихъ, то, очевидно, не было бы и разности въ уровнѣ ихъ національнаго богатства: при той же тратѣ экономической энергіи, что и раньше, сумма національнаго богатства у евреевъ возросла бы, а у русскихъ соотвѣтственно понизилась. Ясно, что поскольку эта разность балансовъ у евреевъ и у русскихъ является исключительно результатомъ неравенства внѣшнихъ условій ихъ борьбы, она выражаетъ собою фактъ безвозмезднаго присвоенія послѣдними результатовъ соціальной энергіи первыхъ.

Разница между указанной нами здѣсь соціально-экономической эксплоатаціей угнетенной націи господствующей и классовой эксплоатаціей пролетаріата буржуазіей состоитъ лишь въ томъ, что тамъ эта эксплоатація выступаетъ въ болѣе непосредственномъ, какъ бы оголенномъ, видѣ и, поэтому, рѣзко бьетъ въ глаза, здѣсь же она происходитъ косвеннымъ, скрытымъ образомъ, и поэтому не кажется столь очевидной для поверхностнаго взгляда. Сущность эксплоатаціи, однако, отъ этого нисколько не измѣняется.

Итакъ, мы видимъ, что ненормальность національной жизни евреевъ, отсутствіе у нихъ собственныхъ автономныхъ соціально-экономическихъ формъ жизни являются исторической первопричиной того специфическаго экономическаго положенія, въ которомъ

они теперь находятся. Къ этой причинѣ сводится, въ конечномъ счетѣ, объясненіе противорѣчія, въ которомъ находится ихъ специфическая соціально-экономическая структура съ общимъ объективнымъ процессомъ экономическаго развитія, основные, наиболѣе органическіе элементы котораго лежатъ внѣ еврейской экономической дѣятельности и не ею регулируются. Той же причиной порождается и фактъ національной эксплоатаціи евреевъ въ сферѣ соціально-экономической.

Но еще ярче и нагляднѣе выступаетъ національная неприспособленность и національная эксплоатація евреевъ въ сферѣ политической и культурной.

Какъ въ сферѣ экономической, такъ и въ сферѣ политической, не сами евреи являются господами своего положенія, не евреи, какъ таковые, самостоятельно творятъ свою политическую судьбу: они принуждены бываютъ приспособляться къ складывающемуся независимо отъ ихъ доминирующей воли политическому организму, выражающему собою интересы и потребности господствующихъ группъ. Но въ современномъ государствѣ, въ этой организаціи господства буржуазіи, въ которой интересы господствующихъ группъ выступаютъ какъ бы въ сконцентрированномъ, скристаллизованномъ видѣ, національная эксплоатація и національная неприспособленность евреевъ должны сказаться рѣзче, рельефнѣе, чѣмъ въ экономической жизни.

Съ еще большей наглядностью проявляются онѣ въ такихъ политически-отсталыхъ странахъ, какъ напр., Россія, гдѣ самодержавный режимъ находится въ коренномъ противорѣчіи даже съ интересами господствующей націи и господствующихъ классовъ, и гдѣ этотъ политическій анахронизмъ по отношенію къ угнетеннымъ націямъ является, поэтому, анахронизмомъ въ квадратѣ, если можно такъ выразиться. Вѣдь, въ концѣ концовъ, подавляющія массы такъ называемаго „коренного населенія", не познавшія еще непримиримаго противорѣчія своихъ интересовъ съ данной политической формой, составляютъ единственный оплотъ россійскаго самодержавія. Ни для кого не можетъ быть сомнѣніемъ, что это чудовище давно уже было бы сметено съ лица земли, если бы, напр., польскій или еврейскій народъ могли самостоятельно опредѣлить формы своей политической жизни.

Отсюда вытекаютъ различные виды политической эксплоатаціи угнетенныхъ націй. Волны политическаго недовольства послѣднихъ, ударяясь о политическую косность „коренного населенія", должны разсѣять значительную часть заключающейся въ нихъ энергіи непроизводительно для тѣхъ, отъ кого онѣ исходятъ. Ни польскій, ни еврейскій народъ, и ни одна другая изъ населяющихъ Россію угнетенныхъ культурныхъ націй не могутъ использовать всецѣло для себя проявляемую ими революціонную энергію. Какъ угнетенныя націи, революціонныя по самому своему существу, онѣ всегда принуждены будутъ тратить неизмѣримо большее количество революціонной энергіи, чѣмъ „коренное населеніе", а между тѣмъ результаты общихъ политическихъ побѣдъ будутъ опять-таки прежде всего и больше всего доставаться на долю этого же

самаго „коренного населенія“. Исторія революціоннаго движенія въ Россіи можетъ служить намъ въ этомъ отношеніи прекрасной иллюстраціей. Но помимо того, въ странѣ политическаго безправія и произвола политическая эксплоатація выступаетъ совершенно непосредственно въ самомъ чистомъ видѣ. Разжиганіе націоналистическихъ страстей, травля инородцевъ, усугубленіе политическаго безправія послѣднихъ составляютъ, какъ извѣстно, основную, неотъемлемую часть всякой системы политическаго угнетенія.

Однако, фактъ непринаровленности евреевъ къ политическимъ организмамъ, въ которыхъ они живутъ, наличность ихъ національной эксплоатаціи въ сферѣ политической нетрудно обнаружить также въ странахъ, пользующихся относительной политической свободой, гдѣ законъ не ограничиваетъ евреевъ ни въ гражданскихъ, ни въ политическихъ правахъ.

Какъ болѣе слабая соціальная группа, евреи не могутъ нигдѣ использовать всецѣло свои политическія права. Даже въ тѣхъ странахъ Западной Европы, гдѣ евреи, благодаря свой малочисленности и счастливому сочетанію цѣлаго ряда другихъ историческихъ условій, заняли въ экономической жизни мѣсто среди господствующихъ классовъ, ихъ политическое положеніе далеко, однако, не соотвѣтствуетъ ихъ экономическому господству. Мы видимъ, напр., что въ Германіи извѣстная часть еврейской буржуазіи вотируетъ за злѣйшаго врага буржуазіи—за соціальдемократію, такъ какъ соціальдемократія въ Германіи является почти единственной партіей въ парламентѣ, борющейся съ антисемитизмомъ. Этотъ фактъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ говоритъ о томъ, что даже еврейская буржуазія принуждена жертвовать часть своихъ политическихъ правъ на постороннія цѣли „національной защиты“... Конечно, въ данномъ случаѣ намъ остается только радоваться тому, что еврейская буржуазія политически эксплоатируется именно соціальдемократіей, но этотъ фактъ самъ по себѣ чрезвычайно характеренъ. Если же обратиться къ такой странѣ, гдѣ живетъ уже болѣе или менѣе значительная масса евревъ, напримѣръ, къ Австріи, то наличность политической эксплоатаціи всѣхъ классовъ еврейскаго народа, и, прежде всего, конечно, пролетаріата, невозможность для нихъ всецѣло использовать свои политическія права рѣзко бросаются въ глаза всякому, кто хоть нѣсколько знакомъ съ положеніемъ евреевъ въ этой странѣ [1]).

Въ слѣдующей главѣ мы попытаемся еще проанализировать тотъ особенный видъ современной политической эксплоатаціи евреевъ, который является слѣдствіемъ того, что за еврейской національ, *какъ таковой*, не признается нигдѣ никакихъ политическихъ правъ. Впрочемъ, этотъ видъ политической эксплоатаціи евреевъ

---

[1]) Что въ значительной степени политическая эксплоатація евреевъ въ Галиціи объясняется просто ихъ *неумѣніемъ* использовать свои права, состояніемъ полнѣйшей неорганизованности галиційской еврейской массы, длившимися до самаго послѣдняго времени и являющимися, въ свою очередь, результатомъ цѣлаго ряда своеобразно сложившихся историческихъ условій — противъ этого, конечно, мы спорить не будемъ.

имѣетъ только преходящее значеніе, такъ какъ дальнѣйшая политическая эволюція тѣхъ государствъ съ разноплеменнымъ составомъ населенія, гдѣ живутъ подавляющія массы еврейства, какъ Россія и Австрія, въ концѣ концовъ, должна будетъ, какъ мы и постараемся доказать, привести послѣднія къ признанію за каждой націей, входящей въ ихъ составъ, а, слѣдовательно, также и за еврейской, всѣхъ этихъ правъ.

Но помимо всего сказаннаго, національная неприспособленность евреевъ къ складывающемуся внѣ ихъ доминирующей воли политическому строю тѣхъ государствъ, гдѣ они живутъ болѣе или менѣе значительными массами, вытекаетъ изъ того самаго факта, что данный политическій строй не выражаетъ собой равнодѣйствующей борющихся именно внутри еврейства политическихъ силъ, и что само еврейство, *какъ цѣлое*, является въ данномъ случаѣ лишь одной изъ многихъ образующихъ національныхъ величинъ неодинаковаго значенія и неодинаковаго уровня политическаго развитія. Это сообщаетъ національному единству евреевъ несвойственный его сущности характеръ и совершенно непропорціональное ему значеніе и чрезвычайно затрудняетъ борьбу силъ внутри его.

Особенно гибельно отражается это обстоятельство на пролетаріатѣ и его классовой борьбѣ. Принужденный удѣлять извѣстную долю своей политической энергіи на то, чтобы отстаивать опредѣленную національную политику, онъ не можетъ, вслѣдствіе этого, сконцентрировать всю свою энергію цѣликомъ въ своей классовой борьбѣ, слѣдовательно, не можетъ вполнѣ свободно развернуть свои классовыя силы. Тѣ аномаліи „военнаго положенія“, которыя для пролетаріата нормально живущихъ націй создаются лишь въ рѣдкіе моменты, въ исключительныя эпохи,— являются для еврейскаго пролетаріата вполнѣ хроническими. Впрочемъ, этого рода аномаліи политической жизни угнетенныхъ націй настолько общеизвѣстны, что подробно останавливаться на нихъ здѣсь мы считаемъ совершенно излишнимъ.

Намъ остается еще разсмотрѣть національную эксплоатацію евреевъ въ сферѣ культурной жизни.

Если далеко еще не всѣ вполнѣ ясно усвоили себѣ ту истину, что въ дѣйствительной, реальной жизни, а не въ абстракціи, соціально-экономическія и политическія группировки существуютъ не въ чистомъ, изолированномъ видѣ, а неизмѣнно сливаются со скрещивающимися съ ними національными группировками, что, вслѣдствіе этого, внутри какъ тѣхъ, такъ и другихъ группировокъ создаются крайнія различія положенія и что, слѣдовательно, аномаліи національной жизни данной группы искажаютъ ея соціально-экономическое и политическое положеніе—если эта истина, говоримъ мы, не сдѣлалась еще общимъ достояніемъ по отношенію къ сферамъ соціально-экономической и политической, то по отношенію къ сферѣ культурной жизни она уже успѣла завоевать себѣ всеобщее признаніе.

Наличность индивидуальныхъ конкретныхъ формъ въ сферѣ культурной жизни никто уже, кажется, не подвергаетъ ни малѣй-

шему сомнѣнію. Культурную жизнь народа немыслимо даже представить себѣ внѣ тѣхъ національныхъ формъ, въ которыя она облекается, хотя бы уже по одному тому, что каждое проявленіе этой жизни, по самому существу своему, необходимо должно облечься въ опредѣленную форму національнаго языка. Отсюда ясно, что культурное развитіе націи неотдѣлимо отъ развитія ея національной культуры. Точно также ясно, съ другой стороны, что вопросы развитія національной культуры представляютъ собою не метафизическую проблему о развитіи субстанціи національнаго духа—это просто-напросто вопросы культурнаго развитія членовъ данной націи. Чѣмъ богаче національная культура даннаго народа, тѣмъ обильнѣе источникъ, откуда онъ черпаетъ свое культурное развитіе, и наоборотъ. А что нормальное или ненормальное развитіе культурной жизни націи имѣетъ колоссальное значеніе и для ея политической и даже экономической жизни — это положеніе, кажется, давно уже превратилось въ полнѣйшій трюизмъ.

Теперь спрашивается: мыслимо ли нормальное культурное развитіе націи, лишенной національной самостоятельности, живущей въ рамкахъ соціально-экономической, политической и культурной жизни другой націи, если она въ то же время не ассимилируется съ послѣдней?

Мы думаемъ, что на этотъ вопросъ надо отвѣтить категорически отрицательно. Самостоятельныя соціально-экономическія и политическія формы жизни представляютъ собой именно тѣ реальныя условія, наличность которыхъ безусловно необходима для нормальнаго развитія здоровой культурной жизни націи. Явленія культурной жизни, въ настоящемъ широкомъ значеніи этого слова, настолько тѣсно сплетаются, настолько органически срастаются съ явленіями соціально-экономической и политической жизни, что уничтоженіе этой непосредственной связи между ними, искусственное отдѣленіе одного отъ другого необходимо должны тормозить и коверкать развитіе какъ той, такъ и другой области.

Въ самомъ дѣлѣ, отдѣлимо ли развитіе соціально-политическаго сознанія народа отъ эволюціи его соціально-политическихъ институтовъ? Не существуетъ ли между ними самое тѣсное взаимодѣйствіе, не срастается ли органически одно съ другимъ? А вѣдь развитіе соціально-политическаго сознанія составляетъ главный нервъ культурной жизни народа, опредѣляющій характеръ и высоту его общаго культурнаго уровня и тысячами нитей связанный съ развитіемъ всѣхъ его спеціально-культурныхъ учрежденій. Когда же область спеціально-культурной жизни (образованіе, литература, искусство) подъ давленіемъ чисто-внѣшнихъ условій отрывается отъ области такъ называемой „гражданской“ жизни со всѣми связанными съ послѣдней явленіями соціально-политическаго сознанія, когда, такимъ образомъ, та и другая протекаютъ въ различныхъ, разобщенныхъ между собой плоскостяхъ, тогда культурная жизнь, лишенная вслѣдствіе этого разобщенія своей живой, естественной почвы, не можетъ уже правильно развиваться, не можетъ надлежащимъ образомъ развернуть свою мощь. Таково именно положеніе, въ которомъ находится культурная жизнь еврей-

скаго народа, положеніе нашедшее, какъ извѣстно, въ послѣднее время среди нѣкоторой части еврейства свою теоретическую и практическую санкцію, своихъ апологетовъ.

Изъ этого-то положенія и вытекаетъ явленіе національной эксплоатаціи евреевъ въ сферѣ культурной. Въ качествѣ „гражданъ", въ качествѣ членовъ того или другого соціально-экономическаго и политическаго аггрегата евреи участвуютъ въ созданіи опредѣленныхъ культурныхъ цѣнностей, выростающихъ въ процессѣ развитія самой гражданской жизни, но всецѣло реализовать эти цѣнности въ своей собственной культурной средѣ они, однако же, не могутъ вслѣдствіе указаннаго раздвоенія и разобщенности этихъ сферъ жизни. Всецѣло, безъ остатка, эти цѣнности реализуются только въ культурной жизни тѣхъ свободныхъ націй, у которыхъ культурная и гражданская жизнь протекаетъ въ одной и той же плоскости, сливаясь въ одинъ цѣльный, могучій потокъ.

Остановимся здѣсь на одномъ примѣрѣ для иллюстраціи этой мысли.

Возьмемъ, напримѣръ, судьбы русскаго и еврейскаго языка въ Россіи. Мы говоримъ, конечно, не о теперешней Россіи, гдѣ всякое проявленіе культурной жизни угнетенныхъ націй обставлено особыми стѣсненіями или же душится въ самомъ зародышѣ,— мы говоримъ именно о Россіи свободной, демократической. Если мы представимъ себѣ въ демократическомъ строѣ будущей свободной Россіи даже самое широкое и послѣдовательное проведеніе принципа свободы и равноправія языковъ, то необходимо будутъ, однако, существовать объективныя условія, ограничивающія „свободу и равноправіе" еврейскаго языка. Согласитесь, что „свобода" эта никогда не сможетъ простираться на область экономическихъ и всякихъ другихъ соціальныхъ сношеній евреевъ съ окружающимъ населеніемъ, а вѣдь евреи, живя разсѣянно среди этого послѣдняго, составляютъ по отношенію къ нему незначительное меньшинство—область ихъ взаимныхъ сношеній, по крайней мѣрѣ, въ сферѣ гражданской жизни должна быть такимъ образомъ чрезвычайно значительна. Кромѣ того, даже въ самомъ демократическомъ, но единомъ и цѣлостномъ государствѣ необходимо существованіе общегосударственнаго языка, и этотъ языкъ будетъ русскій.

Очевидно, что область—конечно, не пространственная, а соціальная—примѣненія еврейскаго языка по сравненію съ областью примѣненія русскаго языка должна быть значительно уже. Культурное творчество самихъ евреевъ въ сферѣ гражданской жизни должно будетъ въ значительной мѣрѣ осѣдать въ русскомъ языкѣ. Тѣ самыя объективныя условія, которыя съ чисто-стихійной необходимостью заставляютъ русскій языкъ проникать во всѣ поры гражданской жизни, развиваться и усложняться вмѣстѣ съ послѣдней,—кладутъ извѣстный строгій предѣлъ развитію еврейскаго языка.

А развѣ нужно доказывать, что всякія ограниченія и задержки въ развитіи національнаго языка до извѣстной степени задерживаютъ и ограничиваютъ культурное развитіе членовъ на-

ціи, поскольку, конечно, національный языкъ является для нихъ роднымъ языкомъ? Развѣ нужно доказывать, что культурное творчество народа, осѣдающее не въ его родномъ національномъ языкѣ, а въ языкѣ чужого народа, не можетъ уже быть всецѣло использовано имъ самимъ, и, что, слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь передъ собой видъ національной эксплоатаціи въ сферѣ культурной? Поэтому-то неизбѣжность двуязычія для еврейской массы является однимъ изъ самыхъ характерныхъ выраженій ея неприспособленности къ тѣмъ чуждымъ формамъ соціальной жизни, въ рамкахъ которыхъ ей приходится проявлять свое культурное творчество.

Но если эти маленькія, но безпрерывныя, „анонимныя“ проявленія культурнаго творчества евреевъ, осѣдающія въ чужой культурной средѣ, часто проходятъ незамѣтными для глазъ наблюдателя, именно благодаря своей неуловимости и безпрерывности, если, благодаря этому, не выступаетъ такъ рельефно наружу вытекающая изъ этой культурной эксплоатаціи ненормальность культурнаго развитія самихъ еврейскихъ массъ, — то существуютъ, однако, среди явленій этого порядка случаи яркіе, рѣзко бьющіе въ глаза, сами за себя говорящіе и служащіе краснорѣчивымъ подтвержденіемъ высказанныхъ нами положеній. Мы имѣемъ здѣсь въ виду тѣ, слишкомъ ужъ многочисленные случаи, когда еврейская интеллигенція оставляетъ еврейскій народъ, чтобы все свое культурное творчество проявлять въ чужой культурной средѣ. Станетъ ли кто-либо отрицать, что соціально-культурный уровень еврейской массы стоялъ бы неизмѣримо выше, если бы всѣ эти большіе и малые Лассали и Марксы, Гейне и Берне, Антокольскіе и Брандесы проявляли свое соціально-культурное творчество непосредственно въ еврейской средѣ?

Слишкомъ ярко и слишкомъ печально это явленіе, чтобы оно, наконецъ, не раскрыло глаза всѣмъ тѣмъ, кто только подъ фразами объ общечеловѣческой культурѣ не скрываетъ своего полнаго равнодушія къ интересамъ соціальнаго развитія еврейскихъ массъ.

III.

Динамика еврейской дѣйствительности.

Мы попытались дать здѣсь,—разумѣется, въ самомъ общемъ схематическомъ видѣ, — постановку еврейскаго вопроса, какъ такового.

Исходя изъ положенія, что съ формальной стороны еврейскій вопросъ есть вопросъ національный, мы пытались установить его формальное и реальное содержаніе, его отличіе отъ національныхъ проблемъ другихъ угнетенныхъ націй. Приэтомъ, желая опредѣлить основную природу вопроса, его индивидуальные конститутивные признаки, мы, согласно методу изолирующей дедукціи, разсматривали его въ чистомъ изолированномъ видѣ, внѣ связи

съ опредѣленными классами, на которые въ дѣйствительности распадается еврейская нація, — абстрагируя его отъ другихъ соціальныхъ вопросовъ, тѣсно сплетающихся съ нимъ по всей плоскости соціальной борьбы. Но уже изъ сказаннаго нетрудно вывести заключеніе, что наибольшую остроту національный вопросъ пріобрѣтаетъ именно для широкихъ трудящихся массъ, для того угнетеннаго и обездоленнаго класса, на который въ современномъ буржуазномъ обществѣ всѣ виды соціальнаго гнета ложатся особенно тяжелымъ бременемъ.

Эксплоатируемый, какъ классъ, въ экономическомъ, политическомъ и культурномъ отношеніяхъ, пролетаріатъ подвергается въ означенныхъ сферахъ и національной эксплоатаціи въ наибольшей степени. Положеніе пролетарія—класса, сочетаясь съ положеніемъ пролетарія—націи, усугубляетъ одно другое. Представляя собой, какъ классъ, наиболѣе угнетенную соціальную группу въ современномъ обществѣ, пролетаріатъ угнетенной націи въ цѣломъ въ несравненно меньшей степени, чѣмъ соотвѣтствующая буржуазія, можетъ противодѣйствовать національному гнету и національной эксплоатаціи. Но помимо того, національный вопросъ пріобрѣтаетъ именно для пролетаріата главное, преимущественное значеніе еще и потому, что, состоя изъ большихъ, сплоченныхъ и активныхъ массъ, пролетаріатъ является національнымъ par excellence, и для него оказывается абсолютно немыслимымъ обезличиться, стушеваться и по одиночкѣ, незамѣтнымъ образомъ, проникнуть въ окружающую соціальную среду, какъ это, напримѣръ, было возможно, по крайней мѣрѣ, во время оно, для численно незначительной и мало сплоченной еврейской буржуазіи въ Западной Европѣ. Благодаря своей сплоченности, массовидности и активности, пролетаріатъ, самымъ фактомъ своего существованія, ставитъ національный вопросъ въ самой яркой, самой выпуклой формѣ и допускаетъ только одно опредѣленное, радикальное его рѣшеніе.

Мы должны здѣсь коснуться одного чрезвычайно важнаго момента въ исторіи развитія новаго европейскаго общества, который только въ послѣднее время начали приводить въ строгую связь съ фактомъ выступленія пролетаріата на историческую арену. Мы имѣемъ въ виду прогрессивно возрастающее значеніе національнаго фактора, сопровождающее процессъ образованія и развитія современнаго капиталистическаго строя. Достаточно бросить лишь бѣглый, поверхностный взглядъ на исторію Европы послѣднихъ вѣковъ, чтобы самымъ несомнѣннымъ образомъ убѣдиться въ томъ, что рядомъ съ процессомъ капиталистическаго развитія идетъ процессъ національзаціи общества. Отъ великой французской революціи до объединенія Германіи, отъ возрожденія Италіи и Греціи, освобожденія Балканскихъ народностей и вплоть до національныхъ движеній современной Австріи и Россіи, мы видимъ одинъ и тотъ же процессъ кристаллизаціи національностей, выдѣленія изъ пассивной, какъ бы безформенной, массы ярко очерченныхъ націй, выступающихъ на арену исторіи, какъ могучіе, все возрастающіе факторы исторической жизни. Если придерживаться ходячаго, когда-то господствовавшаго и теперь еще чрезвычайно рас-

пространеннаго, особенно въ маркситской литературѣ, взгляда на національнизмъ, какъ на историческій пережитокъ, долженствующій необходимо исчезнуть по мѣрѣ вовлеченія народовъ въ общій историческій потокъ, то отмѣченное нами явленіе оказывается совершенно необъяснимымъ. Исходя изъ этого взгляда, казалось бы, что именно въ эпоху капиталистической эволюціи меньше всего слѣдуетъ ожидать развитія національныхъ движеній, усиленія роли національн. фактора, что вѣкъ развитія національнизма намъ слѣдуетъ искать скорѣе гдѣ-то позади въ средневѣковой феодальной Европѣ. Тамъ, казалось бы, мы найдемъ всѣ тѣ моменты, которые необходимы для развитія національнизма въ вышеуказанномъ пониманіи его. Тамъ мы имѣемъ почти совершенно замкнутыя, не сообщающіяся между собой политическія области, тамъ мы имѣемъ самодовлѣющія экономическія единицы, соціальная связь между которыми чрезвычайно слаба и ограничена, тамъ мы имѣемъ настоящее царство традиціи, полное господство всякаго рода предразсудковъ, наконецъ, мы находимъ тамъ въ качествѣ движущаго фактора, окрашивающаго всю тогдашнюю соціальную жизнь—религію, доставляющую гораздо болѣе широкій просторъ, чѣмъ, скажемъ, факторъ экономическій, развитію такъ называемаго „національнаго духа"—словомъ, тамъ какъ будто все благопріятствовало процвѣтанію національнизма, отождествляемаго вышеуказаннымъ взглядомъ съ сепаратизмомъ, шовинизмомъ и т. д. А между тѣмъ, средніе вѣка, какъ извѣстно, представляются вѣками ассимиляціи par excellence. Хаотическое смѣшеніе языковъ и нарѣчій, сравнительно легкія и быстрыя замѣны однихъ національныхъ формъ другими—вотъ что характерно именно для среднихъ вѣковъ. Наконецъ, мы находимъ въ средніе вѣка господство болѣе или менѣе универсальныхъ интернаціональныхъ религій, интернаціональную литературу на интернаціональномъ латинскомъ языкѣ,—словомъ, именно въ средневѣковой феодальной Европѣ мы находимъ всѣ зачатки космополитической идилліи, по которой теперь столь многіе вздыхаютъ.

Восходя отъ среднихъ вѣковъ къ новымъ, мы изъ царства религіозной борьбы, изъ міра религіозныхъ и политическихъ интересовъ, преобладающихъ, какъ непосредственные факторы соціальной борьбы,—вступаемъ въ міръ доминирующаго значенія экономическихъ интересовъ. Наступаетъ эра капиталистическаго развитія, производится полнѣйшая перетасовка всѣхъ общественныхъ силъ, коренная, радикальная переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Съ силой великой, всепокоряющей стихіи совершаетъ капитализмъ свое гигантское шествіе, разрушая всѣ преграды на своемъ пути. Уничтожая всѣ задерживающія его развитіе темныя силы прошлаго, уничтожая вѣковыя границы народовъ, постепенно вовлекая ихъ въ одинъ общій универсальный историческій потокъ, онъ вызываетъ, организуетъ и ставитъ непосредственно лицомъ къ лицу двѣ величайшія интернаціональныя силы—трудъ и капиталъ. Создавая міровой рынокъ, управляющій чуть ли не всѣми народами земного шара, онъ порождаетъ также всемірный пролетаріатъ, растущій въ сознаніи своего интернаціональнаго, классоваго единства. И вотъ, казалось бы, что всенивеллирующее движеніе этихъ универсальныхъ

экономическихъ силъ должно было постепенно стереть всякія національныя различія между народами, аннулировать всякое значеніе національнаго фактора въ соціальной жизни и водрузить, въ концѣ концовъ, знамя того космополитическаго идеала, начало реализаціи котораго восходитъ, какъ мы видимъ, еще къ среднимъ вѣкамъ.

Какъ извѣстно, въ недавнемъ прошломъ такъ именно рисовалъ себѣ картину исторической эволюціи національностей одинъ изъ лидеровъ нѣмецкой соціальдемократіи,—Карлъ Каутскій [1]) Исходя изъ своего общаго соціологическаго credo, примыкая къ вышеотмѣченному нами вульгарному пониманію національной проблемы, онъ съ логической необходимостью долженъ былъ прійти къ такимъ именно выводамъ. Но, очевидно, что такое представленіе объ исторической эволюціи національностей могло быть выведено только путемъ дедукціи изъ чистаго разума, такъ какъ дѣйствительная жизнь, реальный историческій процессъ представляютъ собой нѣчто діаметрально-противоположное.

Реальный историческій процессъ, какъ мы уже сказали, наоборотъ, отмѣчаетъ собой поразительный ростъ національно-освободительныхъ движеній, ростъ силы и значенія національнаго фактора въ соціальной жизни вообще. Подъ давленіемъ этой дѣйствительности пришлось и Каутскому радикально измѣнить свои воззрѣнія на національный вопросъ и на національныя задачи пролетаріата. [2])

---

[1]) См. „Національность нашего времени",—„Очерки и этюды" К. Каутскаго.

[2]) Эволюція воззрѣній Каутскаго на національный вопросъ имѣетъ большое симптоматическое значеніе и заслуживала бы обстоятельнаго разбора. Мы укажемъ на три статьи Каутскаго по этому вопросу, отдѣленныя одна отъ другой довольно значительными промежутками времени.—Въ статьѣ „Національность нашего времени" Каутскій выясняетъ генезисъ національности. Національность, по его мнѣнію, есть порожденіе капитализма, возросшее вмѣстѣ съ буржуазіей. „Національная идея",—идея единства націи,—есть, поэтому, чисто буржуазная идея. Покамѣсть буржуазія была революціонной, и „національная идея" была стимуломъ прогресса. Теперь, когда буржуазія становится все болѣе реакціонной, „національная идея стала мантіей, въ которую драпируются всякіе спекулянты и карьеристы". Въ будущемъ Каутскій предсказываетъ ассимиляцію меньшихъ національностей большими и замѣну національныхъ языковъ однимъ универсальнымъ языкомъ, что явится слѣдствіемъ объединенія націй въ одну экономическую область и уничтоженія національныхъ разграниченій. Исходя изъ этихъ соображеній, Каутскій осуждаетъ стремленіе чеховъ къ національной самостоятельности, какъ противорѣчащее тенденціи экономическаго развитія. Надо, впрочемъ, замѣтить, что общее построеніе этой статьи отличается нѣкоторой противорѣчивостью.—Въ слѣдующей своей статьѣ—„Кризисъ въ Австріи"—Каутскій уже воздерживается отъ категорическихъ прогнозовъ ассимиляціи. Наоборотъ, онъ отмѣчаетъ въ современной жизни наличность противоположныхъ тенденцій: „Экономическое развитіе Австріи и Турціи,—говоритъ онъ,—не содѣйствуетъ тому, чтобы консолидировать національности и растворить въ ихъ средѣ другія мелкія и, такимъ образомъ, создать націю со строго отграниченной областью, напротивъ того, оно скорѣе содѣйствуетъ тому, чтобы еще болѣе спутать націи другъ съ другомъ и вновь создать новыя мелкія національности". „Раньше какъ-то я ожидалъ, что ростъ классовой борьбы сблизитъ буржуазію различныхъ націй, но до сихъ поръ произошло совершенно обратное. Въ общемъ, мы должны отмѣтить, что буржуазный міръ все болѣе раскалывается". Въ этой же статьѣ Каутскій признаетъ требованіе національной автономіи и обращенія Австріи въ федерацію національностей, выставляемое австрійской соціальдемократіей, единственнымъ рѣшеніемъ національнаго вопроса.—Но еще болѣе крутой и очевидный поворотъ можно замѣтить въ послѣдней статьѣ Каутскаго: „О національномъ вопросѣ въ Россіи". Здѣсь онъ прямо указываетъ, что національзація

Но если реальная дѣйствительность совершенно не укладывается въ рамки ходячаго вульгарнаго пониманія національнаго вопроса, то наше воззрѣніе на послѣдній даетъ, по нашему мнѣнію, достаточно ясное и удовлетворительное объясненіе. Національность, какъ конкретная форма соціальной жизни, усложняется и развивается вмѣстѣ съ развитіемъ и усложненіемъ содержанія послѣдней. По мѣрѣ того, какъ соціальная жизнь, развиваясь вширь и вглубь, стихійнымъ образомъ сплачиваетъ широкія народныя массы и дѣлаетъ ихъ активными дѣятелями, настоящими творцами историческаго процесса,—должны все больше крѣпнуть, все ярче проявляться конкретныя національныя формы, въ которыя выливается соціальная жизнь массъ. Стихійный историческій процессъ, порождая прогрессивное возрастаніе сплоченности и активности массъ, кладетъ тѣмъ самымъ объективный предѣлъ процессу ассимиляціи и превращаетъ ассимиляціонную космополитическую идеологію въ реакціонную утопію.

Дѣло въ томъ, что національная ассимиляція, понимаемая не въ смыслѣ приспособленія чужихъ порядковъ къ потребностямъ данной націи, а наоборотъ, въ смыслѣ приспособленія ея потребностей къ чужимъ порядкамъ, и означающая постепенное ослабленіе и, въ концѣ концовъ, потерю національнаго самосознанія,—такая ассимиляція необходимо предполагаетъ состояніе полнѣйшей соціальной пассивности ассимилирующихся народныхъ массъ, крайне слабое функціонированіе коллективнаго сознанія. Такого рода ассимиляція представляетъ собой, въ сущности, процессъ чисто механическаго подражанія, простого копированія чужихъ національныхъ формъ и не заключаетъ въ себѣ ничего творческаго. Наоборотъ, она мыслима только при томъ условіи, если ассимилируемая національная группа, какъ цѣлое, не проявляетъ въ процессѣ своего приспособленія никакихъ творческихъ импульсовъ, не обнаруживаетъ никакихъ внутреннихъ активныхъ творческихъ силъ, а всецѣло находится во власти внѣшнихъ воздѣйствій, какъ совершенно пассивный матеріалъ, готовый принять всякія навязываемыя ему извнѣ формы. Только въ такой пассивности, въ отсутствіи дѣятельной жизни внутри группы и кроется тайна ея особенной эластичности, ея способности стать точной копіей любой модели. Далѣе, такая коллективность, какъ инертная, доступная лишь внѣшнему воздѣйствію масса, должна также терять свое

общества сопутствуетъ демократизаціи послѣдняго,—и то, и другое является результатомъ капиталистическаго развитія. Онъ отмѣчаетъ также ростъ „національной потребности въ тѣсномъ объединеніи всѣхъ частей, какъ лучшемъ средствѣ для того, чтобы въ полной мѣрѣ развить всѣ національныя силы“. Считаясь съ объективной необходимостью и прогрессивностью этихъ тенденцій, соціальдемократія „должна поддерживать стремленія къ государственному объединенію и самостоятельности тѣхъ націй, среди которыхъ она живетъ и работаетъ. Въ этомъ смыслѣ она должна, слѣдовательно, быть *въ такой же мѣрѣ національной, какъ и демократической* (курс. нашъ)“. Далѣе, Каутскій признаетъ вполнѣ раціональными различныя предложенія скомбинировать территоріальное самоуправленіе съ самоуправленіемъ отдѣльныхъ націй и усматриваетъ главное препятствіе къ осуществленію этихъ проектовъ въ буржуазіи господствующихъ національностей съ присущей ей тенденціей къ территоріальной автономіи, дающей рядъ привиллегій національному большинству.

групповое самосознаніе, какъ только навязанныя ей извнѣ формы перестаютъ ему соотвѣтствовать. Процессы измѣненія, совершаемые въ ней чисто механическимъ путемъ, одной силой внѣшняго воздѣйствія и не претворяемые ею органически дѣйствующими внутри ея силами, неминуемо должны, накопляясь, постепенно ослаблять, а потомъ и совсѣмъ прервать цѣпь внутреннихъ состояній, образующую актъ ея самосознанія. Достигнувъ извѣстнаго предѣла, измѣненія такого рода вырываютъ въ сознаніи непроходимую пропасть между прошлымъ и настоящимъ: типъ теряетъ сознаніе о своемъ прежнемъ „я".

Совершенно другое дѣло, когда коллективность проявляетъ дѣятельную внутреннюю жизнь, когда ея активныя внутреннія силы играютъ доминирующую роль въ процессѣ ея приспособленія къ окружающей средѣ. Здѣсь уже происходитъ не приспособленіе потребностей коллективности къ заимствуемымъ порядкамъ, а, наоборотъ, приспособленіе заимствуемыхъ порядковъ къ потребностямъ коллективности. Приспособленіе изъ механическаго подражанія, изъ точного копированія модели превращается здѣсь въ органическое взаимодѣйствіе, въ своеобразную *модификацію* образца. Процессъ такого рода приспособленія составляетъ сплошной творческій актъ: въ результатѣ его получается нѣчто новое, своеобразное. Такъ какъ всякое внѣшнее воздѣйствіе превращается здѣсь активными силами коллективнаго организма въ фактъ внутренней жизни послѣдняго, претворяется въ элементъ внутренняго состоянія, то количественное и качественное усиленіе этого внѣшняго воздѣйствія, расширяя сферу внутренней жизни коллективности, тѣмъ самымъ укрѣпляетъ ея групповое самосознаніе. Вѣдь всякое самосознаніе является, въ концѣ концовъ, лишь выраженіемъ внутригрупповой жизни, и сила его опредѣляется интенсивностью послѣдней. Понятно, что, откуда бы ни происходила интенсификація внутренней жизни группы и увеличеніе ея активности—отъ увеличенія ли плоскости ея соціальнаго взаимодѣйствія или отъ какихъ-либо другихъ причинъ—это всегда приведетъ къ одному и тому же результату: къ укрѣпленію группового самосознанія.

Совершенно аналогичное явленіе можно наблюдать въ сферѣ индивидуальной психологіи. Примѣры гипнотическаго внушенія, съ одной стороны, и разумнаго убѣжденія, съ другой, могутъ служить для насъ въ этомъ отношеніи прекрасной аналогіей. [1]) Гипнотическое внушеніе представляетъ собой яркій примѣръ внѣшняго воздѣйствія при полнѣйшей внутренней пассивности субъекта. Выполняя чисто механическимъ образомъ, съ точностью маніака, внушенія гипнотизёра, гипнотизируемый субъектъ не приводитъ своихъ дѣйствій въ органическую связь со своимъ внутреннимъ состояніемъ, не претворяетъ ихъ въ своемъ сознаніи и въ своей волѣ, не только не овладѣваетъ ими, но самъ всецѣло находится въ ихъ власти. Его собственное сознаніе отсутствуетъ, его собствен-

[1]) Мы пользуемся этой аналогіей, разумѣется, лишь для иллюстраціи нашей мысли.

ная воля спитъ, и, механически копируя гипнотизёра, онъ, конечно не проявляетъ ничего творческаго. Теряя сознаніе о своемъ собственномъ „я“, онъ при этомъ можетъ пріобрѣсти сознаніе о новомъ „я“, сообразно тѣмъ дѣйствіямъ, которыя онъ выполняетъ. Но что особенно характерно и особенно важно для насъ отмѣтить—это то, что гипнотическому внушенію наиболѣе легко поддаются лица слабовольныя, натуры вялыя, съ небогатой и несложной внутренней жизнью, живущія въ однообразной и сѣрой обстановкѣ, гдѣ умъ и воля получаютъ мало питанія и, слѣдовательно, не могутъ проявлять особенной дѣятельности. Словомъ, рѣшающее значеніе здѣсь имѣетъ состояніе душевной пассивности субъекта, сравнительное отсутствіе въ немъ внутренней активной жизни. Этому условію нисколько не противорѣчитъ и то обстоятельство, что люди нервные также легко поддаются внушенію, такъ какъ человѣкъ нервный, какъ извѣстно, также проявляетъ сравнительно меньше душевной самостоятельности и цѣлесообразной волевой активности при реагированіи на внѣшнія воздѣйствія.

Если обратимся теперь къ процессу образованія въ человѣкѣ разумнаго убѣжденія или акта сознательной воли, то мы увидимъ, что онъ представляетъ собой діаметральную противоположность только что охарактеризованному нами процессу гипнотическаго внушенія. Здѣсь мы имѣемъ процессъ гармоническаго сочетанія силъ, дѣйствующихъ на индивида извнѣ, съ его внутренними силами. Здѣсь передъ нами актъ органическаго претворенія внѣшнихъ элементовъ во внутреннее состояніе дѣйствіемъ активныхъ силъ личности. Овладѣвая внѣшнимъ воздѣйствіемъ и превращая его въ фактъ своей индивидуальной внутренней жизни, въ свое личное духовное достояніе, личность приводитъ его въ стройную связь съ совокупностью остальныхъ духовныхъ достояній своихъ и тѣмъ самымъ, совершаетъ актъ истиннаго творчества. Обогащая внутреннюю жизнь индивида, это внѣшнее воздѣйствіе тѣмъ самымъ, разумѣется, развиваетъ и укрѣпляетъ его самосознаніе.

Далѣе, процессъ образованія разумнаго убѣжденія, въ противоположность процессу гипнотическаго внушенія, предполагаетъ въ личности состояніе дѣятельной психической жизни, высшей духовной активности и самостоятельности, такъ какъ такого рода процессъ требуетъ отъ личности значительно большаго расходованія самостоятельной психической энергіи. Поэтому мы видимъ, что чѣмъ активнѣе и самостоятельнѣе личность, чѣмъ богаче и разнообразнѣе содержаніемъ и чѣмъ интенсивнѣе ея психическая жизнь, тѣмъ меньше напоминаетъ ея духовной багажъ случайный наборъ сырого матеріала, тѣмъ меньше въ этомъ багажѣ элементовъ внушенія, механически спаянныхъ другъ съ другомъ. Такая личность отличается, въ той или иной степени, органической цѣльностью и гармоническимъ единствомъ, всѣ ея психическія проявленія отмѣчены печатью своеобразія и индивидуальности.

Сказанное послужитъ намъ къ выясненію отмѣченной нами тенденціи историческаго развитія въ сторону роста національно-

освободительныхъ движеній и къ усиленію значенія національнаго фактора вообще.

Національныя формы соціальной жизни не могли обладать достаточной устойчивостью и, слѣдовательно, національный факторъ, какъ таковой, не могъ играть значительной роли въ исторіи тогда, когда широкія народныя массы—этотъ главный носитель исторической жизни—отличались крайней пассивностью и инертностью, когда соціальная жизнь этихъ массъ, облеченная въ опредѣленныя конкретныя національныя формы, отличалась чрезвычайной скудостью своего содержанія.

Именно въ средніе вѣка народныя массы, разобщенныя между собой, не обладавшія еще той соціальной сплоченностью, которая характеризуетъ ихъ въ наше время, и служившія лишь пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ феодальнаго дворянства, королей и духовенства, не могли сообщить національнымъ формамъ необходимой имъ внутренней силы и стойкости, несмотря на указанныя нами внѣшнія условія, съ перваго взгляда какъ будто бы благопріятствовавшія этому.

Національныя формы соціальной жизни, не черпая своихъ жизненныхъ соковъ въ возрастающемъ живомъ активномъ соціальномъ творчествѣ народныхъ массъ и, слѣдовательно, не обладая достаточной внутренней силой сопротивленія, могли тогда легко стираться, нивеллироваться подъ давленіемъ внѣшняго воздѣйствія. Народная масса, хотя и обладала своими собственными національными формами, но, попадая, путемъ эмиграціи или вслѣдствіе завоеванія, въ сферу дѣйствія чужихъ національныхъ формъ, легко воспринимала эти формы и быстро теряла свое національное самосознаніе именно потому, что соціальная жизнь этой массы отличалась чрезвычайной бѣдностью и инертностью, не заключала въ себѣ необходимаго запаса кинетической энергіи для ассимиляціи внѣшнихъ воздѣйствій внутри себя и не могла доставлять достаточнаго питанія самосознанію группы.

Небезынтересно также отмѣтить, что въ средніе вѣка особенно часто встрѣчаются явленія массоваго психоза, слѣпого фанатизма и стихійнаго одержанія массъ какой-либо idée fixe. Представляя собой факты чистаго соціальнаго гипноза и коренясь въ той же скудости соціальной жизни и слабой соціальной активности массъ, эти явленія служатъ подтвержденіемъ сказаннаго [1]).

Народныя массы, благодаря низкому уровню своей соціальной жизни, не могли непосредственно творить культуру того времени. Культура творилась почти исключительно высшими классами и интеллигенціей, концетрировавшейся главнымъ образомъ въ монастыряхъ. Эти верхи средневѣковаго общества, оторванные отъ народной массы, ея дѣйствительныхъ нуждъ и земныхъ интересовъ, сообщали тогдашней культурѣ безжизненный характеръ и тѣмъ самымъ лишали ее опредѣленныхъ яркихъ національныхъ красокъ. Не имѣя корней въ реальной жизни широкихъ народныхъ массъ, нервъ культурной жизни естественно долженъ былъ биться во-

[1]) См. ст. Н. К. Михайловскаго: „Патологическая магія“.

кругъ безконечныхъ схоластическихъ споровъ, научныхъ и религіозныхъ, излагавшихся къ тому же на понятномъ лишь избранномъ латинскомъ языкѣ. Литература, искусство, наука, философія, носившія въ античномъ мірѣ свѣтскій характеръ, пріобрѣли въ средніе вѣка характеръ чисто религіозный. Изъ самой религіи были окончательно вытравлены всякіе элементы реалистическаго міропониманія, и религіозная мысль безплодно вращалась въ заколдованномъ кругу неразрѣшимыхъ проблемъ догматической мистики. Въ области науки также замѣчается пониженіе интереса къ реальному міру и стремленія къ пріобрѣтенію положительныхъ знаній; кромѣ того вторженіе въ эту область теологическаго догматизма ограничивало свободу научнаго изслѣдованія. Въ философіи господствовала схоластика. Въ морали преобладалъ принципъ аскетизма, согласно которому цѣли человѣческаго существованія полагались не въ земной жизни, а внѣ ея, и вся земная жизнь разсматривалась какъ приготовленіе къ загробному міру. Литература не отражала реальной жизни народныхъ массъ и, вслѣдствіе этого, жалкіе зародыши національныхъ литературъ, — литературъ созидавшихся на языкахъ народныхъ массъ,—не развивались, уступая мѣсто универсальной литературѣ на латинскомъ языкѣ. Вслѣдствіе этого, не культивировались и національные языки, не становившіеся литературными языками. Словомъ, среди денаціонализированныхъ верховъ общества всѣ элементы культуры сохраняли универсальныя формы, поскольку же они спускались въ массы, они неизбѣжно облекались въ опредѣленный національный костюмъ; это въ особенности вѣрно относительно средневѣковыхъ религій.

Картина быстро и радикально мѣняется, когда процессъ капиталистическаго развитія, всколыхнувъ все общество сверху до низу, выдвигаетъ въ качествѣ главнаго творца исторіи исполинскій колоссъ народныхъ низовъ. Очнувшись и почуявъ въ себѣ несмѣтныя богатства силъ, этотъ могучій гигантъ начинаетъ свое самостоятельное и величественное шествіе, всюду накладывая неизгладимую печать своей сплоченности, активности, массовидности. Активная соціальная жизнь развертывается такимъ образомъ вширь и въ глубь, охватывая наиболѣе глубоко лежащіе пласты общества, и тѣмъ самымъ получаетъ строгую опредѣленность своихъ формъ, пріобрѣтаетъ яркій національный колоритъ. Самый процессъ выступленія массъ на путь самостоятельнаго, активнаго соціальнаго творчества не могъ, по самому существу своему, не сопровождаться процессомъ расширенія и углубленія тѣхъ конкретныхъ національныхъ формъ, въ которыя неизбѣжно выливается вся соціальная жизнь.

Черпая свою силу въ возрастающей сплоченности, активности и массовидности своей, авангардъ современнаго общества—пролетаріатъ необходимо долженъ былъ помимо своей воли національнализироваться, и чѣмъ дальше—все больше и больше.

Вникните хорошенько въ исторію развитія современныхъ соціалистическихъ движеній, и вамъ станетъ совершенно очевиднымъ стихійный процессъ національнализаціи пролетаріата угнетенныхъ націй. Какъ и всякій стихійный историческій процессъ, складывающійся

въ самыхъ нѣдрахъ соціальной жизни, процессъ національзаціи совершенно независимъ отъ нашей сознательной воли и планомѣрнаго воздѣйствія, и каково бы ни было наше субъективное къ нему отношеніе, мы совершенно не въ силахъ его остановить,— истина, къ сожалѣнію, еще далеко не всѣми усвоенная.

Прослѣдите, въ качествѣ иллюстраціи этого положенія, хотя бы судьбы національнаго языка и литературы въ зависимости отъ процесса демократизаціи общества. Процессъ соціальнаго развитія необходимо требуетъ и предполагаетъ соотвѣтствующее развитіе языка и литературы—этихъ могучихъ орудій соціальной борьбы и соціальнаго творчества. Но массѣ доступенъ только свой родной національный языкъ, и она, вслѣдствіе этого, можетъ пріобщиться къ культурѣ, стать активнымъ участникомъ въ соціальномъ строительствѣ только при посредствѣ этого же языка. Такимъ образомъ процессъ демократизаціи общества, который, если смотрѣть на него съ формальной стороны, казалось бы, не имѣетъ ничего общаго съ эволюціей національностей, на самомъ дѣлѣ неизбѣжно вызываетъ, какъ свою естественную функцію, развитіе такихъ колоссальной важности элементовъ національной жизни, какъ языкъ и литература. Блестящій расцвѣтъ національныхъ литературъ нашего времени не позволяетъ, кажется, ни минуты сомнѣваться въ томъ, что именно таково должно быть направленіе соціальной эволюціи и въ будущемъ.

Но особенно характерна, особенно поучительна для насъ исторія соціалистическихъ движеній угнетенныхъ народностей. Разверните страницу за страницей исторію соціалистическихъ движеній русиновъ, эстонцевъ, латышей, Бунда и т. д., и т. д., и вы всюду встрѣтите одну и ту же, сходную до тождества, повѣсть о томъ, какъ ассимилированная господствующею національностью интеллигенція, оторванная отъ массы, всецѣло проникнутая ассимиляціонной идеологіей, возвращалась къ оставленной ею массѣ родного народа съ проповѣдью „космополитическаго“ соціализма или, точнѣе говоря, съ проповѣдью соціализма, съ одной стороны, и ассимиляціи—съ другой. Но, вернувшись къ массѣ, интеллигенція волей-неволей должна была принаравливаться къ спеціальнымъ условіямъ соціальной среды, въ которой жила масса, должна была заговорить съ послѣдней на чуждомъ ей самой, но зато родномъ и понятномъ массѣ „некультурномъ“ народномъ „жаргонѣ“ и, наконецъ, должна была постепенно вникать въ тѣ специфическія условія, въ которыхъ находилась масса, благодаря своей принадлежности къ угнетенной національности.

Примѣняясь къ этимъ „исключительнымъ обстоятельствамъ“, уступая неумолимымъ требованіямъ жизни, интеллигенція принуждена была мириться съ необходимостью выдѣленія пролетаріата своей націи въ особую отъ пролетаріата господствующей національности организацію и такимъ образомъ заднимъ числомъ, помимо воли, санкціонировать фактъ существованія національныхъ различій. Однако, оправдывая это „грѣхопаденіе“ чисто техническими соображеніями, интеллигенція сначала прямо страшилась всякой принципіальной постановки вопроса, страшилась называть вещи своими именами;

но постепенно, по мѣрѣ того, какъ интеллигенція все тѣснѣе сближалась съ массой, ассимилируя и растворяя себя въ послѣдней, по мѣрѣ того, какъ она все глубже проникалась дѣйствительными, реальными интересами и потребностями массы,—по мѣрѣ того, она все болѣе индуцировалась національнымъ токомъ, идущимъ отъ массы. Презираемый некультурный жаргонъ изъ средства пріобщенія массы къ культурѣ господствующей національности становится самостоятельной культурной цѣнностью. Развиваясь и обогащаясь въ самомъ процессѣ развитія пролетарскаго движенія, онъ постепенно превращается даже для интеллигенціи въ свой родной любимый языкъ, дальнѣйшее процвѣтаніе и прогрессъ котораго приводится въ самую тѣсную связь съ дальнѣйшимъ развитіемъ данной пролетарской группы. Національные интересы пролетаріата угнетенной національности, диктуемые непреложными условіями его жизни и развитія, первоначально мало сознаваемые и всячески затушевываемые интеллигенціей, вслѣдствіе ея ассимиляціонныхъ тенденцій, начинаютъ все рѣшительнѣе отстаиваться партіей пролетаріата и мало-по-малу становятся органической частью ея программы.

Мы укажемъ, наконецъ, еще на одно чрезвычайно важное обстоятельство: на національныя особенности классовой борьбы. Классовая борьба, несмотря на свою интернаціональную сущность, неизбѣжно выливается въ опредѣленныя національныя формы. *Пролетаріатъ вообще*, пролетаріатъ лишенный всякихъ національныхъ формъ, можно представить себѣ лишь въ соціологической абстракціи, *эмпирически* существуетъ лишь еврейскій, русскій, польскій и т. д., пролетаріатъ. Поэтому классовая борьба претерпѣваетъ различнѣйшія модификаціи въ зависимости отъ объективныхъ національныхъ условій, въ которыхъ она протекаетъ. Это различіе объективныхъ условій классовой борьбы не можетъ, конечно, пройти безрезультатно для соціалистическаго движенія, стремящагося регулировать классовую борьбу: оно вызываетъ соотвѣтствующія измѣненія въ теоріи и практикѣ соціализма. Соціалистическая теорія подвергается различнымъ интерпретаціямъ, причемъ въ каждой странѣ мы можемъ замѣтить преобладаніе того или иного теченія соціалистической мысли, которое нетрудно привести въ связь съ различными практическими проблемами, съ особенной силой выдвигаемыми классовыми интересами данной пролетарской группы. Въ практикѣ соціализма національныя различія выступаютъ съ еще большей рельефностью: они съ большой силой проявляются въ темпѣ движенія и въ тактическихъ особенностяхъ, присущихъ соціалистическому пролетаріату различныхъ національностей.

Въ литературѣ неоднократно указывалось на наличность этихъ національныхъ особенностей классовой борьбы [1]). Русскіе анархисты отъ Бакунина до Крапоткина любятъ даже все соціалистическое движеніе подраздѣлять на два типа: романскій и германскій, приписывая пролетаріату славянскихъ народностей склон-

[1]) Ср., наприм., Зомбарта: „Соціалистическое движеніе въ XIX-мъ столѣтіи", главу о „Національныхъ особенностяхъ".

ность къ первому, болѣе революціонному типу. Такого рода классификаціи и характеристики отличаются, конечно, чрезвычайной условностью: одни и тѣ же фазисы развитія соціалистическаго движенія и одни и тѣ же элементы соціалистической теоріи, но лишь въ различной *послѣдовательности* и въ своеобразныхъ *комбинаціяхъ,* встрѣчаются у пролетаріата всѣхъ націй. Это, конечно, отнюдь не противорѣчитъ констатируемому нами явленію.

Слѣдствіемъ этого явленія бываетъ то, что соціалистическая интеллигенція угнетенной національности, по мѣрѣ того, какъ она все глубже и глубже проникаетъ въ глубины пролетарской жизни и вдумывается въ индивидуальныя особенности соціальныхъ проблемъ даннаго пролетаріата,—по мѣрѣ этого, должна бываетъ пересматривать весь свой соціалистическій багажъ и вносить въ соціалистическую теорію новыя оригинальныя черты. Для этого, требуется, разумѣется, очень высокое развитіе соціалистическаго движенія: въ противномъ случаѣ возможно лишь самое некритическое воспріятіе соціалистической теоріи.

Такимъ образомъ національныя соціалистическія партіи, въ своемъ развитіи, становятся постепенно истинными выразительницами интересовъ пролетаріата во всей ихъ многосложной полнотѣ, а послѣдній, сознательно усвоивъ себѣ національно-революціонный идеалъ и становясь авангардомъ всѣхъ національно-освободительныхъ движеній, начинаетъ клеймить ассимиляціонную идеологію, какъ реакціонную, антипролетарскую, антиисторическую. Конечно, не вездѣ мы видимъ этотъ процессъ уже въ окончательномъ, завершенномъ видѣ, но ярко обозначившаяся историческая тенденція всюду самымъ краснорѣчивымъ и несомнѣннымъ образомъ говоритъ намъ, что намѣченный нами путь указываетъ единственно вѣрное направленіе его дальнѣйшихъ этаповъ.

Но помимо этихъ внутреннихъ причинъ, кладущихъ объективный предѣлъ ассимиляціи народовъ, существуютъ еще и внѣшнія причины, также чисто стихійнаго характера, дѣйствующія въ томъ же направленіи. Эти причины сказываются особенно сильно, проявляютъ,—мы бы сказали даже, — свое исключительное дѣйствіе по отношенію къ евреямъ.

То основное обстоятельство, что еврейскій вопросъ представляетъ собой вопросъ національной эксплоатаціи евреевъ, дѣлаетъ невозможной ихъ ассимиляцію. Дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ существуетъ эксплоатація одной группы другой,—все равно въ чемъ ни выражалась бы эта эксплоатація,—тамъ, само собою разумѣется, необходимо существуетъ противорѣчіе групповыхъ интересовъ, а тамъ, гдѣ существуетъ противорѣчіе групповыхъ интересовъ, немыслимо рѣшеніе возникающаго на этой почвѣ соціальнаго вопроса путемъ непосредственной инфильтраціи одной группы въ другую. Такая инфильтрація, возможная, пожалуй, для единичныхъ личностей, оказывается совершенно немыслимой для группы, какъ цѣлой: этого не допускаетъ то же самое противорѣчіе групповыхъ интересовъ.

Не сліяніемъ группъ уничтожаются групповыя противорѣчія, а наоборотъ, уничтоженіе основного базиса, на которомъ зиждут-

ся эти противорѣчія, дѣлаетъ возможнымъ сліяніе группъ, хотя и не всегда необходимо его вызываетъ. [1])

Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе отъ прямого хода развитія нашихъ мыслей, чтобы обратить вниманіе читателя на другую сторону разбираемаго явленія, безъ которой нельзя представить себѣ это явленіе во всей его полнотѣ.

Когда мы говоримъ о двухъ соціальныхъ группахъ, изъ которыхъ одна находится въ отношеніяхъ зависимости или подчиненія къ другой и, вслѣдствіе этого, эксплоатируется послѣдней, то мы не должны упускать изъ виду внутренней дифференціаціи самихъ этихъ группъ. Одна и та же соціальная группа можетъ одновременно входить въ два скрещивающихся соціальныхъ круга, и непосредственная солидарность интересовъ двухъ группъ въ одной сферѣ общественныхъ отношеній можетъ создать косвенную солидарность въ другой сферѣ, гдѣ данныя группы обладаютъ особыми интересами.

Такимъ образомъ разрѣшается кажущаяся коллизія классовыхъ и національныхъ интересовъ пролетаріата угнетенной и угнетающей націй. Въ капиталистическомъ обществѣ только буржуазія заинтересована въ сохраненіи всякихъ привиллегій и монополій, и въ національной эксплоатаціи лишь она одна является „пѣнкоснимательницей“. Эксплоатируя слабыя національности, буржуазія, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуется ихъ наличностью, какъ могучимъ средствомъ, чтобы разстраивать пролетарскіе ряды разжиганіемъ шовинистическихъ чувствъ въ массахъ безсознательнаго пролетаріата. Поэтому соціалистическій пролетаріатъ господствующихъ націй кровно заинтересованъ въ уничтоженіи тѣхъ объективныхъ условій, которыя дѣлаютъ неизбѣжной какую бы то ни было національную эксплоатацію. Этого требуютъ его широко понимаемые, классовые интересы. Такъ, и только такъ, слѣдуетъ понимать соціалистическій интернаціонализмъ.

Но интересы командующихъ классовъ господствующей національности діаметрально противоположны. Какъ группа эксплоатирующая, пользующаяся для этого своимъ особеннымъ привиллегированнымъ положеніемъ, они естественно заинтересованы въ сохраненіи объекта своей эксплоатаціи и стремятся, поэтому,

[1]) Групповыя различія неизбѣжно сглаживаются и исчезаютъ при уничтоженіи эксплоатаціи одной группы другой лишь въ томъ случаѣ, если они зиждутся исключительно на противорѣчіи интересовъ, если это противорѣчіе интересовъ представляетъ единственную функцію различій группъ, какъ таковыхъ, какъ это, напримѣръ, имѣетъ мѣсто при классовыхъ различіяхъ. Но группы, конечно, могутъ всецѣло сохранять свою индивидуальность и даже дальше развиваться въ томъ же направленіи и по уничтоженіи этой эксплоатаціи, если эта групповая индивидуальность имѣетъ своимъ началомъ отнюдь не противорѣчіе интересовъ, а нѣчто другое, скажемъ,—индивидуальность формъ соціальной жизни. Здѣсь, очевидно, отнюдь не эксплоатація одной національности другой является функціей такъ называемыхъ „національныхъ различій“, хотя послѣднія и служатъ для нея, исходнымъ пунктомъ и составляютъ условія ея существованія. Поэтому-то мы, наоборотъ, полагаемъ, что по уничтоженіи національной эксплоатаціи, какъ и всякихъ другихъ формъ эксплоатаціи человѣка человѣкомъ, сковывающихъ развитіе какъ отдѣльныхъ такъ и коллективныхъ индивидуальностей, произойдетъ истинный расцвѣтъ національной жизни.

всячески усугублять свою групповую обособленность и все больше углублять пропасть между собой и группой эксплоатируемой. И чѣмъ шире плоскость соціальнаго тренія между этими группами, чѣмъ значительнѣе область соціальной борьбы, гдѣ ихъ члены взаимно сталкиваются между собою, тѣмъ рѣзче и рѣшительнѣе должны проводиться демаркаціонныя линіи между ними.

Этотъ законъ сохраняетъ по отношенію къ евреямъ свою особенную, исключительную силу именно потому, что евреи, живя въ самыхъ нѣдрахъ другихъ національныхъ организмовъ, сталкиваются съ ними по всей линіи соціальныхъ интересовъ, изъ которыхъ интересы экономическіе и столкновенія на ихъ почвѣ имѣютъ, конечно, доминирующее значеніе. Конкурируя съ евреемъ, членъ господствующей національности будетъ, разумѣется, всячески стараться использовать всѣ тѣ преимущества, которыя доставляются ему въ борьбѣ его привиллегированнымъ положеніемъ, выражающимся въ фактѣ его принадлежности къ такъ называемому „коренному населенію". Его экономическій интересъ, такимъ образомъ, диктуетъ ему правила строго-сепаратистическаго поведенія, рѣзкаго подчеркиванія національныхъ различій.

Совершаясь безпрерывно, изо дня въ день, складываясь изъ безконечнаго множества фактовъ, какъ бы наполняющихъ собою всѣ поры соціальной жизни, эти столкновенія ставятъ ассимиляціи евреевъ съ окружающимъ населеніемъ непреодолимую, стихійную внѣшнюю преграду, получающую свое объективное выраженіе въ знакомой всѣмъ формѣ общественнаго антисемитизма. И дѣйствительно, врядъ-ли кто теперь станетъ серьезно отрицать, что въ современномъ буржуазномъ обществѣ, всецѣло основанномъ на конкуренціи и эксплоатаціи, антисемитизмъ черпаетъ свою главную силу въ стихійно-направляющемся экономическомъ интересѣ, и поэтому самъ пріобрѣтаетъ стихійный характеръ. Развѣ можно сомнѣваться въ томъ, что, напримѣръ, въ Россіи, гдѣ живутъ огромныя, подавляющія массы еврейства, гдѣ капитализмъ съ сопровождающими его неотъемлемыми атрибутами—конкуренціей и эксплоатаціей—только началъ свое побѣдоносное шествіе, гдѣ антисемитическія традиціи очень живы въ широкихъ слояхъ народа,—что здѣсь общественный антисемитизмъ будетъ развиваться въ колоссальныхъ, можетъ быть, неслыханныхъ доселѣ размѣрахъ, преимущественно, конечно, послѣ того, какъ евреи добьются полнаго равноправія и, слѣдовательно, сумѣютъ въ дѣйствительности стать опасными конкурентами „коренного населенія"? Но антисемитизмъ необходимо долженъ вызывать со стороны евреевъ организованный отпоръ, и здѣсь опять-таки пролетаріатъ, благодаря своей организованности, сплоченности и революціонной активности, становится въ авангардѣ для защиты національныхъ правъ и интересовъ. Отвергая съ негодованіемъ всякія пассивныя мѣры, всякія унизительныя для человѣческаго достоинства средства защиты, онъ выбираетъ для этого путь активной революціонной борьбы.

Но если еврейскій пролетаріатъ является главнымъ, истинно-революціоннымъ носителемъ національно-освободительнаго дви-

женія, то онъ, опять-таки, какъ классъ революціонный по самой соціальной природѣ своей, не можетъ остановиться на полпути въ своихъ стремленіяхъ найти радикальное рѣшеніе національнаго вопроса, не можетъ, въ концѣ концовъ, не отвергнуть самымъ рѣшительнымъ образомъ всякія оппортунистическія попытки замалчивать его или же выдвигать компромиссивныя, чисто палліативныя рѣшенія.

Мы старались уже показать, что еврейскій вопросъ всецѣло коренится въ отсутствіи у евреевъ автономныхъ національныхъ формъ соціальной жизни, въ необходимости для нихъ всюду приспособляться къ складывающимся внѣ дѣйствія ихъ доминирующей воли и интересовъ соціальнымъ организмамъ. Мы видѣли, что здѣсь-то и берутъ свое начало явленія національной эксплоатаціи евреевъ, какъ въ сферѣ экономической, такъ и политической и культурной. Очевидно, что прямымъ и радикальнымъ рѣшеніемъ вопроса, т. е. рѣшеніемъ, направленнымъ на устраненіе основного базиса, на которомъ зиждется этотъ вопросъ, должна явиться организація еврейскаго автономнаго общества, гдѣ евреи могли бы самостоятельно опредѣлять свою соціальную судьбу, автономно рѣшать всѣ свои соціальныя проблемы. [1])

Мы бы, конечно, могли сказать, что радикальное рѣшеніе еврейскаго вопроса, какъ и всякаго національнаго вопроса, дается соціализмомъ, если бы это не было для насъ полнѣйшей тавтологіей, ибо мы именно и мыслимъ соціалистическое общество, какъ такой общественный строй, гдѣ кореннымъ образомъ устранены условія, порождающія какъ экономическій, такъ и политическій и національный гнетъ и эксплоатацію. Каждую изъ этихъ „свободъ“ мы разсматриваемъ, какъ автономный общественный идеалъ, на реализацію котораго должны быть направлены самостоятельныя усилія соціальнаго творчества и созданы спеціальныя комбинаціи общественныхъ силъ, которыя мы формально объединяемъ общимъ понятіемъ соціалистическаго движенія.

Однако, это формальное понятіе имѣетъ подъ собою глубоко-реальную почву въ самомъ процессѣ исторической эволюціи. Дѣло въ томъ, что соціальные процессы, ведущіе къ установленію политической демократіи, экономическаго равенства и національной свободы, находятся между собой въ такой тѣсной функціональной зависимости, такъ органически сливаются другъ съ другомъ, что лишь въ абстракціи можно ихъ мыслить изолированно одинъ отъ другого. Въ реальной исторической жизни они сливаются въ единый цѣлостный соціальный процессъ. Въ дѣятельности про-

[1]) Мы должны оговориться, что употребляемое нами здѣсь слово—„самостоятельное“, „автономное“ мы понимаемъ, конечно, не въ абсолютномъ, а лишь въ относительномъ смыслѣ. Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ расширенія области международныхъ сношеній должна также увеличиваться область соціальныхъ проблемъ, рѣшаемыхъ сообща всѣми народами, входящими въ составъ даннаго международнаго союза. Тѣмъ не менѣе, даже въ будущей всемірной федераціи соціалистическихъ республикъ каждое отдѣльное общество будетъ все-таки входить, какъ автономное цѣлое, слѣдовательно, какъ вполнѣ самоопредѣляющаяся единица, такъ что каждая отдѣльная личность станетъ членомъ этой всемірной федераціи лишь черезъ посредство того автономнаго общества, къ которому она принадлежитъ.

летаріата —класса соціальнаго развитія —этотъ процессъ получаетъ свое объективное выраженіе: его соціальная борьба и соціальное творчество цѣликомъ направлены къ уничтоженію всѣхъ привилегій и ограниченій, царящихъ въ буржуазномъ обществѣ, и къ созданію объективныхъ условій для реализаціи всесторонняго равенства,—экономическаго, политическаго и національнаго.

Въ соціалистической литературѣ, съ одной стороны, благодаря господствующему тамъ соціологическому credo, согласно которому всеопредѣляющими являются тѣ элементы соціальнаго процесса, которые ведутъ къ установленію экономическаго равенства, такъ что всѣ остальныя „свободы" какъ бы сами собою къ нему прилагаются, а съ другой,—благодаря тому, что, какъ мы уже указывали, господствующее соціалистическое ученіе сложилось среди свободныхъ самостоятельныхъ націй, гдѣ національный вопросъ совершенно не имѣлъ мѣста,—благодаря всему этому, интересующая насъ здѣсь сторона соціальнаго процесса,—освобожденіе національностей и созданіе необходимыхъ условій для ихъ свободнаго и автономнаго развитія,—затушевывалась и даже совершенно игнорировалась. Мы поставили себѣ здѣсь задачу намѣтить основныя линіи соціальнаго процесса именно съ этой его стороны въ примѣненіи къ еврейскому вопросу.

Что рѣшеніе еврейской національной проблемы, благодаря экстерриторіальности евреевъ, встрѣчаетъ на своемъ пути неимовѣрныя трудности, требуетъ напряженія прямо колоссальныхъ политическихъ и культурныъ силъ,—противъ этого никто, кажется, спорить не станетъ. А что современное еврейство не обладаетъ этими силами, необходимыми для реализаціи нашего нац. идеала—это въ послѣднее время стали уже сознавать даже оффиціальные сіонисты. Очевидно, что для того, чтобы еврейскій національный организмъ былъ въ состояніи преодолѣвать эти неимовѣрныя трудности, пускать въ ходъ требуемыя колоссальныя силы, онъ самъ въ процессѣ своего развитія долженъ стать могущественной силой.

Посмотримъ, однако, ведетъ ли къ этому такъ называемый „естественный ходъ вещей"?

Для этого мы, прежде всего, должны разсмотрѣть, какъ будетъ отражаться на эволюціи еврейской жизни общій объективный процессъ демократизаціи и соціализаціи общества вообще.

Совсѣмъ недавно былъ довольно распространенъ среди извѣстной части еврейской интеллигенціи взглядъ на современное положеніе евреевъ въ діаспорѣ, какъ на нѣчто роковое, фатально-неизбѣжное. „Намъ здѣсь ждать нечего, никакіе политическіе перевороты, не въ состояніи существенно улучшить наше положеніе здѣсь"—эта фраза была ходячей въ устахъ этой интеллигенціи, высказывавшейся противъ всякаго участія евреевъ въ освободительныхъ движеніяхъ окружающихъ ихъ народовъ.

Теперь же этотъ взглядъ можно считать окончательно потерявшимъ всякій кредитъ. Врядъ ли кто теперь станетъ серьезно сомнѣваться въ томъ, что, скажемъ, грядущая политическая сво-

бода Россіи, какъ и дальнѣйшіе шаги по пути демократизаціи русскаго общества, неизмѣнно будутъ здѣсь сопровождаться постепеннымъ *абсолютнымъ повышеніемъ* соціальнаго уровня еврейской массы. Для всякаго, конечно, очевидно, что, неразрывно связанное съ политической свободой, гражданское равноправіе евреевъ, устраняя одну изъ наиболѣе тяжелыхъ формъ организованнаго гнета, сковывающаго всѣ жизненныя проявленія еврейской массы, неизбѣжно должно будетъ повлечь за собой значительный подъемъ ея благосостоянія. Но помимо этого, политическая свобода Россіи, раскрѣпощая русское общество, вызывая къ жизни несмѣтныя силы, дремлющія въ нѣдрахъ гигантскаго колосса, именуемаго Россійскимъ государствомъ, создавая благопріятныя условія, гдѣ эти силы могли бы развернуться вширь и вглубь,—этимъ самымъ должна будетъ поднять на бо́льшую высоту соціальный уровень всего россійскаго общества, въ томъ числѣ и еврейскаго. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ даже такую область, которая, казалось бы, дальше всего отстоитъ отъ сферы еврейскихъ интересовъ—область аграрныхъ реформъ. И тутъ оказывается, что широкая аграрная реформа должна значительно улучшить положеніе еврейской массы, въ особенности еврейскаго пролетаріата. Такая реформа должна, съ одной стороны, увеличить покупательную способность многомилліоннаго крестьянскаго населенія Россіи и, расширивъ внутренній рынокъ, тѣмъ самымъ дать громадный толчекъ развитію русской промышленности; а съ другой—уменьшить притокъ рабочихъ рукъ изъ деревни въ городъ, и, слѣдовательно, ослабить конкуренцію рабочихъ въ городахъ. И то и другое, очевидно, должно имѣть огромное значеніе для еврейскаго пролетаріата, который является почти исключительно городскимъ. А вѣдь аграрный вопросъ и теперь уже является самымъ жгучимъ вопросомъ русской политической жизни.

Не менѣе жгучимъ является и вопросъ о другой чисто-демократической реформѣ, которая имѣетъ уже болѣе непосредственное отношеніе къ жизни еврейской массы—вопросъ о децентрализаціи Россіи. Что настоящая демократическая свобода совершенно несовмѣстима съ принципами централизма — эта истина уже давно превратилась въ трюизмъ. Особенную же силу эта истина пріобрѣтаетъ по отношенію къ Россіи, охватывающей такія необъятныя пространства земли, чуть ли $^1/_6$ часть земного шара, заключающей въ себѣ 140-милліонное населеніе, представляющей собой къ тому же конгломератъ всевозможныхъ національностей самыхъ различныхъ соціальныхъ и культурныхъ уровней. Россія должна будетъ такимъ образомъ стать въ будущемъ федераціей автономныхъ, самоуправляющихся областей. Но этимъ, конечно, демократическій принципъ автономности и самодѣятельности не можетъ ограничиться. Онъ предполагаетъ дальнѣйшее проведеніе выдвигаемыхъ имъ началъ внутри этихъ самыхъ областныхъ автономій. Автономія городовъ и общинъ, выборность на основѣ всеобщаго, равнаго прямого и тайнаго голосованія всѣхъ органовъ самоуправленія и всѣхъ должностныхъ лицъ вообще—является его прямымъ неизбѣжнымъ логическимъ слѣд-

ствіемъ. Всѣ эти требованія, входящія въ составъ программы-minimum всѣхъ соціалистическихъ партій Россіи (да и не однихъ только соціалистическихъ) должны въ ближайшемъ будущемъ стать животрепещущими вопросами нашей внутренней политики. Проведеніе въ жизнь этихъ демократическихъ началъ должно опять-таки имѣть огромное значеніе для еврейской массы въ смыслѣ значительнаго возрастанія ея политической силы. Дѣйствительно, представимъ себѣ, что Литва и Польша, гдѣ живетъ подавляющая масса русскаго еврейства, получили, наконецъ, требуемыя ими автономіи. Очевидно, что отношеніе политическихъ силъ евреевъ и не евреевъ внутри этихъ автономныхъ областей будетъ совершенно другое, чѣмъ въ централизованной Россіи. Противопоставленіе численнаго соотношенія еврейскаго и нееврейскаго населенія въ централизованной Россіи, Литвѣ и Польшѣ покажетъ намъ это самымъ краснорѣчивымъ образомъ. Процентное отношеніе еврейскаго населенія ко всему населенію Россійской Имперіи составляетъ 4, 13%, Царства Польскаго—составляетъ 14, 01%, а въ Сѣверо-Западномъ краѣ это соотношеніе выражается цыфрой 14,9% Гораздо болѣе яркіе и поучительные выводы мы получимъ, сопоставляя численный составъ населенія евреевъ и не-евреевъ въ *городахъ* Литвы и Польши. Въ городахъ и мѣстечкахъ Царства Польскаго евреи составляютъ въ среднемъ 40, 9% всего населенія, а въ Сѣверо-Западномъ краѣ—57, 7%. [1])

Ясно, что при автономности областей, городовъ и общинъ, при выбрности, на строго демократическихъ началахъ всѣхъ органовъ самоуправленія и всѣхъ должностныхъ лицъ, еврейство Литвы и Польши, т. е. подавляющее большинство русскаго еврейства, должно будетъ пріобрѣсти значительную политическую, а, слѣдовательно, и соціальную силу. Послѣднее должно особенно

---

[1]) Указанныя цыфры заимствованы нами изъ „Сборника матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи". Изданіе Еврейскаго Колонизаціоннаго Общества. СПБ. 1904 г. Приэтомъ мы пользовались методомъ среднихъ цыфръ, который, конечно, не даетъ вполнѣ точнаго представленія о дѣйствительности. Необходимо замѣтить, что въ наиболѣе крупныхъ и вліятельныхъ въ политической жизни края городахъ, какъ Варшава и Одесса, евреи составляютъ меньшій процентъ населенія, чѣмъ въ небольшихъ городахъ, скажемъ, Царства Польскаго и Литвы, гдѣ они образуютъ часто подавляющее большинство. Считаемъ не лишнимъ замѣтить что, хотя приведенныя здѣсь цыфры относятся къ современной, самодержавной Россіи, тѣмъ не менѣе, мы думаемъ, что онѣ должны до извѣстной степени сохранить свою силу и по отношенію къ будущей, свободной Россіи. Несомнѣнно, что современная скученность евреевъ въ чертѣ осѣдлости обусловливается въ значительной степени искусственными причинами—ограничительными законами и т. д., но отсюда еще очень далеко до заключенія, что съ устраненіемъ послѣднихъ евреи не замедлятъ разсѣяться по всѣмъ городамъ и селамъ великой земли русской. Еврейство Австріи, Лондона, Америки, Голландіи, отчасти даже Германіи, наконецъ, огромный классъ еврейскихъ ремесленниковъ въ Россіи, для которыхъ, въ концѣ концовъ, не существовало черты осѣдлости, самымъ краснорѣчивымъ образомъ доказываютъ намъ тенденцію евреевъ селиться сплошными, компактными массами, а не разселяться по одиночкѣ на обширной территоріи. Помимо того, что одна лишь еврейская среда въ состояніи удовлетворять многимъ чрезвычайно существеннымъ соціальнымъ потребностямъ еврея, послѣдняго толкаетъ къ этой родной средѣ прямо инстинктъ самосохраненія, такъ какъ въ общей сплоченности онъ естественно чувствуетъ свою силу.

ярко выступить при строгомъ проведеніи принципа муниципализаціи городскаго хозяйства. Нетрудно также понять, какую громадную роль должны играть эти демократическія реформы для еврейскаго пролетаріата въ смыслѣ облегченія его перехода къ болѣе производительнымъ формамъ труда, преимущественно же въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя составляютъ область муниципальнаго хозяйства. Эти демократическія требованія еврейскій пролетаріатъ долженъ поэтому выдвигать съ особенной силой, бороться за нихъ съ присущей ему настойчивостью и революціонной энергіей.

Все это разсужденіе примѣнимо, конечно, въ значительной степени и по отношенію къ евреямъ другихъ странъ, гдѣ они только живутъ болѣе или менѣе большими массами.

Итакъ, мы видимъ, что еврейской массѣ, особенно же еврейскому пролетаріату, есть за что бороться въ діаспорѣ, есть чего ожидать отъ общихъ демократическихъ и соціальныхъ завоеваній. Послѣднія, постепенно укрѣпляя позицію еврейской массы вообще и еврейскаго пролетаріата въ частности, ведутъ несомнѣнно къ абсолютному росту ихъ соціальной силы и значенія. Съ другой стороны, эти самыя соціальныя и демократическія завоеванія, раздвигая рамки соціальной жизни еврейской массы, побуждая ее къ активному соціальному творчеству,—тѣмъ самымъ все больше и больше національзируютъ ее. Мы уже указали на то, что процессъ національзаціи составляетъ въ современномъ обществѣ какъ бы соціологическую функцію роста соціальности вообще. Этотъ законъ сохраняетъ всю свою силу и по отношенію къ еврейской массѣ. Одни и тѣ же причины всюду приводятъ къ однимъ и тѣмъ же слѣдствіямъ. Все возрастающая соціальная активность еврейской массы, точно такъ же, какъ и всякой другой народной массы, должна неизмѣнно порождать собой стихійный процессъ ея національзаціи. [1]) Но помимо этихъ внутреннихъ причинъ, характеризующихъ собой общую, такъ сказать, универсальную тенденцію соціальнаго роста широкихъ народныхъ массъ вообще, еврейская масса, благодаря своей принадлежности къ угнетенной національности, самимъ положеніемъ своимъ вынуждается *самостоятельно организовываться и сплачиваться*, сознательно отстаивать опредѣленную національную политику и *спеціально* бороться противъ націон. гнета и эксплоатаціи. Къ этому неумолимо толкаютъ насущные интересы ея жизни и развитія, необходимость противопоставлять спеціальному гнету спеціально организованный отпоръ, необходимость создавать особыя гарантіи, которыя обезпечили бы ей возможность использовать общія соціальныя завоеванія, какъ съ точки зрѣнія ея каждодневныхъ интересовъ, такъ и въ виду ея конечныхъ цѣлей. Примѣръ галиційскихъ евреевъ достаточно краснорѣчивымъ образомъ доказываетъ намъ, какъ отсутствіе самостоятельной политической организованности дѣлаетъ для нихъ часто безплодными и тѣ не-

[1]) См. общій обзоръ этого процесса въ жизни евреевъ въ Россіи за послѣдніе 25—30 лѣтъ въ статьѣ „Ограбленная тема“ (Возрожденіе № 3—4).

значительныя политическія права, которыми они пользуются въ полуполицейской Австріи, а политическое ничтожество еврейской массы, какъ таковой, чрезвычайно гибельно отражается на ея экономическомъ положеніи. Галиційское 800-тысячное еврейское населеніе, составляющее почти исключительно элементъ городской, не играетъ, напримѣръ, почти никакой роли въ городскомъ самоуправленіи, слѣдствіемъ чего въ значительной степени и является ничтожное участіе еврейскихъ рабочихъ въ муниципальномъ хозяйствѣ. Такихъ примѣровъ можно было бы привести не мало.

Однако, въ послѣднее время и галиційское еврейство, преимущественно же галиційскій еврейскій пролетаріатъ, начинаетъ постепенно самостоятельно организовываться для отстаиванія своихъ самостоятельныхъ, спеціальныхъ интересовъ, вытекающихъ изъ того специфическаго положенія, въ которое онъ поставленъ, какъ пролетаріатъ угнетенной національности. На тотъ путь, на который галиційское еврейство—это еврейство гетто par excellence—вступило лишь спустя почти полвѣка послѣ достиженія имъ такъ называемой „гражданской свободы"—на этотъ путь русское еврейство вступило еще при деспотическомъ самодержавіи. Заря политической свободы Россіи встрѣтитъ уже здѣсь еврейскій пролетаріатъ самостоятельно организованный, сильный своей сплоченностью и революціонной активностью; она найдетъ зачатки національно-политической организаціи даже у еврейской буржуазіи. При свѣтѣ этой зари еврейская масса во главѣ съ своимъ авангардомъ—еврейскимъ пролетаріатомъ, будетъ слѣдовать дальше по этому пути, но уже гораздо быстрѣй, смѣлѣе и рѣшительнѣе. Освобожденная отъ тисковъ, сковывавшихъ все ея развитіе, она бодро устремится впередъ, обрѣтая по пути своего шествія все новыя и новыя силы и свободно создавая еще въ діаспорѣ ячейки автономной національной жизни.

Этотъ процессъ націонализаціи еврейскаго общества, выражая собою ростъ его внутреннихъ соціальныхъ силъ, представляя собой процессъ положительнаго соціальнаго творчества, и заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ элементы, которые необходимы для реализаціи нашего національнаго идеала. Дѣло въ томъ, что каждый шагъ по пути націонализаціи еврейской массы, каждый этапъ по пути общихъ соціальныхъ и демократическихъ завоеваній, способствуя, съ одной стороны, абсолютному улучшенію ея соціальнаго положенія, съ другой — все ярче, все рельефнѣе обнаруживаетъ передъ ней всѣ аномаліи ея національной жизни, вскрывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, источникъ этихъ аномалій и единственный радикальный путь къ ихъ устраненію. Поскольку еврейскій вопросъ, какъ установлено нами выше, заключается въ наличности національной эксплоатаціи евреевъ, постольку общія соціально-политическія реформы, не устраняющія основныхъ условій, порождающихъ эту эксплоатацію, должны вести не къ уменьшенію, а, наоборотъ, скорѣе къ увеличенію, *нормы* послѣдней. Дѣйствительно, при повышеніи соціальнаго потенціала общества неравенство внѣшнихъ условій, въ которыя поставлены евреи по отношенію къ окружающему ихъ населенію, должно будетъ служить въ рукахъ послѣд-

няго могучимъ рычагомъ для прогрессивнаго увеличенія своей доли въ общей суммѣ растущаго соціальнаго богатства, и, такимъ образомъ, по мѣрѣ увеличенія этой суммы должна будетъ увеличиваться и абсолютно и относительно разность ихъ долей. Это уже вытекаетъ изъ основныхъ свойствъ большихъ и малыхъ силъ, сталкивающихся на одной и той же аренѣ. А такой ареной въ данномъ случаѣ является соціальная борьба, направляющаяся въ современномъ обществѣ по линіи національныхъ дѣленій.

Динамика еврейской жизни въ діаспорѣ должна, слѣдовательно, соотвѣтствовать статикѣ современнаго положенія еврейства. Доминирующая соціальная сила, опредѣляющая направленіе соціальныхъ преобразованій согласно своимъ интересамъ и потребностямъ, всегда будетъ пользоваться львиной долей получаемыхъ благъ. Достаточно, напримѣръ, сопоставить между собой положеніе еврейскаго и нееврейскаго трудового населенія въ будущей свободной Россіи, чтобы убѣдиться, что первое, т. е. положеніе еврейскаго трудового населенія, несмотря на постепенное абсолютное улучшеніе, не только не будетъ приближаться къ послѣднему, т. е. къ положенію нееврейскихъ трудящихся массъ, но, пожалуй, все больше будетъ отставать отъ него. Дѣйствительно, мы должны твердо помнить, что капиталистическое развитіе Россіи органически связано съ аграрными реформами, составляющими у насъ главный жизненный нервъ будущихъ соціальныхъ реформъ вообще. Развитіе промышленности будетъ у насъ въ значительной степени опираться на положительный ростъ продуктивныхъ силъ трудового крестьянскаго населенія, которому это промышленное развитіе, въ свою очередь, будетъ доставлять рынокъ для сбыта сырого матеріала. Здѣсь передъ нами явленіе органическаго развитія, направляемаго равновѣсіемъ силъ, дѣйствующихъ внутри даннаго соціальнаго организма. У евреевъ же, какъ уже указано нами выше, земледѣльческому классу соотвѣтствуетъ непомѣрно развившійся классъ мелкой буржуазіи, который быстрый ростъ капитализма будетъ фатально вытѣснять изъ экономическихъ позицій; къ тому же, разгорѣвшись съ развитіемъ промышленныхъ силъ Россіи, національная конкуренція приметъ наиболѣе ожесточенный характеръ именно въ рядахъ мелкой буржуазіи. Здѣсь она выступитъ въ своемъ привычномъ идеологическомъ уборѣ — общественномъ антисемитизмѣ, которому въ будущей Россіи несомнѣнно принадлежитъ блестящая будущность. Такимъ образомъ, наиболѣе слабо вооруженный въ экономической борьбѣ, благодаря шаткости своихъ экономическихъ устоевъ, огромнѣйшій классъ еврейской мелкой буржуазіи будетъ оттѣсняться въ ряды пролетаризующихся массъ, тѣмъ самымъ постоянно угрожая экономическому положенію еврейскаго пролетаріата, которое и безъ того должно было значительно отставать отъ положенія пролетаріата такъ называемаго „коренного населенія“.

Въ томъ же направленіи должна дѣйствовать также ненормальность культурнаго развитія еврейской массы. Постоянное повышеніе нормы нац. эксплоатаціи въ сферѣ культурной должно выступать болѣе прямымъ и непосредственнымъ образомъ, чѣмъ

въ сферѣ экономической. Самый фактъ расширенія рамокъ соціальной жизни, и, слѣдовательно, увеличенія плоскости соціальнаго общенія евреевъ съ неевреями, долженъ непосредственно вести къ тому, что культурное творчество первыхъ, преимущественно въ области соціально-экономической и политической, будетъ все въ большихъ размѣрахъ осѣдать въ чужой національной средѣ. А отсюда—сравнительная бѣдность еврейскаго нац. языка и относительная отсталость еврейской національно-культурной жизни вообще. Это обстоятельство должно особенно неблагопріятно отражаться на еврейскомъ пролетаріатѣ, для котораго родной языкъ и родная культурная среда вообще составляетъ главный, если не единственный источникъ его культурнаго развитія. Такимъ образомъ, процессъ его національзаціи, стихійно вызываемый неумолимыми интересами его жизни и развитія, встрѣчаетъ здѣсь непреодолимыя препятствія, создавая тѣмъ самымъ непримиримыя противорѣчія въ его соціальномъ развитіи.

Итакъ, мы видимъ, что дѣйствовавшія на всемъ протяженіи еврейской жизни въ діаспорѣ причины, въ силу которыхъ громадная доля еврейской общественной энергіи поглощается непреодолимымъ сопротивленіемъ окружающей соціальной среды, не преминутъ оказать свое дѣйствіе на судьбу еврейскаго пролетаріата и въ свободной Россіи. Всѣ усилія послѣдняго подняться на соціальный уровень пролетаріата другихъ, нормально-живущихъ культурныхъ націй должны будутъ разбиваться о нерушимыя преграды, воздвигаемыя аномаліями еврейской національной жизни.

Безпрерывно натыкаясь на эти преграды, задерживающія ростъ его соціальныхъ силъ, еврейскій пролетаріатъ самой жизнью становится каждый разъ лицомъ къ лицу съ основными условіями, порождающими эти аномаліи.

Несмотря на постепенное *абсолютное* улучшеніе его положенія, отмѣченныя нами основныя противорѣчія его соціальной жизни въ діаспорѣ, невозможность для него развернуть здѣсь всю свою пролетарскую мощь, развить всѣ свои классовыя потенціи и будутъ служить для него неизсякаемымъ источникомъ національнаго революціонизма, вѣчно толкая его мысль и волю въ сторону радикальнаго рѣшенія національнаго вопроса. Въ этихъ-то „противорѣчіяхъ“ и „невозможностяхъ“, а отнюдь не въ возрастающей пауперизаціи и прогрессивной дегенераціи и кроется *главная движущая сила* нашего революціоннаго національзма, какъ всякаго революціоннаго идеала вообще. Не безысходность положенія, не отчаяніе толкали, толкаютъ и будутъ толкать соціальныя коллективности на положительную созидательную работу: лишь невозможность при данныхъ условіяхъ проявить скрытую въ нихъ потенціальную энергію прорываетъ задерживающія ихъ развитіе соціальныя плотины и выводитъ ихъ на широкую дорогу свободнаго соціальнаго строительства. Не призракъ голодной смерти, не перспектива постепеннаго вырожденія бросали европейскую буржуазію прошлаго вѣка въ объятія революціи. *Сдавливаемыя въ своемъ развитіи классовыя силы ея* —

вотъ что смело съ лица земли отжившій феодальный строй и создало господство буржуазіи. Справедливость этого положенія въ примѣненіи къ классовой борьбѣ пролетаріата самымъ рѣзкимъ образомъ подчеркивается лидеромъ европейской соціальдемократіи — Карломъ Каутскимъ. „Ко времени составленія положеній Эрфуртскаго съѣзда — говоритъ Каутскій въ своемъ предисловіи къ 5-му изданію Эрфуртской программы—послѣдовательные марксисты давно уже сходились въ томъ, что эмансипація пролетаріата явится слѣдствіемъ не увеличивающейся *нищеты*, а растущаго *противорѣчія классовыхъ интересовъ* и вытекающей отсюда классовой борьбы пролетаріата. Именно въ этой побѣдѣ, одержанной теоріей классовой борьбы надъ присущей домарксистскому соціализму теоріей обнищанія массъ, мы уже тогда видѣли одно изъ самыхъ цѣнныхъ пріобрѣтеній марксизма".

Слѣдуетъ, однако, признать, что „присущія домарксистскому соціализму" теоріи и теперь еще не окончательно изгнаны изъ сферы соціалистической мысли, преимущественно же въ примѣненіи къ національному вопросу. Здѣсь, во всякомъ случаѣ, среди извѣстной части соціалистической интеллигенціи, насквозь проникнутая буржуазностью идеологія любителей всяческихъ палліативовъ и проповѣдниковъ малыхъ дѣлъ свила себѣ какъ будто прочное гнѣздо. Мы поэтому знаемъ,—намъ скажутъ: „если положеніе еврейской массы въ діаспорѣ дѣйствительно постепенно улучшается, что же заставитъ ее бороться за выставляемой вами революціонный національный идеалъ, достиженіе котораго требуетъ такихъ жертвъ и такого напряженія силъ?.."

Да, не новыя это возраженія! Со временъ Шульце-Делича буржуазные идеологи не разъ пытались этимъ тупымъ оружіемъ бороться противъ побѣдоноснаго шествія идей и взглядовъ революціоннаго соціализма. Но тщетно! Для сознательнаго, революціоннаго пролетаріата такого рода вопросовъ, въ концѣ концовъ, существовать не можетъ: они противорѣчатъ самой его соціальной природѣ.

И именно по мѣрѣ повышенія соціальнаго уровня еврейской массы и, слѣдовательно, по мѣрѣ накопленія необходимыхъ силъ и созиданія объективной возможности для реализаціи ея національнаго идеала—по этой мѣрѣ и будетъ расти ея національная революціонность, которая въ революціонномъ пролетаріатѣ найдетъ свое крайнее, самое яркое выраженіе. Эти объективные положительные моменты будутъ оказывать свое великое агитаціонное дѣйствіе чѣмъ дальше, тѣмъ рѣшительнѣе. Національный гнетъ будетъ казаться намъ тѣмъ тяжелѣе и невыносимѣе, чѣмъ ближе станетъ для насъ возможность достиженія нашего національнаго идеала. Такова ужъ объективная логика соціальной эволюціи вообще. Исторія уже не разъ доставляла намъ блестящія подтвержденія этого закона. Въ извѣстной книгѣ „Старый порядокъ и Революція" *Токвиль* задается вопросомъ:

Почему революція, задача которой состояла, собственно, въ томъ, чтобы повсюду уничтожить остатки средневѣковыхъ учрежденій, вспыхнула не въ тѣхъ странахъ, гдѣ эти учрежденія лучше сохранились и наиболѣе давали чувствовать на-

роду свою стѣснительность и суровость, а напротивъ, тамъ, гдѣ народъ всего меньше страдалъ отъ нихъ; такъ что ихъ иго казалось наиболѣе невыносимымъ тамъ, гдѣ оно, въ дѣйствительности, было наименѣе тяжелымъ? [1])

Но въ этомъ же вопросѣ кроется и отвѣтъ на него. Изъ всѣхъ континентальныхъ странъ, гдѣ господствовалъ феодальный строй, революція вспыхнула именно во Франціи, говоритъ Токвиль, потому, что во Франціи еще до революціи феодализмъ пересталъ быть учрежденіемъ политическимъ, сохраняясь тамъ лишь въ сферѣ гражданскихъ учрежденій.

А „въ такомъ урѣзанномъ видѣ онъ возбуждалъ еще больше недовольства; и можно сказать съ полнымъ правомъ, что разрушеніе одной части средневѣковыхъ учрежденій во сто разъ увеличило ненависть къ той долѣ ихъ, которая была оставлена въ силѣ.“ [2])

Онъ дальше спрашиваетъ, почему революція вспыхнула тамъ именно при Людовикѣ XVI и опять-таки отвѣчаетъ: именно потому, что царствованіе Людовика XVI было наиболѣе благополучной эпохой старой монархіи, и такимъ образомъ именно это благополучіе приблизило революцію.

Феодализмъ, говоритъ онъ, въ цвѣтѣ своихъ силъ никогда не внушалъ французамъ такой ненависти, какъ наканунѣ своего исчезновенія. Самыя незначительныя проявленія произвола у Людовика XVI казались болѣе несносными, чѣмъ весь деспотизмъ Людовика XIV. Кратковременное тюремное заключеніе, которому былъ подвергнутъ Бомарше, вызвало въ Парижѣ больше волненій, чѣмъ драгоннады [3]).

Разсматривая отношенія различныхъ областей Франціи, Токвиль замѣчаетъ, что

„главнымъ очагомъ этой революціи становятся впослѣдствіи именно тѣ части Франціи, въ которыхъ преуспѣяніе наиболѣе замѣтно. Изучая то, что уцѣлѣло отъ архивовъ стараго департамента Иль-де-Франса, мы безъ труда убѣдимся, что старый порядокъ всего ранѣе и наиболѣе глубоко былъ преобразованъ въ областяхъ, смежныхъ съ Парижемъ“. „Нигдѣ, напротивъ того, старый порядокъ не сохранился такъ прочно, какъ вдоль нижняго теченія Луары—среди болотъ Пуату и луговъ Бретани. Именно тамъ зажглось и поддерживалось пламя междуусобной войны, именно тамъ революція встрѣтила наиболѣе ожесточенное и продолжительное сопротивленіе; такимъ образомъ, можно сказать, что французы находили свои положеніе тѣмъ болѣе невыносимымъ, чѣмъ больше оно улучшалось“. [4])

Пусть читатель проститъ намъ эту нѣсколько длинную историческую справку, соціологическій смыслъ которой мы совѣтуемъ запомнить всѣмъ тѣмъ, кто еще не отрѣшился отъ пресловутой формулы „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“... Для насъ важно было подчеркнуть, что основывая свой національный идеалъ на постепенномъ улучшеніи положенія еврейской массы, мы не идемъ противъ исторической правды.

Эта справка кажется намъ, кромѣ того, особенно поучительной именно *теперь*, наканунѣ великаго историческаго переворота, изъ котораго еврейскій пролетаріатъ выйдетъ, по нашему глубокому убѣжденію, съ еще болѣе страстнымъ стремленіемъ окончательно сбросить съ себя цѣпи національнаго рабства,—вопреки многимъ близорукимъ пророчествамъ.

Теперь намъ остается еще отвѣтить на слѣдующій, чрезвычайно существенный, кардинальный вопросъ: въ какихъ же кон-

---

[1]) Токвиль: „Старый порядокъ и революція“ стр. 38.
[2]) Ibid., стр. 48.
[3]) Ibid. стр. 197
[4]) Ibid. стр. 195—196

кретныхъ соціально-политическихъ формахъ будутъ отлагаться охарактеризованные нами объективные и субъективные процессы, т. е. процессъ абсолютнаго повышенія соціальнаго уровня еврейской массы и процессъ ея націонализаціи въ примѣненіи къ нашему конечному національному идеалу? Каково конкретное соціально-политическое выраженіе этихъ процессовъ? или, точнѣе говоря,— какими конкретными путями мы мыслимъ реализацію нашего національнаго идеала?

Выясненію этого вопроса будетъ посвящена слѣдующая глава, гдѣ мы попытаемся проанализировать тѣ автономныя формы національно-политической жизни, которыя должны будутъ складываться у всѣхъ націй, живущихъ въ смѣшанномъ разноплеменномъ государствѣ вообще и у еврейской національности въ частности.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Принципъ національно-политической автономіи.

Однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ завоеваній новѣйшей соціальной науки нужно считать незыблемо установленное ею положеніе, что личность со всѣмъ содержаніемъ ея психики, всѣмъ складомъ ея жизни является продуктомъ безчисленнаго множества соціальныхъ вліяній, въ ней пересѣкающихся и преломляющихся.

Старыя индивидуалистическія теоріи, надѣлявшія личность безграничной метафизической „свободой воли“ и поднимавшія ее на степень свободнаго творца своей жизни, безвозвратно сданы въ архивъ, и предъ анализомъ современной соціологіи личность выступаетъ, какъ комокъ соціальныхъ нитей.

На канвѣ индивидуальныхъ наклонностей, въ свою очередь являющихся результатомъ развитія предыдущихъ поколѣній, перекрещиваются и складываются въ своеобразный узоръ безчисленныя нити, идущія отъ различныхъ соціальныхъ группъ, къ которымъ личность примыкаетъ той или другой стороной своего общественнаго существованія, какъ то: общины, церкви, профессіи, класса, государства, націи и пр. Соціальное положеніе этихъ группъ, способы образованія и формы проявленія ихъ коллективной воли опредѣляютъ въ общихъ и существеннѣйшихъ чертахъ условія жизни и борьбы единичной личности, и каждое ихъ измѣненіе такъ или иначе отражается на жизни и развитіи послѣдней.

Было бы, конечно, ошибочно разсматривать личность и общественныя группы, какъ враждебныя категоріи, какъ два члена антиноміи, сферы дѣйствія и проявленія которыхъ противополагаются одна другой, и на основаніи этого ложнаго представленія порицать въ принципѣ всякую зависимость личности отъ общественной группы, какъ соціальныя узы, сковывающія свободное проявленіе индивидуальной дѣятельности и творчества. Въ отдѣльныхъ случаяхъ коллизіи, конечно, возможны, но въ общемъ и цѣломъ не приходится, конечно, доказывать, что групповая жизнь является могучимъ рычагомъ человѣческаго прогресса и рѣшающимъ факторомъ въ борьбѣ личности съ антагонистическими силами въ природѣ и обществѣ. Повсюду, гдѣ усложняется жизнь и ожесточается борьба, вступающая въ жизнь личность, поскольку это позволяетъ ей развитіе ея общественнаго самосознанія, ищетъ и находитъ въ окружающей средѣ представителей

солидарныхъ интересовъ, съ которыми она и заключаетъ союзъ. И независимо отъ того, возникаетъ ли данная общественная группа путемъ свободнаго взаимнаго соглашенія ея членовъ, какъ напримѣръ, профессіональные союзы, партіи и т. п., или же естественнымъ путемъ, независимо отъ свободнаго волевого акта ея членовъ, какъ напримѣръ, государства, націи и т. п. соціально-историческія образованія,—назначеніе ея все то же: кординировать опредѣленной категоріи дѣйствія отдѣльныхъ ея членовъ, выливая разрозненные акты единичныхъ людей въ форму урегулированной и планомѣрной дѣятельности, направленной на достиженіе извѣстной цѣли.

Такимъ образомъ кажущаяся противуположность между индивидуальной свободой личности и ея связанностью солидарными интересами тѣхъ союзовъ, къ которымъ она принадлежитъ, исчезаетъ при ближайшемъ разсмотрѣніи. Весь коллективный процессъ соціальной дѣятельности исходитъ отъ личности и къ ней же возвращается, и полная свобода проявленія личности не только совмѣстима съ высшимъ развитіемъ чувства и интересовъ солидарности, но даже предполагается послѣднимъ. Чѣмъ личность выше духовно и свободнѣе соціально, тѣмъ сильнѣе у нея потребность дѣйствовать въ духѣ сознанныхъ солидарныхъ интересовъ, и тѣмъ тѣснѣе сливаетъ она свою дѣятельность съ дѣятельностью общественныхъ союзовъ, направленною на защиту и развитіе того или иного солидарнаго интереса.

Долгое время усматривали также антиномію между правомъ личности образовывать союзы и вступать въ нихъ—между такъ называемой „свободой ассоціацій“ и принципомъ суверенаго государства. Государство мыслилось, какъ союзъ изолированныхъ отъ всякихъ общественныхъ отношеній личностей, которыя въ силу „общественнаго договора“,—какъ это представлялъ себѣ величайшій политическій мыслитель XVIII вѣка,—отчуждаютъ всѣ свои права въ пользу „volonté génèrale“ (общей воли). Эта „volonté generale“ должна вырабатываться и опредѣляться самостоятельно, свободно, внѣ всякаго давленія, а потому внутри государства не могутъ быть терпимы союзы, преслѣдующіе политическія цѣли, такъ какъ они вносятъ расколъ въ среду народа и препятствуютъ выраженію истинной общей воли. „Для полнаго проявленія общей воли, говоритъ Ж. Ж. Руссо, важно, чтобы не было частичныхъ союзовъ въ государствѣ, и чтобы каждый гражданинъ голосовалъ, слѣдуя лишь своимъ личнымъ убѣжденіямъ“ [1]) Договорная теорія съ ея раціоналистическимъ оптимизмомъ, предполагавшимъ предустановленную гармонію соціальныхъ интересовъ, давно уже отвергнута наукой; сладкія мелодіи объ единомъ, основанномъ на народномъ суверенитетѣ, государствѣ, какъ панацеѣ противъ всѣхъ общественныхъ золъ, о разумной личности, для свободнаго самоопредѣленія которой необходимо лишь установленіе юридическихъ „равенства, свободы и братства,“—эти сладкія мелодіи, которыя когда-то вдохновляли борцовъ за демократическое государство,

[1]) „Contrat social,“ II, 3.

потеряли въ настоящее время свое обаяніе и превратились въ слащавыя колыбельныя пѣсни, которыми можно убаюкать лишь политическихъ младенцевъ. Въ настоящее время общимъ достояніемъ стала та истина, что государство по генезису, по существу и по формѣ является результатомъ опредѣленнаго соотношенія борющихся соціальныхъ силъ, что „права человѣка и гражданина" превращаются въ юридическія фикціи тамъ, гдѣ объединенные солидарностью интересовъ граждане не въ состояніи выставить коллективную силу для защиты и расширенія своихъ правъ, и что въ силу этой необходимости коллективной борьбы возникаютъ союзы болѣе или менѣе значительной интенсивности и экстенсивности, которые въ качествѣ самостоятельныхъ общественныхъ образованій становятся между государствомъ и индивидомъ, составляя могучіе факторы борьбы за власть и господство.

Все это трюизмы, которые въ наше время не нуждаются въ доказательствѣ. Но манчестерскій либерализмъ, окончательно изгнанный изъ сферы разсмотрѣнія классовыхъ противорѣчій, свилъ себѣ прочное гнѣздо въ области изслѣдованія національныхъ отношеній. Здѣсь проявился въ полной силѣ атавизмъ идей; и отжившія понятія и представленія, возродившись въ новой оболочкѣ, создаютъ своеобразную психологическую аберрацію, мѣшающую разсматривать національный вопросъ въ его настоящемъ свѣтѣ.

Общеизвѣстно, что многія изъ современныхъ государствъ представляютъ собою конгломератъ населенныхъ разнообразными національностями провинцій, которыя насильственно соединялись другъ съ другомъ путемъ завоеваній, наслѣдованія, мѣны, купли-продажи или подъ вліяніемъ другихъ династическихъ соображеній; тѣмъ не менѣе, когда выдвигаютъ необходимость освобожденія этихъ національностей отъ тисковъ мертвящаго централизма путемъ правового урегулированія сферы отношеній между государствомъ и входящими въ его составъ различными націями, имѣющими свои специфическія нужды и интересы, то современные манчестерцы національнаго вопроса въ ужасѣ предъ страшнымъ призракомъ „государства въ государствѣ" хватаются за всеспасающій догматъ государственнаго единства и, слѣдуя обветшалому принципу laisser faire, успокаиваются на томъ, что „свободная"-де игра борющихся соціальныхъ силъ стихійно превращаетъ національныя столкновенія въ національную гармонію.

Сравнительная распространенность этого взгляда, который въ настоящее время является, безъ сомнѣнія, анахронизмомъ, объясняется тѣмъ, что чрезъ густую сѣть классовой, сословной, профессіональной и политической борьбы, покрывающую всѣ общественныя отношенія настоящаго времени, многіе не видятъ всего соціальнаго значенія борьбы, совершающейся по линіи національнаго дѣленія, и приписываютъ ей временное, преходящее значеніе. Въ томъ же направленіи вліяютъ пережитки стараго космополитизма, современные адепты котораго разсматриваютъ національную борьбу, какъ „буржуазную выдумку", какъ производную отъ классовой борьбы, и въ основу

всѣхъ своихъ разсужденій о національной проблемѣ неизмѣнно кладутъ свое praeterea censeo относительно національныхъ отличій вообще.

Такимъ образомъ получается то, что даже въ лагерѣ наиболѣе передовыхъ борцовъ за уничтоженіе всякаго вида общественной эксплоатаціи замѣчается либо полное игнорированіе, либо презрительно-снисходительное отношеніе къ національному вопросу; и освободительнымъ національнымъ движеніямъ приходится не только бороться съ реакціонными общественными элементами, въ чьихъ интересахъ всякій общественный гнетъ и эксплоатація, но и разсѣивать тьму вѣковыхъ предразсудковъ, которые все еще держатъ въ порабощеніи умы значительной части соціалистическихъ и демократическихъ элементовъ общества, заставляя гоняться за космополитическимъ фантомомъ, на алтарѣ котораго приносятся въ жертву реальные интересы покоренныхъ націй. Но, освободительныя національныя движенія медленно, но вѣрно дѣлаютъ свое дѣло. „Прежде чѣмъ его опредѣлили, писалъ Андрей Кошутъ, новый принципъ (національный), только вчера родившійся, уже потрясаетъ міръ. Новый догматъ столь сильно овладѣлъ сознаніемъ, что безусловно необходимо считаться съ нимъ. Онъ приводитъ въ движеніе королей и народы, и вѣроятно, что у многихъ изъ тѣхъ, которые отталкиваютъ его, существуетъ предчувствіе, что міръ принадлежитъ ему“ [1])

Такъ писалъ 40 лѣтъ тому назадъ одинъ изъ наиболѣе славныхъ борцовъ за національную независимость Венгріи, и послѣдовавшія затѣмъ событія самымъ убѣдительнымъ образомъ подтвердили его предсказаніе.

Историческій процессъ пробужденія широкихъ массъ къ сознательной общественной жизни, безпрерывно превращающій вѣками накопленную потенціальную энергію тупого недовольства въ кинетическую энергію сознательной борьбы, толкаетъ съ желѣзной силой покоренныя, сплошь да рядомъ сброшенныя въ безпорядочную кучу подъ флагомъ единаго государства, національности къ тому, чтобы разрубить мертвую петлю, которой онѣ прикрѣплены къ центру, и свергнуть національный гнетъ, сковывающій всѣ проявленія общественной жизни. Этотъ же процессъ все большей и большей демократизаціи общества неуклонно ведетъ къ торжеству національной свободы, которая является интегральной частью основныхъ и неотъемлемыхъ правъ личности. Блестящимъ доказательствомъ тому служитъ съ одной стороны успѣхъ цѣлаго ряда освободительныхъ движеній, въ результатѣ которыхъ выдѣлялись, объединялись и складывались національныя государства (Италія, Германія, Балканскія государства), а съ другой стороны — та не утихающая національная борьба, которая не перестаетъ потрясать и расшатывать государственный организмъ Австріи.

[1]) André Cochut. „Des nationalités“. См. „Revue des deux mondes“ vol. 64, 1866 г. стр. 690.

Австрія является типичнымъ образчикомъ того государство-строительства, которое характеризуетъ эпоху усиленія и роста королевской власти въ Западной Европѣ. Государства выкраивались и закруглялись путемъ произвольнаго, иной разъ весьма затѣйливаго комбинированія различныхъ провинцій, которыя завоевывались, продавались и перепродавались по всѣмъ правиламъ гражданской сдѣлки, въ которой контрагентами являлись, конечно, одни короли. Такимъ образомъ и образована была охватывавшая всю среднюю Европу габсбургская монархія, которая стала быстро расползаться по всѣмъ швамъ, какъ только „мои народы", какъ именуетъ въ своихъ манифестахъ австрійскій монархъ національности, населяющія Австро-Венгрію, забирали свои политическія судьбы въ собственныя руки.

Этотъ процессъ разложенія когда-то сильной и могущественной габсбургской монархіи и выдѣленія изъ нея самостоятельныхъ національныхъ государствъ еще не завершился. Государственный организмъ Австріи, какъ извѣстно, и теперь еще не можетъ нормально функціонировать, раздираемый безконечными національными распрями, нерѣдко приводящими въ совершенное бездѣйствіе центральные государственные органы. Современная Австрія стоитъ предъ сложной проблемой въ поискахъ такого modus vivendi, при которомъ возможно было бы мирное сотрудничество и братское сожительство различныхъ націй подъ одной государственной кровлей. Послѣдніе 40 лѣтъ конституціонной жизни Австріи такъ богаты событіями изъ области національныхъ отношеній и стремленій, что вскрываемыя анализомъ этихъ событій, лежащія въ ихъ основѣ тенденціи наталкиваютъ на опредѣленные выводы и сравненія.

Къ этимъ выводамъ должна обратиться политическая мысль Россіи, стремящаяся установить во всей чистотѣ основные принципы будущихъ политическихъ формъ, въ согласіи съ историческимъ опытомъ западно-европейской демократіи. При самомъ бѣгломъ сравненіи статистическихъ цыфръ, иллюстрирующихъ этническій составъ Россіи, обнаруживается, что степень разнородности этого состава,—какъ на всей территоріи Россіи, въ цѣломъ взятой, такъ и въ меньшихъ территоріальныхъ единицахъ, находящихся на окраинахъ,—отнюдь не меньше, чѣмъ въ классической странѣ національныхъ распрей—въ Австріи. Къ этому надо прибавить другія—историческія условія—систематическую правительственную руссификацію, съ которой для народныхъ низовъ угнетенныхъ національностей всегда ассоціировались всѣ виды общественной эксплоатаціи, и то обстоятельство, что многія національности находятся въ Россіи подъ *двойнымъ* національнымъ гнетомъ, какъ напримѣръ, литовцы, угнетаемые и русскими и поляками, или латыши и эсты, угнетаемые русскими и нѣмцами.

Совокупность всѣхъ этихъ условій совершенно достаточна для предсказанія, что эволюція національныхъ отношеній пойдетъ у насъ тѣми же путями, какъ и въ Австріи. Національный вопросъ пріобрѣтаетъ у насъ еще бо̀льшую остроту и жгучесть, формы и проявленія національной борьбы—еще болѣе грубый и

некультурный характеръ. Мы должны поэтому извлечь для себя цѣнный политическій урокъ изъ исторіи Австріи. Для соціалистической мысли россійскаго пролетаріата въ области теоріи и практики національнаго вопроса критически-провѣренныя аналогіи изъ сферы австрійскихъ національныхъ отношеній должны сыграть такую же плодотворную роль, какую въ свое время сыграли для нея уроки изъ исторіи западно-европейскаго капитализма.

Прежде всего, необходимо отказаться отъ наивнаго взгляда, будто стоитъ только продекларировать равенство предъ закономъ всѣхъ гражданъ, независимо отъ ихъ національнаго происхожденія, чтобы національные интересы, растворившись въ классовой и политической борьбѣ, перестали играть существенную роль въ государственной жизни. Тамъ, гдѣ существуетъ соціальное неравенство національностей, опирающееся на фактическое преобладаніе одной или нѣсколькихъ изъ нихъ, тамъ юридическое отрицаніе національныхъ привиллегій, не подкрѣпленное соотвѣтствующими гарантіями, остается благочестивымъ пожеланіемъ: не внося никакихъ измѣненій въ фактическое соотношеніе борющихся силъ, оно не можетъ повлечь за собою ни исчезновеніе, ни суженіе площади національныхъ треній. Господствующая нація, пользуясь своимъ численнымъ или культурнымъ превосходствомъ, узурпируетъ государственную и общественную власть и оттѣсняетъ подчиненныя національности къ низшимъ ступенямъ общественной лѣстницы, а постоянно побѣждаемыя въ неравной борьбѣ, угнетенныя національности, послѣ тщетныхъ апелляцій къ юридическому равенству вынуждены бываютъ пускать въ ходъ свои ultimae rationes, прибѣгая къ парламентской обструкціи или же перенося борьбу изъ представительныхъ учрежденій на улицу. Отсюда тѣ хроническіе кризисы политической жизни, которыми такъ богата исторія конституціонной Австріи.

А между тѣмъ, такія тяжелыя сотрясенія государственнаго организма стали бы просто немыслимы, еслибъ въ эту стихійную и жестокую борьбу, лозунгомъ которой является варварское vae victis (горе побѣжденнымъ!), вмѣшалось государство и урегулировало бы сферу національныхъ отношеній посредствомъ ясныхъ и точныхъ правовыхъ нормъ, которыя охватили бы эти отношенія во всей ихъ совокупности и сложности. Для этого необходимо, чтобы основной государственный законъ, опредѣляя принципіальное положеніе индивида по отношенію къ государству, квалифицировалъ также и юридическое положеніе національной коллективности, составляющей наиболѣе крупное по своему вліянію и значенію промежуточное соціальное образованіе, которое въ разноплеменномъ государствѣ стоитъ между послѣднимъ и индивидомъ, и образующей тотъ соціальный кругъ, въ которомъ вращается личность со своими правами и обязанностями.

Возможность индивидуальнаго проявленія личности въ той сферѣ неприкосновенной свободы, которая остается за нею за вычетомъ правовыхъ ограниченій (свобода совѣсти, слова, печати и т. д.); степень участія въ созданіи государственныхъ органовъ и въ отправленіи функцій послѣднихъ (активное и пассивное

избирательное право, право на занятіе государственной должности и т. д.); мѣра осуществленія тѣхъ публично-правовыхъ притязаній, въ силу которыхъ личность можетъ требовать отъ государства въ своихъ интересахъ опредѣленныхъ положительныхъ услугъ административнаго, судебнаго и культурнаго характера,—однимъ словомъ, возможность использованія личностью правъ всѣхъ категорій—индивидуальныхъ и публичныхъ—въ большей или меньшей полнотѣ зависитъ отъ соціальной силы, культурнаго уровня и юридическаго положенія въ государствѣ той національной коллективности, къ которой данная личность принадлежитъ. Преломляясь въ національной средѣ, государственный правопорядокъ Nationalitätenstaat'а (государства съ разноплеменнымъ составомъ населенія) претерпѣваетъ измѣненія въ зависимости отъ характера соціально-экономической структуры данной національности, значительности и интенсивности ея національно-культурнаго вліянія, высоты народнаго образованія, степени развитія національнаго языка и т. п.; а эти измѣненія являются не только слѣдствіемъ, но и причиной, въ свою очередь оказывая воздѣйствіе на дальнѣйшее развитіе національности.

Такимъ образомъ мы постулируемъ совокупность опредѣленныхъ солидарныхъ интересовъ, которые, несмотря на существующія внутри націи глубокія классовыя противорѣчія, объединяютъ всѣхъ членовъ ея, заставляя ихъ дѣйствовать, какъ коллективное единство, для защиты и преуспѣянія этихъ интересовъ. И какъ всякая коллективная дѣятельность, направленная на борьбу съ неблагопріятными условіями жизни и развитія, какъ всякая совмѣстная творческая работа, такъ и дѣятельность, направленная на защиту коллективныхъ національныхъ интересовъ, возможна лишь при существованіи организаціи, т. е. „прочныхъ, постоянныхъ соединеній воль.“ Но для того, чтобы такая организація могла надолго упрочиться и выполнять свое назначеніе, она дожна обладать средствами внѣшняго воздѣйствія въ интересахъ поддержанія авторитета и реализаціи коллективной воли, а для этого она должна пользоваться санкціей государства.

Естественно, поэтому, что живущія въ Nationalitätenstaat'ѣ націи, не бладающія еще государственными прерогативами, имѣютъ тенденцію узурпировать государственную власть. Чтобы избѣжать возникающей при этомъ непрерывной борьбы между господствующими и стремящимися къ господству націями, государство должно пойти навстрѣчу неотложному требованію всякой цѣлесознательной и планомѣрной національной политики и признать *національности юридическими личностями*. Это признаніе означаетъ, что, какъ правовой субъектъ, національная коллективность должна находиться въ опредѣленныхъ, юридически-нормированныхъ отношеніяхъ къ государству въ цѣломъ, къ отдѣльнымъ національностямъ, живущимъ въ томъ же государствѣ, и къ отдѣльнымъ членамъ данной національности; она должна имѣть свою опредѣленную сферу компетенціи и свои органы, посредствомъ которыхъ опредѣляется и проводится ея коллектив-

ная воля, и въ лицѣ которыхъ она выступаетъ въ защиту своихъ правъ и несетъ отвѣтственность за свои обязанности.

Такимъ образомъ признаніе націи юридической личностью является юридической предпосылкой всякихъ національныхъ правъ, которыя остаются пустымъ звукомъ, если отсутствуетъ тотъ правовой субъектъ, который охранялъ бы ненарушимость этихъ правъ. Примѣромъ можетъ служить, хотя бы пресловутый 19-ый параграфъ австрійской конституціи. Этотъ параграфъ гласитъ: „всѣ народности государства равноправны, и каждая изъ нихъ пользуется ненарушимымъ правомъ на сохраненіе и развитіе своей культуры и языка.“—„Но права, и притомъ еще „ненарушимыя“, справедливо замѣчаетъ по этому поводу Рудольфъ Шпрингеръ, можетъ имѣть опредѣленный правовой субъектъ. Нарушеніе этихъ правъ можетъ обжаловать только правовой субъектъ. Такое же юридическое постановленіе, которое неосуществимо, и нарушеніе котораго не можетъ быть обжаловано, остается благочестивымъ пожеланіемъ“ [1]). А къ чему на практикѣ сводилось и сводится въ Австріи это „равноправіе“ и національныя права,—объ этомъ австрійскія національныя меньшинства могли бы поразсказать весьма печальную и поучительную повѣсть.

Приведемъ еще одинъ примѣръ изъ другой, ближе знакомой намъ, области „благочестивыхъ пожеланій“. Въ программѣ россійской соціальдемократической партіи фигурируетъ, между прочимъ, пунктъ, гдѣ за каждой націей признается „право на самоопредѣленіе“. Этимъ, хотя и рѣшительнымъ, но весьма неопредѣленнымъ заявленіемъ, россійская соціальдемократическая партія думаетъ исчерпать весь національный вопросъ въ Россіи. Но вѣдь одна абстрактная возможность обладать какимъ-нибудь правомъ не ведетъ рѣшительно ни къ какимъ послѣдствіямъ, если при этомъ не опредѣлено даже, кто является субъектомъ этого права. Когда говорятъ о правѣ націи на самоопредѣленіе, то предполагается, что *воля націи суверенна* въ рѣшеніи вопросовъ культурной и политической жизни. [2]) Но если эта воля не представляетъ собою какую-то непознаваемую метафизическую сущность, то необходимо указать тѣ реальные, объективные признаки, которыми она опредѣляется, или, точнѣе, необходимо создать тѣ органы, въ которыхъ эта воля проявляется въ конкретныхъ актахъ и отливается въ опредѣленныя формы.

И далѣе: каждый суверенитетъ характеризуется двумя формальными признаками—независимостью и верховностью (въ этомъ смыслѣ и говорятъ о суверенитетѣ государственной власти), и, слѣдовательно, признаніе суверенитета націи означаетъ, что въ опредѣленіи формъ своей политической и культурной жизни нація не должна знать надъ собой никакой высшей власти, которая подчиняла или ограничивала бы ея волю. Но, когда дѣло идетъ о

---

[1]) Rudolf Springer. „Der Kampf der oesterreichischen Nationen um den Staat“. Erster Theil. Leipzig und Wien. 1902, стр. 66.

[2]) См. напр. К. К. „О еврейскомъ рабочемъ движеніи“. „Заря“ № 4 стр. 50 и 51.

Nationalitätenstaat'ѣ, гдѣ нація и государство не покрываютъ другъ друга, то абстрактная формула, признающая суверенитетъ націи, далеко не достаточна, ибо необходимо опредѣлить, какимъ образомъ согласовать суверенитетъ государства съ суверенитетомъ входящихъ въ его составъ націй.

Здѣсь мы подошли къ самому существенному и кардинальному вопросу національнаго права,—къ вопросу о разграниченіи сферъ компетенціи государства и націи. При рѣшеніи этого вопроса приходится сталкиваться съ почти неустранимыми, съ перваго взгляда, трудностями, совершенно неизбѣжными, ибо приходится расчленять и дѣлить на категоріи тѣсно сцѣпленныя и взаимно обуславливающія другъ друга явленія.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, размежевать сферы дѣйствія и проявленія государства и націи, когда эти сферы то соприкасаются, то пересѣкаются, а то и совсѣмъ сливаются? Здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ научному синтезу не удалось еще охватить данный кругъ явленій во всемъ ихъ многообразіи и своеобразіи, некритическая мысль либо хватается за искусственныя схемы, либо успокаивается на ходячихъ понятіяхъ и представленіяхъ. Такимъ образомъ и въ изслѣдованіи интересующаго насъ вопроса установилась шаблонная формула, которой національные политики часто пользуются безъ серьезной критической провѣрки.

Нація мыслится ими, какъ культурно-психологическое единство, которое для своего упроченія и нормальнаго функціонированія нуждается только въ сохраненіи и развитіи національнаго языка и школы. Отсюда выводъ, что достаточно изъять культурно-просвѣтительныя функціи изъ вѣдѣнія государства и передать въ вѣдѣніе національныхъ учрежденій, чтобы сразу разрубить Гордіевъ узелъ, который образуетъ національный вопросъ для Nationalitätenstaat'a.

Такъ разсуждаетъ, напримѣръ, австрійскій публицистъ Patriot [1]), къ которому приближается и Бундъ въ своемъ обоснованіи и конструкціи національно-культурной автономіи. „Лишь тамъ, говоритъ бундовскій авторъ, лишь въ тѣхъ сферахъ политической жизни еврей уязвимъ, гдѣ онъ будетъ выступать какъ таковой, именно, какъ еврей; а роль этой ахиллесовой пяты могутъ сыграть лишь вопросы культурной жизни", и потому въ цѣляхъ устраненія національной вражды и угнетенія Бундъ высказывается за автономію, которая сводится къ тому, что „для завѣдыванія своими культурными дѣлами — *и только для этого* — (курсивъ автора) каждая нація образуетъ юридическое коллективное цѣлое", которое самоуправляется посредствомъ соотвѣтствующихъ органовъ. „Но нація, — повторяетъ авторъ еще разъ, очевидно, во избѣжаніе недоразумѣній,—самоуправляется лишь въ той области вопросовъ,

[1]) См. Patriot, Die Verfassung als die Quelle des Nationalitätenhaders in Oesterreich, Wien und Leipzig 1897. Его-же. „Grundzüge für eine endgiltige Lösung der Nationalitätenfrage in Oesterreich", W, u. L. 1897. Его-же, „Ergänzung der Verfassung Oesterreiches", W. u. L. 1898. Изслѣдованія этого автора не остались безъ вліянія на національную программу, выработанную и обоснованную Шпрингеромъ. Сравни его выщецитированную „Der Kampf der oesterreichischen Nationen um den Staat"

въ которой проявляется національная жизнь, какъ таковая, т. е., въ области культурныхъ вопросовъ. Для всѣхъ остальныхъ дѣлъ и функцій „національный союзъ“ становится, какъ бы несуществующимъ. Его члены фигурируютъ не въ роли представителей данной націи, а просто въ роли жителей (?..) той или другой административной единицы“ [1]).

Послѣ всего сказаннаго въ предыдущей главѣ нѣтъ надобности вдаваться здѣсь въ подробную критику тѣхъ національныхъ теорій, которыя сводятъ все содержаніе національной жизни къ культурному моменту. Конечно, въ области духовно-культурнаго творчества, національныя отличія выступаютъ наиболѣе рельефно и отчетливо. Это объясняется тѣмъ, что пріемы нашего наблюденія и передачи надъ явленіями этой области отличаются гораздо бо́льшей тонкостью и гибкостью. Поэтому здѣсь, какъ въ солнечномъ спектрѣ, національные цвѣта отражаются во всемъ ихъ пестромъ разнообразіи. Но яркость цвѣтовъ въ духовно-культурныхъ проявленіяхъ національныхъ индивидуальностей не должна ослаблять чувствительности нашего глаза къ менѣе сильнымъ цвѣтамъ, въ которые окрашивается вся соціальная жизнь, преломляясь въ національной средѣ.

Линія національнаго дѣленія проходитъ черезъ всю совокупность соціальныхъ интересовъ, пріобрѣтающихъ болѣе или менѣе ясно выраженныя специфическія особенности у каждой національности, и, поднимаясь въ область культурнаго творчества, она достигаетъ своей наивысшей отчетливости. Поэтому мы думаемъ, что какъ-бы глубоко мы не провели анализъ національныхъ отношеній, невозможно опредѣлить, гдѣ въ евреѣ или чехѣ кончается „представитель данной націи“ и начинается „житель той или другой административной единицы“. Мы считаемъ дѣленіе общественныхъ интересовъ на культурные — національные и соціально-экономическіе — общегосударственные искусственнымъ, не выражающимъ реальнаго соотношенія вещей и, конечно, не раздѣляемъ оптимизма бундовскаго публициста, полагающаго, что съ обособленіемъ національностей въ ихъ культурной дѣятельности „устраняется всякая необходимость взаимныхъ національныхъ треній и борьбы“. [2])

Мы убѣждены въ томъ, что одни преобразованія въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, и даже коренная реорганизація его путемъ учрежденія самостолтельныхъ національныхъ департаментовъ—а вѣдь къ этому въ сущности сводятся всѣ національныя требованія Бунда—безсильны разрѣшить сложный и трудный національный вопросъ. Каждой націи присуще естественное стремленіе создать для себя такія условія политической жизни, которыя позволяли бы ей автономно разрѣшать для себя всѣ соціальныя проблемы: и государственно-правовыя, и соціально-экономическія и культурно-просвѣтительныя. Это само по себѣ

[1]) См. „Вѣстникъ Бунда“ № 5, ст. „Соціальдемократія и національный вопросъ“.

[2]) Ibidem.

законное и справедливое стремленіе, такъ какъ въ немъ заложенъ здоровый инстинктъ, побуждающій націю искать условій нормальнаго развитія, матеріальнаго и культурнаго преуспѣянія. Но въ предѣлахъ Nationalitätenstaat'a это стремленіе должно быть ограничено постольку, поскольку сосредоточеніе всѣхъ государственныхъ функцій въ рукахъ одной націи влечетъ за собою подавленіе другихъ націй, съ которыми она, благодаря сожительству подъ одной государственной кровлей, должна совмѣстно рѣшать нѣкоторыя общія для нихъ всѣхъ задачи государственной жизни.

Изъ этихъ фактическихъ и реальныхъ національныхъ стремленій долженъ исходить всякій законъ, имѣющій цѣлью урегулировать сферу отношеній между государствомъ и націей. Въ основу этого урегулированія долженъ быть положенъ приблизительно тотъ же принципъ, по которому въ австрійской конституціи [1]) разграничиваются сферы компетенцій ландтаговъ и рейхсрата, и который можетъ быть формулированъ такимъ образомъ: *всѣ вопросы, касающіеся внутренней жизни націи разрѣшаются и удовлетворяются автономными національными органами, сфера компетенціи которыхъ не простирается за предѣлы тѣснаго національнаго круга. Такіе же вопросы общественной жизни, которые охватываютъ интересы нѣсколькихъ или всѣхъ живущихъ въ данномъ государствѣ національностей, подлежатъ компетенціи областныхъ или общегосударственныхъ органовъ.*

Такимъ образомъ мы классифицируемъ общественные интересы на общегосударственные и національные не по ихъ содержанію, а по носителю. Всякій вопросъ общественной жизни—все равно, касается ли онъ постановки школьнаго дѣла, организаціи государственнаго кредита или урегулированія крестьянскаго землевладѣнія, при соціализаціи земли или другихъ аграрныхъ реформахъ,—долженъ быть переданъ на рѣшеніе національныхъ сеймовъ въ томъ случаѣ, если онъ въ данной національной средѣ вслѣдствіе особыхъ условій жизни данной націи, пріобрѣтаетъ специфическій интересъ. Конечно, постановленія національныхъ сеймовъ обязательны лишь для членовъ данной націи и лишь въ томъ случаѣ, если они не противорѣчатъ смыслу общегосударственныхъ законовъ. Но въ предѣлахъ тѣснаго національнаго круга государство должно дѣлить съ націей нѣкоторыя свои верховныя права, а именно: финансовую власть и право представительства. Рядомъ съ государствомъ и нація должна обладать правомъ принудительнаго взиманія налога со своихъ членовъ, дабы она могла собирать необходимыя матеріальныя средства для осуществленія лежащихъ въ ея компетенціи задачъ. Размежевываются же государство и нація въ этомъ отношеніи такимъ образомъ, что государство отчуждаетъ въ пользу націи опредѣленный налогъ, [2]) способъ раскладки и высоту котораго каждая

---

[1]) См. § § 11 и 12.

[2]) По многимъ соображеніямъ, въ изложеніе которыхъ мы не можемъ здѣсь вдаваться, такимъ налогомъ съ наибольшимъ техническимъ удобствомъ могъ бы быть квартирный налогъ.

нація сама опредѣляетъ для себя, сообразно со своими нуждами и своей общественной структурой.

Кромѣ того за націей должно быть также признано право фигурировать и быть представленной въ лицѣ своихъ органовъ, какъ коллективное цѣлое, которое можетъ, минуя государство, входить въ непосредственныя сношенія по вопросамъ, касающимся ихъ внутренней жизни и не выходящимъ за предѣлы ихъ компетенціи.

Резюмируя вышесказанное, мы можемъ такъ формулировать основные принципы выставляемой нами національной автономіи. Каждая нація, живущая въ предѣлахъ Nationalitätenstaat'a образуетъ активный [1]) публичноправовой союзъ, т. е. является носителемъ публичныхъ правъ властвованія и публичныхъ обязанностей. Въ составъ союза входятъ всѣ члены данной націи, состоящіе гражданами даннаго государства, независимо отъ того, живутъ ли они сплошными массами или небольшими группами. Въ лицѣ своихъ органовъ, избираемыхъ на демократическихъ началахъ — національнаго сейма и національнаго министерства—союзъ несетъ обязательную государственную службу, вѣдая всѣ дѣла и интересы, связанные съ индивидуальными условіями жизни и развитія данной націи. Замѣняя государство въ нѣкоторыхъ его функціяхъ, національный союзъ пріобрѣтаетъ нѣкоторыя верховныя права—въ опредѣленныхъ предѣлахъ онъ пользуется правомъ представительства и финансовой властью. Сфера компетенціи каждой націи кончается на линіи ея касанія со сферой компетенціи другого національнаго союза.

Уже изъ этой краткой и сжатой схемы видно, что наша національная программа предполагаетъ радикальную перестройку отношеній между государствомъ и націей. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что такіе перевороты совершаются не сразу; наоборотъ мы знаемъ, что на пути къ осуществленію нашей программы лежатъ немалыя препятствія, которыя представляютъ собою инерція современнаго порядка и косность политической мысли. Но кто вдумался въ смыслъ поступательныхъ національныхъ движеній, которыя развертывались и развертываются на политической аренѣ Европы, кто вѣрно оцѣнилъ значеніе національной борьбы, разъѣдающей государственный организмъ современнаго Nationalitätenstaat'a, тотъ долженъ проникнуться сознаніемъ, что однимъ изъ необходимыхъ условій равновѣсія этого организма является разграниченіе сферъ дѣйствія борющихся національныхъ силъ. [2])

Подъ напоромъ центробѣжныхъ силъ, которыя стихійно выростаютъ въ Nationalitätenstaat'ѣ, мертвящій централизмъ, особенно пагубно отзывающійся на жизни и развитіи подчиненныхъ національностей, долженъ будетъ уступить свое мѣсто такой

---

[1]) Различіе между активнымъ и пассивнымъ цубличноправовымъ союзомъ см. Еллинекъ, Право современнаго государства. Переводъ подъ редакціей В. М. Гессена и Л. В. Шалланда. Спб. 1903, стр. 428.

[2]) Въ цѣляхъ анализа мы въ данномъ случаѣ абстрагировали отъ классовой борьбы пролетаріата, могучее вліяніе которой на развитіе формъ государственной жизни мы предполагаемъ, конечно, само собою разумѣющимся.

системѣ инстанцій, которая соотвѣтствуетъ жизненнымъ запросамъ и условіямъ нормальнаго развитія національныхъ отношеній. Специфическія нужды націи должны вѣдать національные сеймы, специфическія нужды, общія нѣсколькимъ національностямъ, живущимъ въ одной области—областные сеймы, а нужды, общія всѣмъ націямъ государства—общегосударственный парламентъ,— вотъ основной принципъ той реформы государственнаго устройства, наканунѣ которой находится Австрія, и до которой неизбѣжно должна дойти въ своемъ ближайшемъ политическомъ развитіи Россія.

Каждая нація должна быть ограждена отъ вторженія чужой воли въ ея внутреннюю жизнь, и въ основномъ государственномъ законѣ рядомъ съ droits de l'homme должны найти свое признаніе и droits de la nation. И лишь при этомъ условіи, лишь при наличности правовыхъ гарантій въ безпрепятственномъ распоряженіи каждой націи своими внутренними силами, пріобрѣтаетъ реальное и конкретное содержаніе фигурирующая во многихъ соціалистическихъ программахъ и скорѣе напоминающая парадную фразу, чѣмъ ясное и опредѣленное соціально-политическое требованіе, декларація „свободы національнаго самоопредѣленія."

II.

Національная и территоріальная автономіи и интересы еврейскаго пролетаріата.

Какъ же фактически воспользуются предоставленной имъ свободой самоопредѣленія націи, объединенныя въ современныхъ Nationalitätenstaat'ахъ? На какой путь направится ихъ коллективная организованная воля? Ведетъ ли всемірный историческій процессъ къ тому, чтобы каждая нація образовала свое особое государство, какъ это думаетъ, напримѣръ, Блюнчли [1]), или же современные Nationalitätenstaat'ы сохранятся въ видѣ федеративнаго союза автономно управляющихся національностей?

Мы думаемъ, что въ такой общей и категорической формѣ нельзя отвѣтить на этотъ вопросъ. Безъ сомнѣнія, что для многихъ слабыхъ національностей, находящихся въ зависимости отъ націй образующихъ большинство данной страны, національная автономія сыграетъ роль переходной ступени, этапнаго пункта по пути къ полному освобожденію, къ достиженію государственной независимости. Но мы все-таки должны избѣгать рискованныхъ обобщеній и, не довольствуясь установленной общей тенденціей къ государственному обособленію, которая съ логической послѣдовательностью проходитъ черезъ всю новѣйшую исторію національной борьбы, мы должны изучать конкретныя проявленія этой тенденціи въ жизни каждой отдѣльной зависимой національности; и въ каждомъ отдѣль-

[1]) См. его: „Das moderne Völkerrecht".

номъ случаѣ нашъ прогнозъ долженъ быть основанъ на измѣреніи той работы, которую придется выполнить центростремительнымъ силамъ, толкающимъ націю къ территоріальному объединенію, на взвѣшиваніи всѣхъ наличныхъ факторовъ, способствующихъ или задерживающихъ ростъ этихъ силъ. И заранѣе можно предвидѣть, что при полной свободѣ національнаго самоуправленія, которая откроетъ широкій просторъ развитію всѣхъ національныхъ силъ—явныхъ и потенціальныхъ,—выступятъ съ большей отчетливостью и ясностью внутреннія жизненныя тенденціи каждой націи и обнаружится объективная логика ея историческаго развитія.

Предъ нами стоитъ теперь вопросъ: въ какую сторону направится эволюція еврейской дѣйствительности, когда вскроются и развернутся всѣ потенціи еврейской національной жизни, что неизбѣжно наступитъ, когда еврейская нація въ странахъ діаспоры завоюетъ себѣ вмѣстѣ съ другими угнетенными націями національно-политическую автономію?

Общій отвѣтъ на этотъ вопросъ мы уже дали въ предшествующихъ главахъ. Мы тамъ показали, что эволюція еврейской жизни направится не въ сторону ассимиляціи и растворенія еврейскаго народа въ окружающемъ населеніи, — какъ это полагаютъ нѣкоторые, — а, наоборотъ, въ сторону интеграціи еврейскаго народнаго организма, въ сторону тѣснаго сплоченія отдѣльныхъ частей еврейской націи, разсѣянныхъ по всему свѣту. Мы показали, что еврейскій народъ подвергается и будетъ подвергаться національной эксплоатаціи и испытывать національный гнетъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ устранена основная причина этой эксплоатаціи—отсутствіе самостоятельныхъ, независимыхъ формъ національной жизни. Мы показали также, что норма національной эксплоатаціи еврейскаго народа имѣетъ тенденцію возрастать, поскольку она не парализуется нашей исторической панацеей — скитальчествомъ въ поискахъ за новыми сферами приложенія своей соціальной энергіи. Трудно предвидѣть, какія конкретныя формы приметъ въ отдаленномъ будущемъ національная эксплоатація въ различныхъ сферахъ еврейской жизни. Діалектика исторіи подвергаетъ безконечно - разнообразнымъ модификаціямъ конкретное содержаніе „еврейскаго вопроса“. Каждая окружающая евреевъ общественная среда, съ присущей ей соціальной структурой, каждая историческая эпоха, съ присущими ей соціальными антагонизмами, вкладываютъ свое особое содержаніе въ „еврейскій вопросъ“. Это обстоятельство вводитъ въ заблужденіе диллетантовъ, которыми такъ изобилуетъ литература еврейскаго вопроса: беря какое-нибудь отдѣльное проявленіе угнетенія еврейскаго народа и подвергая его анализу со стороны содержанія, они разлагаютъ его на цѣлый рядъ слагающихъ силъ, обусловленныхъ, въ свою очередь, преходящими индивидуальными причинами; такимъ образомъ предъ ними не оказывается никакого спеціальнаго остатка, который могъ бы быть отнесенъ на долю еврейскаго вопроса, какъ такового: за видимымъ разнообразіемъ эмпирическихъ фактовъ угнетенія и эксплоатаціи они не въ силахъ открыть ихъ закономѣрности, ихъ формальнаго единства.

Намъ предстоитъ теперь указать, какую роль должна сыграть національно-политическая автономія, какъ орудіе борьбы за національное освобожденіе еврейскаго народа, и, въ частности, какое значеніе она можетъ имѣть съ точки зрѣнія той особой позиціи, которую занимаетъ въ этой борьбѣ еврейскій пролетаріатъ. Каковы, слѣдовательно, будутъ тѣ соціальныя проблемы, которыя еврейская жизнь будетъ выдвигать и ставить предъ органами національнаго самоуправленія, и какова должна быть роль послѣднихъ въ рѣшеніи этихъ проблемъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы предварительно намѣтимъ въ общихъ чертахъ конкретное содержаніе „еврейскаго вопроса“ въ ближайшую историческую эпоху, т. е. укажемъ конкретныя проявленія національнаго гнета, которыя не перестанутъ тяготѣть надъ еврейскимъ народомъ и тогда, когда мы перешагнемъ историческій рубежъ, отдѣляющій современную Россію отъ Россіи демократической.

Общимъ фономъ политической жизни въ свободной Россіи, на которомъ будетъ совершаться дальнѣйшая національная эволюція еврейскаго народа, будетъ прогрессивное возрастаніе роли національнаго фактора въ общественной борьбѣ. Каутскій, говоря о западно-европейскихъ странахъ, утверждаетъ, что „національныя противорѣчія, надобно соціальнымъ, должны все болѣе обостряться“. [1]) Но мы уже показали въ предыдущей главѣ, что въ Россіи національная борьба захватитъ гораздо большую площадь и будетъ отличаться еще болѣе напряженнымъ и острымъ характеромъ, чѣмъ даже въ такомъ типичномъ Nationalitätenstaat'ѣ, какъ Австрія.

Уже теперь наряду со старыми національно-освободительными движеніями, какъ польское, армянское и т. п., россійская революція всколыхнула цѣлый рядъ другихъ небольшихъ народностей, менѣе культурныхъ, и породила рядъ новыхъ національно-революціонныхъ движеній, какъ латышское, эстонское, литовское, бѣлорусское, грузинское и т. д. Въ дальнѣйшемъ этотъ процессъ долженъ развиваться еще быстрѣй и сильнѣй. Освобожденныя отъ цѣпей вѣкового политическаго и національнаго рабства, на историческую арену выступятъ проснувшіяся къ сознательной общественной жизни многочисленныя національности со своимъ коллективнымъ творчествомъ, коллективной энергіей, и въ результатѣ этого притока свѣжихъ и бодрыхъ соціальныхъ силъ,—небывалый расцвѣтъ національныхъ культуръ, колоссальный ростъ общихъ прогрессивныхъ силъ страны и усиленный темпъ развитія политическаго могущества пролетаріата. Эта тенденція, сама по себѣ взятая, должна будетъ стать, съ одной стороны, національнизирующимъ факторомъ по отношенію къ еврейскому народу, а съ другой — обострить еще болѣе еврейскій вопросъ. Господствующіе классы различныхъ національностей, по мѣрѣ роста ихъ соціальныхъ аппетитовъ, будутъ вести между собой все болѣе ожесточенную борьбу за рынки, за политическую власть, за культурное преобладаніе.

---

[1]) См. его статью: „Кризисъ въ Австріи“.

Въ этой борьбѣ еврейская буржуазія, поскольку она живетъ въ мѣстностяхъ съ разноплеменнымъ составомъ, должна будетъ бороться на два фланга: съ растущей буржуазіей освобождающагося народа и съ буржуазіей господствующей національности; шансы ея борьбы будутъ уменьшаться ея принадлежностью къ народу, фатально обреченному на національную зависимость вслѣдствіе своей экстерриторіальности.

Интересы еврейскаго пролетаріата будутъ вдвойнѣ страдать въ этой борьбѣ противоположныхъ національныхъ интересовъ: наряду съ классовой эксплоатаціей онъ всегда будетъ представлять собой линію наименьшаго сопротивленія для эксплоатаціи національной. Но стремленіе къ національному освобожденію, пробуждающееся во всѣхъ угнетенныхъ націяхъ, будетъ, съ другой стороны, служитъ внѣшнимъ толчкомъ къ пробужденію его національнаго самосознанія, какъ мы наблюдаемъ это теперь въ Галиціи; оно будетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, давать еврейскому пролетаріату новыхъ союзниковъ въ его національной борьбѣ,—часть этихъ союзниковъ можетъ впослѣдствіи,— добившись извѣстной степени національной эмансипаціи, — измѣнить и превратиться въ угнетателей еврейскаго народа, зато другая часть — соціалистическій пролетаріатъ останется вѣрнымъ защитникомъ національной свободы.

Таковъ будетъ общій фонъ, на которомъ будетъ совершаться борьба еврейскаго пролетаріата за свое національное освобожденіе. Каковы же будутъ непосредственные импульсы этой борьбы въ ближайшую къ намъ эпоху?

Дѣйствовавшія на всемъ протяженіи еврейской исторіи въ діаспорѣ причины, въ силу которыхъ огромная часть соціальной энергіи еврейскаго народа поглощается непреодолимымъ сопротивленіемъ окружающей соціальной среды, не преминутъ оказывать свое вліяніе и на борьбу еврейскаго пролетаріата въ свободной Россіи. Несмотря на поднятіе общаго уровня и относительное обогащеніе еврейской національной жизни, соціальная структура еврейской націи со всѣми характерными для нея дефектами, если можно такъ выразиться—въ субстанціональномъ составѣ ея отдѣльныхъ частей и въ ихъ функціональной зависимости,—сохранитъ неизгладимые слѣды того дисгармоническаго развитія, на которое фатально обречена еврейская жизнь въ діаспорѣ.

Огромный, непомѣрно развитой классъ еврейской мелкой буржуазіи будетъ вырождаться подъ двойнымъ напоромъ: развитія капитализма и конкуренціи со стороны нарождающейся буржуазіи другихъ національностей. Эта конкуренція будетъ раздувать антисемитизмъ въ его старомъ очагѣ—среди мелкой буржуазіи. Антисемитизмъ и прочно-установившіяся традиціи будутъ сильно затруднять различнымъ слоямъ еврейской буржуазіи фактическое пользованіе всѣми соціальными привиллегіями, связанными съ ихъ принадлежностью къ господствующимъ классамъ. Элементы стараго еврейскаго безправія, имѣющаго за собой многовѣковую традицію, неизбѣжно должны въ той или иной формѣ сохраниться и послѣ отмѣны ограничительныхъ законовъ: всякаго

рода ограниченія, изгнанныя изъ сферы писанаго законодательства, будутъ устойчиво держаться въ обычномъ правѣ. Такимъ образомъ борьба за экономическое, политическое и культурное господство, которую ведетъ еврейская буржуазія съ нееврейской, будетъ происходить съ неравными шансами.

Чрезмѣрный наплывъ пролетаризирующихся массъ, обуславливаемый этимъ непропорціональный ростъ резервной рабочей арміи и Lumpenproletariat'a должны тяжелымъ бременемъ ложиться на еврейскій пролетаріатъ, ибо всѣ эти элементы явятся его непосредственными конкурентами на трудовомъ рынкѣ. Эти причины будутъ усиливать неустойчивость экономическихъ позицій еврейскаго пролетаріата, занятаго въ наиболѣе отсталыхъ отрасляхъ производства. Разность въ уровнѣ политическаго развитія еврейскаго пролетаріата и пролетаріата другихъ національностей, эксплоатируемая буржуазіей, будетъ создавать своеобразныя коллизіи, затрудняющія и осложняющія его классовую борьбу. Бѣдность національнаго языка, скудость самостоятельнаго національно-культурнаго творчества, при сравнительно высокомъ уровнѣ культурнаго развитія, органически-неизбѣжное многоязычіе, вносящее раздвоенность въ кругъ пріобрѣтенныхъ понятій, бѣгство значительной части интеллигенціи въ лагерь свободныхъ націй съ болѣе богатой культурой—всѣ эти причины будутъ дѣйствовать съ особенной силой въ первыхъ стадіяхъ новой эры въ культурномъ развитіи еврейскаго пролетаріата, создавая громадную непроизводительную трату его культурной энергіи.

Объ эти преграды будетъ разбиваться соціальная энергія еврейскаго пролетаріата въ его стремленіи подняться на соціальный уровень пролетаріата свободныхъ націй.

Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ всѣхъ этихъ аномалій нашей національной жизни явится массовая эмиграція, которая и съ количественной и съ качественной стороны носитъ у насъ ярко выраженный національный характеръ. Эмиграція постоянно будетъ барометромъ, показывающимъ высоту давленія, испытываемаго еврейской націей извнѣ. Въ ней объективируется неприспособленность еврейскаго народа къ тому соціальному укладу, въ которомъ онъ живетъ. Сравнительная легкость, съ которой мобилизуются широкія еврейскія массы для эмиграціи въ новые края съ самой чуждой и непривычной для нихъ соціальной обстановкой, ярко свидѣтельствуетъ о томъ, какіе сравнительно неглубокіе корни пустили эти массы въ окружающей ихъ соціальной средѣ. Изучая историческія условія еврейской эмиграціи, внутренней и внѣшней, получаешь представленіе о какомъ-то безпрерывномъ perpetuum mobile, въ которомъ еврейскія массы кочуютъ отъ одного еврейскаго поселенія къ другому, снова и снова выполняя Сизифову работу приспособленія къ новой соціальной средѣ. Здѣсь оправдываются слова Шопенгауера: „у евреевъ нѣтъ отечества,—отечество евреевъ это всѣ остальные евреи“...

Эмиграціонный вопросъ будетъ всегда стоять на ordre du jour еврейскихъ пролетарскихъ партій, независимо отъ временныхъ колебаній эмиграціонной волны въ ту или иную сторону. Высота

эмиграціонной волны можетъ измѣняться, можно предвидѣть даже болѣе или менѣе продолжительную пріостановку эмиграціи, но это, конечно, не можетъ измѣнить имманетнаго характера ненормальнаго развитія еврейской національной жизни въ діаспорѣ. Прекращеніе эмиграціи возможно въ такіе моменты, когда внѣшнія условія еврейской жизни приблизительно одинаковы въ странахъ эмиграціи и иммиграціи, но и въ такіе моменты подъ видимой гладкой поверхностью совершается невидимая работа сдавленныхъ силъ, которыя при сколько-нибудь значительномъ измѣненіи условій въ какой-либо странѣ поднимаютъ эмиграціонное движеніе, направляя его въ сторону наименьшаго сопротивленія. Въ нормальное время, когда окружающая жизнь течетъ по проторенному руслу, хроническіе недуги еврейскаго народа не проявляются во внѣ съ такой силой и рельефностью, и эмиграція не носитъ такого бурнаго и массоваго характера, но въ эпохи революціонныя, эпохи быстрой смѣны общественныхъ формъ каждая общественная деформація, каждое разрушеніе традиціоннныхъ формъ жизни глубоко задѣваетъ соціальный укладъ еврейскихъ массъ и нарушаетъ неустойчивое равновѣсіе его внутреннихъ силъ.

Таковъ именно современный темпъ соціальнаго развитія восточно-европейскихъ странъ, гдѣ живетъ теперь подавляющее большинство еврейскаго народа: Россіи, Румыніи, Галиціи. Экономическій строй этихъ странъ земледѣльческаго типа, находится въ ранне-капиталистической стадіи своего развитія и развивается „скачкообразно“, по выраженію Вл. Ильина. Понятно, что эти особенности экономическаго развитія должны вызывать особенно глубокія потрясенія въ экономическомъ быту еврейскаго народа, подавляющая часть котораго состоитъ изъ ремесленнаго пролетаріата, занятаго въ наиболѣе отсталыхъ отрасляхъ производства, и изъ мелкой буржуазіи, экономическія позиціи которой неустойчивы по самому своему существу. Для иллюстраціи этого положенія мы, наряду съ слишкомъ общеизвѣстными явленіями еврейской эмиграціи изъ одной страны въ другую, укажемъ на такія симптоматическія явленія, какъ внутренняя эмиграція въ чертѣ осѣдлости, совершающаяся по направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ, на положеніе еврейскаго пролетаріата въ галиційскихъ рудникахъ, на необычайно быстрое вырожденіе еврейской мелкой буржуазіи въ галиційскихъ деревняхъ по мѣрѣ развитія крестьянскихъ потребительныхъ и производительныхъ товариществъ.

Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, слишкомъ достаточны для того, чтобы предсказать, что въ теченіе многихъ десятилѣтій массовая эмиграція будетъ хроническимъ недугомъ еврейскаго народа.

Таково будетъ конкретное содержаніе „еврейскаго вопроса“ въ тотъ историческій моментъ, когда совмѣстная борьба угнетенныхъ національностей Россіи подъ гегемоніей пролетаріата приведетъ къ той степени національной эмансипаціи, при которой рос-

сійское государство должно будетъ быть преобразовано въ федеративный союзъ самоуправляющихся національностей.

Опредѣливъ это содержаніе, намъ нетрудно теперь указать, какія именно проблемы станутъ въ первую очередь на ordre du jour еврейскаго національнаго сейма, и почему именно эти проблемы не могутъ быть разрѣшены ни филантропическими союзами „національной самопомощи", ни общегосударственными законодательными учрежденіями, общія рѣшенія которыхъ не покрываютъ интересовъ атомистическихъ группъ еврейскаго населенія въ ихъ индивидуальномъ своеобразіи.

Въ ряду экономическихъ задачъ, выдвигаемыхъ еврейской дѣйствительностью, первое мѣсто займетъ, конечно, *эмиграціонная проблема.* Интересы еврейскихъ эмигрантовъ органически связаны съ интересами осѣдлыхъ еврейскихъ массъ: въ огромномъ большинствѣ случаевъ эмигрирующіе оставляютъ на родинѣ семьи, частью которыхъ они являются и которымъ они оказываютъ матеріальную поддержку. Съ другой стороны, эмигранты въ теченіе многихъ лѣтъ платятъ налоги и несутъ на себѣ другія повинности, содѣйствуя этимъ благосостоянію тѣхъ государствъ, откуда они эмигрируютъ. Это даетъ имъ право на поддержку со стороны государства. Между тѣмъ, нѣтъ существа болѣе безпомощнаго и болѣе предоставленнаго своимъ собственнымъ силамъ, чѣмъ еврейскій эмигрантъ. Съ нимъ могутъ сравниться въ этомъ отношеніи развѣ лишь китайскіе кули, эмигрирующіе въ Америку. Эмиграціонный вопросъ обладаетъ еще той важной особенностью, что онъ универсаленъ для всѣхъ частей еврейской націи, разсѣянныхъ въ различныхъ странахъ: въ немъ сплетаются интересы, какъ русскихъ, такъ и австрійскихъ, румынскихъ, американскихъ и прочихъ евреевъ. Этимъ объясняется, почему еврейская буржуазія создаетъ въ такомъ изобиліи различнѣйшія филантропическія общества, стремящіяся „урегулировать" эмиграцію при помощи денежныхъ субсидій и информативныхъ указаній. Безсиліе этихъ обществъ и жалкая палліативность ихъ дѣятельности слишкомъ хорошо извѣстны. Историческіе пути еврейскаго пролетаріата не лежатъ черезъ буржуазную филантропію!

Первоначально эмиграціонная проблема будетъ стоять предъ лицомъ еврейскаго національнаго сейма,—какъ и предъ всякими другими органами еврейскаго національнаго самоуправленія во всѣхъ другихъ странахъ, гдѣ они могутъ возникнуть,—въ смыслѣ восходовскаго „урегулированія эмиграціи". Мы будемъ, разумѣется, отстаивать территоріалистическое рѣшеніе этого вопроса, какъ единственно-цѣлесообразное. Въ таковомъ рѣшеніи этой проблемы мы усматриваемъ путь не только къ рѣшенію эмиграціоннаго вопроса, какъ текущей проблемы еврейской дѣйствительности, но и путь къ рѣшенію всей еврейской національной проблемы, т. е. къ созданію автономнаго еврейскаго общества. Здѣсь лежитъ грань, отдѣляющая насъ отъ другихъ территоріалистическихъ теченій, пролетарскихъ и буржуазныхъ. Такъ какъ вопросъ этотъ имѣетъ самостоятельное и кардинальное значеніе, то мы подвергнемъ его особому разсмотрѣнію. Покамѣстъ мы отмѣтимъ, что самая поста-

новка эмиграціонной проблемы предъ лицомъ національнаго сейма будетъ имѣть громаднѣйшее значеніе въ борьбѣ за территоріализмъ.

Вторая задача, которую придется разрѣшить національному сейму, есть широчайшее развитіе *профессіональнаго образованія* среди еврейскаго пролетаріата. Еврейскій пролетаріатъ въ подавляющемъ большинствѣ есть пролетаріатъ ремесленный. Жалкое состояніе еврейскаго ремесла, въ которомъ преобладаютъ самыя отсталыя и неразвитыя формы, общеизвѣстно. Прогрессивное развитіе производительныхъ силъ Россіи должно улучшить внѣшнія условія развитія еврейскаго ремесла и до извѣстной степени капитализировать его. Не дожидаясь этого внѣшняго и независимаго отъ нашей воли результата, мы должны лучше вооружить еврейскій пролетаріатъ въ его экономической борьбѣ. Лучшимъ средствомъ для этого является хорошая профессіональная подготовка.

Далѣе еврейскому національному сейму придется взять на себя разрѣшеніе цѣлаго ряда *культурно-хозяйственныхъ* задачъ, являвшихся до сихъ поръ объектомъ частной иниціативы.

Особенности соціальнаго уклада еврейскихъ народныхъ массъ всегда создавали у нихъ цѣлый рядъ своеобразныхъ культурно-бытовыхъ потребностей, удовлетворявшихся еврейской самодѣятельностью безъ какого бы то ни было содѣйствія государственныхъ органовъ. Такимъ образомъ въ каждой еврейской общинѣ создалась цѣлая сѣть учрежденій такого рода: больницъ, учрежденій общественнаго призрѣнія—инвалидныхъ и сиротскихъ домовъ, дешевыхъ столовыхъ и т. д. Вмѣстѣ съ школами и синагогами эти учрежденія составляютъ содержаніе довольно-сложной культурно-хозяйственной дѣятельности традиціонной еврейской общины [1]). Въ этой дѣятельности есть несомнѣнно очень много традиціонныхъ элементовъ, которые быстро исчезнутъ съ исчезновеніемъ граждан-

---

[1]) На почвѣ этой своеобразной самодѣятельности, обусловленной помимо внутреннихъ потребностей еврейской массы еще и искусственной изолированностью отъ окружающей соціальной среды, выросъ когда-то „кагалъ", невольно приходящій намъ на память теперь, когда еврейская жизнь выдвинула новые, небывало-широкіе запросы въ области національнаго самоуправленія.—Кагалъ былъ оригинальнѣйшимъ продуктомъ еврейскаго общиннаго самоуправленія, облеченнымъ чрезвычайно широкими полномочіями. Проф. С. А. Бершадскій въ своей книгѣ—„Къ вопросу о чертѣ осѣдлости", говоритъ о кагалѣ слѣдующее: „Кагалъ былъ юридическимъ лицомъ, имѣвшимъ право вступать въ договоры и обязательства подъ круговой порукой всѣхъ своихъ членовъ"... „Съ начала XVI вѣка кагальные старшины получили право производить раскладки и взимать слѣдуемые съ евреевъ подати"... „Общинное еврейское правленіе было выборнымъ; общинныя власти находились *юридически* подъ контролемъ своихъ избирателей"... (Ср. также Ю. И. Гессена: „Изъ исторіи еврейскаго общиннаго самоуправленія въ Россіи",—„Восходъ", 1905 г.).—Въ рукахъ русскаго правительства кагалъ былъ прекраснымъ средствомъ выколачиванія двойныхъ податей съ еврейскаго населенія, а въ рукахъ зажиточныхъ классовъ еврейскаго населенія—орудіемъ эксплоатаціи бѣднѣйшаго населенія путемъ несправедливыхъ раскладокъ податей и т. д. Вотъ почему бѣднѣйшіе классы еврейскаго населенія безпрестанно хлопотали объ отмѣнѣ кагала и стремились стать въ непосредственное отношеніе къ государственной власти. (См. Бершадскаго)—Символъ еврейскаго рабства и безправія—кагалъ, по прихотливой игрѣ исторіи, превратится теперь, съ реализаціей національно-политической автономіи, въ свою, такъ сказать, діалектическую противоположность: онъ станетъ вѣнцомъ мыслимой для евреевъ въ діаспорѣ національной свободы и равноправія.

скаго безправія евреевъ и съ поднятіемъ общаго культурнаго уровня еврейской общины, но не исчезнутъ тѣ потребности, которыми вызвана къ жизни эта дѣятельность, и,—находясь въ зависимости отъ конкретныхъ особенностей еврейской среды,—онѣ въ этой же средѣ будутъ искать своего удовлетворенія. Намъ надлежитъ такимъ образомъ выдѣлить здоровое зерно изъ всего комплекса наличныхъ культурно-хозяйственныхъ потребностей, подлежащихъ теперь вѣдѣнію буржуазныхъ филантропическихъ обществъ, и передать завѣдываніе соотвѣтствующими общественными функціями еврейскимъ національно-государственнымъ институтамъ.

Нетрудно предвидѣть, что на этой почвѣ намъ придется вести упорную борьбу съ культурными пережитками традиціоннаго еврейства, съ одной стороны, и съ либеральной еврейской буржуазіей—съ другой. Тѣ, напримѣръ, принципы государственной организаціи общественнаго призрѣнія, которые мы будемъ отстаивать, несомнѣнно пойдутъ, въ разрѣзъ со всѣми вожделѣніями еврейской буржуазіи. Намъ придется также бороться и съ тѣмъ или инымъ реакціоннымъ содержаніемъ, которое буржуазія будетъ стремиться включить въ кругъ дѣятельности еврейскаго національнаго сейма. Такъ напримѣръ, въ ряду современныхъ культурно-хозяйственныхъ потребностей широкихъ массъ буржуазнаго еврейства видное мѣсто занимаетъ организація синагогальнаго дѣла. Несомнѣнно, что и въ будущемъ многочисленные элементы будутъ требовать [1]) включенія этого дѣла въ кругъ функцій еврейской автономіи. Въ сознаніи широкихъ массъ еврейства понятіе еврейской религіи еще тѣсно срастается съ понятіемъ національности, и на этой почвѣ намъ еще предстоитъ вести борьбу. Вмѣсто принципа отдѣленія церкви отъ государства, не имѣющаго никакого значенія въ еврейской средѣ, намъ придется выставить аналогичный принципъ—*отдѣленія религіи отъ національности.* Борьба за этотъ принципъ должна сыграть извѣстную роль для проясненія классоваго и національнаго самосознанія широкихъ еврейскихъ массъ, не успѣвшихъ еще освободиться отъ путъ традиціоннаго міросозерцанія.

Огромное мѣсто въ дѣятельности еврейскаго національнаго сейма должно занять регулированіе еврейской *культурной жизни* въ спеціальномъ значеніи этого слова, т. е. школьнаго дѣла, вспомогательныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, еврейскаго искусства и т. д.

Въ этой сферѣ для еврейскаго пролетаріата особенно жизненное значеніе имѣетъ правильная постановка школьнаго дѣла и,

1) Для примѣра укажемъ хотя бы на статьи г. Ф. Геца, мнѣнія котораго „не во всемъ раздѣляетъ" редакція „Восхода". Авторъ этихъ статей, ссылаясь на примѣръ австрійскихъ и германскихъ евреевъ, отстаиваетъ даже необходимость *консисторіальной* организаціи русскаго еврейства. Такая организація является, по его мнѣнію, единственно возможнымъ и необходимымъ для насъ типомъ общинной организаціи.—Г. Гецъ, очевидно, и не подозрѣваетъ, что его ссылки на западно-европейскихъ евреевъ должны возымѣть на освѣдомленнаго читателя какъ разъ обратное дѣйствіе. (См. его ст.: „Организація еврейской общины", —„Книжки Восхода," 4—6, 1905 г.)

прежде всего, конечно, низшей народной школы. По даннымъ „Сборника матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи“ въ неорганизованныхъ еврейскихъ училищахъ (хедерахъ) обучается теперь около 363.000 еврейскихъ дѣтей, въ организованныхъ еврейскихъ же училищахъ—44.938, а въ общихъ училищахъ—20.000. Такимъ образомъ изъ 428.000 еврейскихъ дѣтей обучающихся въ школахъ, организованныхъ и неорганизованныхъ,—408.000, т. е. 95, 4% обучаются въ еврейской народной школѣ, и лишь 20.000, т. е. 4, 6%—въ общей. [1]) Если прибавить къ этому огромное, по даннымъ „Сборника“, количество дѣтей школьнаго возраста, остающихся за бортомъ всякой школы,—большая часть которыхъ приходится, конечно, на долю бѣднѣйшаго населенія,—то намъ станетъ ясно, какую колоссальную роль играетъ еврейская народная школа въ просвѣщеніи и культурномъ развитіи подавляющаго большинства еврейскаго народа. Роль общей школы по сравненію съ еврейской, въ жизни широкихъ народныхъ массъ, можно сказать, ничтожна. Въ общихъ элементарныхъ школахъ обучаются, главнымъ образомъ, дѣти средней еврейской буржуазіи. Только этимъ и можно себѣ объяснить то обстоятельство, что наша народная школа и языкъ преподаванія этой школы—жаргонъ находились, да отчасти еще и теперь находятся, въ такомъ пренебреженіи въ широкихъ слояхъ буржуазной еврейской интеллигенціи, такъ пессимистически относящихся къ ихъ судьбѣ.

Для содержанія такой массы училищъ, при почти поголовной грамотности еврейскаго населенія, послѣднему приходится, конечно, затрачивать большой запасъ денежныхъ средствъ и общественой энергіи. Между тѣмъ, россійское государство почти не приходитъ при этомъ на помощь еврейскому населенію, которому приходится, вслѣдствіе этого, подвергать себя добровольному самообложенію, отнюдь не уменьшая этимъ бремени своихъ общегосударственныхъ налоговъ. Здѣсь проявляется одинъ изъ многочисленныхъ видовъ эксплоатаціи, которой современное россійское государство подвергаетъ евреевъ.

Какими примитивными способами удовлетворяется столь сильная у еврейской массы потребность въ образованіи—мы говорить не станемъ: внѣшняя обстановка и способы преподаванія еврейскаго хедера слишкомъ общеизвѣстны. Результаты этого сказываются не только въ пониженіи культурнаго уровня и въ физическомъ вырожденіи еврейской массы, но и въ сферѣ ея экономической борьбы; корреспонденты цитируемаго нами „Сборника“ многократно указываютъ на чрезвычайно-пагубное вліяніе, которое оказываетъ культурная неразвитость и малограмотность еврейскихъ массъ въ ихъ тяжелой борьбѣ за приспособленіе къ вѣчно мѣняющимся для нихъ формамъ и условіямъ экономической жизни[2]).

Каковы же должны быть наши требованія въ сферѣ культурной жизни?

[1]) См. „Сборникъ матеріаловъ объ экономич. положеніи евреевъ въ Россіи,“ т. II, Отдѣлъ VI. Образованіе.

[2]) Ibid стр. 283-

Исходя изъ нашего общедемократическаго принципа, мы потребуемъ, конечно, прежде всего, перехода нашихъ народныхъ школъ въ вѣдѣніе государства и введенія всеобщаго и безплатнаго образованія. Такъ какъ образовательныя учрежденія, по существу своему, могутъ касаться лишь той или иной національности, то они должны перейти въ вѣдѣніе національныхъ сеймовъ. Для еврейскаго народа,—отождествляя его интересы съ интересами его подавляющаго большинства,—не должно, конечно, быть сдѣлано исключенія. Осуществивъ эти два требованія, предъявляемыя нами къ россійскому государству въ цѣломъ, мы далѣе будемъ бороться за демократизацію и соціализацію еврейской школы уже въ рамкахъ еврейскихъ учрежденій, центральныхъ и мѣстныхъ. Мы постараемся изъять еврейскую школу изъ подъ опеки буржуазіи и будемъ стремиться, чтобы народная школа перестала быть „школой для бѣдныхъ", каковой она является, по мѣткому выраженію Клары Цеткинъ, даже въ современной Германіи. Народная школа должна будетъ также завершить развитіе жаргона и пріобщеніе его къ семьѣ культурныхъ языковъ, начавшееся безо всякаго внѣшняго воздѣйствія, въ самомъ процессѣ развитія классоваго и національнаго самосознанія и революціонной активности еврейскаго пролетаріата.— Можно-ли сомнѣваться, что культурная мощь еврейскаго народа,—этого старѣйшаго изъ цивилизованныхъ народовъ,—создастъ новыя культурныя цѣнности и вызоветъ пышный культурный расцвѣтъ, если она будетъ поставлена въ новыя, болѣе благопріятныя условія своего проявленія и освобождена отъ внѣшнихъ искусственныхъ преградъ, которыя ей теперь ставятся?

Всѣмъ вышеизложеннымъ мы иллюстрировали возможное содержаніе еврейской національно-политической автономіи и дѣятельность еврейскаго національнаго сейма, поскольку они опредѣляются *даннымъ историческимъ моментомъ* и современнымъ положеніемъ еврейскихъ массъ.

Выполненіе всѣхъ этихъ функцій потребуетъ, конечно, созданія особыхъ государственныхъ органовъ и особыхъ налоговъ, собираніемъ и раскладкой которыхъ долженъ будетъ заняться національный сеймъ. И на этой почвѣ намъ придется, конечно, бороться съ буржуазіей за принципъ прогрессивнаго подоходнаго налога.

Кромѣ этой, положительной національно-государственной работы національнымъ сеймамъ придется выступать въ качествѣ регулятора междунаціональныхъ отношеній при всякаго рода случайныхъ столкновеніяхъ между національностями. Еврейскому сейму, вѣроятно, будетъ особенно много дѣла въ этомъ отношеніи, такъ какъ многовѣковая традиція еврейскаго безправія еще долго будетъ затруднять евреямъ фактическое пользованіе благами гражданской и національной эмансипаціи.

Дать теперь полный и детально-разработанный проектъ дѣятельности еврейскаго національнаго сейма въ формѣ парламентскаго законопроекта—совершенно невозможно, да и излишне

Прежде всего, этому препятствуетъ современное политическое положеніе: теперь, въ моментъ величайшаго напряженія нашей революціонной энергіи, наше вниманіе всецѣло обращено на разрушеніе старыхъ политическихъ формъ, и, пока не закончена эта предварительная работа, у насъ не можетъ быть достаточнаго матеріала для положительнаго государственнаго творчества,—мы можемъ формулировать лишь общіе принципы, очерчивать общіе контуры будущихъ политическихъ формъ. Во-вторыхъ, это затрудняется тѣми исторически-сложившимися отношеніями, въ которыхъ находится еврейскій пролетаріатъ въ полицейско-бюрократическомъ государствѣ. Современное государство — это орудіе классоваго господства дворянства и буржуазіи — по отношенію къ еврейскому пролетаріату выступаетъ и какъ орудіе угнетенія національнаго. Еврей, какъ отдѣльный гражданинъ, и еврейская нація, какъ цѣлое, исторически мыслились, какъ существа безправныя. Поэтому, по отношенію къ еврейской націи, какъ таковой, труднѣе, чѣмъ по отношенію къ какой-либо другой соціальной группѣ, опредѣлить положительныя функціи государства.

Яркимъ подтвержденіемъ этому положенію служитъ статистическая необслѣдованность еврейскаго народа. Всякой положительной государственной реформѣ предшествуетъ статистическое изслѣдованіе данной отрасли государственнаго хозяйства, служащее необходимымъ подготовительнымъ матеріаломъ для реформы. Между тѣмъ, статистическое изслѣдованіе еврейскаго народа находится въ самомъ примитивномъ состояніи. Въ Россіи, благодаря земской и центральной статистикѣ, соціальный и экономическій бытъ любой группы населенія обслѣдованъ лучше, чѣмъ бытъ еврейскаго народа, относительно котораго существуютъ лишь частныя добровольческія изслѣдованія, сомнительной научной цѣнности. Аналогичное явленіе существуетъ даже въ Австріи, по винѣ опять-таки національнаго безправія евреевъ: государственная статистика считаетъ ихъ Religionsgrupe, и поэтому непосредственныхъ данныхъ о рождаемости, смертности, доходности, профессіяхъ евреевъ не имѣется. Еврейская статистика требуетъ, конечно, особыхъ методовъ и пріемовъ, такъ какъ для нея приходится постоянно выдѣлять одну категорію цифръ и данныхъ изъ другихъ, органически связанныхъ съ нею, болѣе общихъ категорій.

Одной изъ ближайшихъ спеціальныхъ задачъ еврейскаго сейма будетъ, поэтому,—выразить въ ясныхъ и опредѣленныхъ политическихъ понятіяхъ, съ точными статистическими иллюстраціями въ рукахъ, конкретныя особенности національнаго положенія еврейскаго народа и вытекающія изъ нихъ политическія задачи. Лишь тогда можно будетъ вполнѣ конкретизировать функціи еврейскаго національнаго сейма, и откроется эра положительной національно-государственной работы, въ которой еврейскій пролетаріатъ сумѣетъ отстаивать свои ближайшіе интересы и конечныя цѣли.

Мы развили здѣсь всѣ положительныя требованія нашей національной программы-минимумъ. Нетрудно предвидѣть, какимъ

огромнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ національной эмансипаціи еврейскаго народа явится реализація этихъ требованій; нетрудно также предвидѣть, какой могучій толчокъ дастъ она еврейскому національному возрожденію. Эти слѣдствія, сами по себѣ, должны рано или поздно, обезпечить нашей программѣ сочувствіе всего сознательнаго еврейскаго пролетаріата, какъ историческаго носителя еврейскаго національно-освободительнаго движенія. Но помимо того намъ необходимо отмѣтить нѣкоторые частные результаты завоеванія національно-политической автономіи, существенно-важные для классовыхъ интересовъ еврейскаго пролетаріата.

Изъятіе изъ вѣдѣнія общегосударственнаго парламента всѣхъ исключительныхъ интересовъ отдѣльныхъ націй, защита которыхъ (интересовъ) могла бы потребовать образованія постояннаго блока изъ пролетарской и буржуазныхъ партій то одной, то другой націи, должна имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что партійныя группировки въ парламентѣ будутъ совершаться по классовому принципу. Здѣсь должна разгорѣться борьба между объединенной партіей пролетаріата всѣхъ націй Россіи и всѣми буржуазными партіями, которыя не преминутъ, конечно, въ различные моменты объединяться на почвѣ борьбы съ пролетаріатомъ. Съ другой стороны, и въ національныхъ сеймахъ пролетаріатъ каждой національности будетъ вести борьбу со своей буржуазіей за культурное преобладаніе, за утилизацію національныхъ фондовъ, демократизацію общественныхъ учрежденій и т. д.

Такое разграниченіе сферъ компетенціи государства и различныхъ національностей должно отразиться на всемъ ходѣ развитія классовой борьбы россійскаго пролетаріата. Въ самомъ дѣлѣ, въ политической жизни Россіи, какъ мы уже указывали, національная проблема должна встать въ чрезвычайно острой формѣ. Въ Россіи моментъ начала національно-освободительныхъ движеній совпадаетъ съ моментомъ разгара борьбы за демократическій строй и выступленіемъ пролетаріата на историческую арену. Это само по себѣ придастъ болѣе острый характеръ національной борьбѣ: глубина и разнообразіе тѣхъ соціальныхъ антагонизмовъ, которые раздираютъ теперь на части чудовищный организмъ Россіи и разрушаютъ ея вѣками установленный соціальный укладъ, должны сообщить болѣе напряженный характеръ и борьбѣ, происходящей по линіи національныхъ дѣленій. Національная борьба задѣваетъ у насъ основные, существеннѣйшіе интересы различныхъ общественныхъ группъ, отличающихся къ тому же поражающими различіями въ степеняхъ своего культурнаго развитія. Легко себѣ, такимъ образомъ, представить, какія осложненія будетъ вносить борьба національностей въ тотъ хаосъ причудливо переплетающихся интересовъ и исключающихъ другъ друга соціальныхъ антагонизмовъ, который представитъ собой политическая жизнь демократической Россіи. А при такихъ условіяхъ національная борьба создастъ тѣ же аномаліи и такъ же замедлитъ темпъ развитія соціалистическаго движенія, какъ это наблюдается теперь въ Австріи. Слѣдовательно, національно-поли-

тическая автономія не является лишь вопросомъ соціальной справедливости по отношенію къ той или иной угнетенной національности: она представляетъ собой существенный интересъ классовой борьбы всего россійскаго пролетаріата въ цѣломъ.

Національно-политическая автономія ослабитъ—поскольку это вообще можетъ сдѣлать какая бы то ни было политическая реформа—значеніе національнаго фактора, какъ тормаза классовой борьбы, и дастъ возможность россійскому пролетаріату развить свою классовую борьбу по всей линіи общественныхъ интересовъ.

Для еврейскаго пролетаріата, съ этой точки зрѣнія, автономія пріобрѣтаетъ и еще одно спеціальное значеніе: она создастъ единственную политическую трибуну, гдѣ еврейскій пролетаріатъ будетъ *непосредственно* противостоять еврейской буржуазіи. Его классовая борьба съ послѣдней станетъ, поэтому, болѣе централизованной и, слѣдовательно, цѣлесообразной и плодотворной.

Но значеніе нашей національной программы не исчерпывается, конечно, ея ближайшими послѣдствіями: мы разсматриваемъ ее, какъ исторически-необходимый этапъ въ нашей національной эволюціи, и отводимъ ей, поэтому, служебную роль при реализаціи нашего конечнаго національнаго идеала. Въ этомъ состоитъ второй пунктъ глубокаго принципіальнаго отличія нашей національной программы отъ программы Бунда: первый пунктъ касается, какъ мы уже указывали, того содержанія, которое мы вкладываемъ въ понятіе національной автономіи. Національная эволюція еврейскаго народа, согласно тому анализу и оцѣнкѣ, который мы даемъ ея положительнымъ и отрицательнымъ факторамъ, должна съ логической и исторической неизбѣжностью привести къ полному освобожденію еврейскаго народа отъ путъ національнаго рабства. Въ какомъ же отношеніи стоитъ національно-политическая автономія къ идеалу автономнаго еврейскаго общества?

Здѣсь мы позволимъ себѣ нѣкоторое отвлеченіе въ сторону нашихъ идейныхъ противниковъ, для болѣе полнаго принципіальнаго выясненія нашей программы.

Поставленный нами вопросъ покажется, конечно, совершенно празднымъ бундовскимъ теоретикамъ. Они отнюдь не отрицаютъ, что національная автономія является, въ сущности, однимъ изъ „палліативовъ, *временно* (курсивъ нашъ) облегчающихъ существованіе пролетаріата," и рѣшительно избѣгаютъ „выставленія нашей національной программы, какъ нѣкоей всеобщей и магической панацеи, начисто и безъ остатка очищающей міръ отъ національныхъ распрей." [1]) Но когда здѣсь естественно возникаетъ вопросъ, гдѣ же тотъ историческій путь, на которомъ лежитъ *радикальное* рѣшеніе національнаго вопроса, какъ такового, вообще и еврейскаго въ частности,—бундовскіе теоретики предусмотрительно покидаютъ кругъ этихъ вопросовъ посредствомъ своего пресловутаго ignoramus, прикрывая свое отступленіе туманными и сбив-

[1]) См. „Соціальдемократія и національный вопросъ", Вѣстникъ Бунда" № 5.

чивыми фразами вродѣ: „мы—не націоналисты", „мы—не ассимиляторы", „мы нейтральны" [1]) и т. д.

Конечно, поскольку Бундъ отстаиваетъ опредѣленныя національныя требованія,—сущность которыхъ, къ тому же, сводится къ созданію спеціальныхъ *государственныхъ* гарантій національныхъ правъ со всѣми присущими государственнымъ институтамъ прерогативами принудительной власти,—его нейтральность скорѣе напоминаетъ „вооруженный нейтралитетъ". Бундъ нейтраленъ лишь по отношенію къ національной программѣ-максимумъ, а отнюдь не по отношенію къ минимальной національной программѣ. Но это именно и характерно для оппортунистовъ всѣхъ родовъ и оттѣнковъ, что требованія ближайшаго историческаго момента, реформы имѣющія палліативный характеръ, заслоняютъ предъ ними историческія задачи, вытекающія изъ постановки опредѣленнаго обшественнаго идеала.

Въ логическомъ соотвѣтствіи съ бундовскимъ оппортунизмомъ находится его общая теоретическая предпосылка, что въ національномъ вопросѣ соціальдемократія ставитъ себѣ чисто-отрицательныя задачи, и вся ея дѣятельность въ этой сферѣ общественныхъ отношеній преслѣдуетъ „единственную цѣль парализовать испытываемый націями гнетъ". [2]) Все это подраздѣленіе различныхъ рѣшеній національнаго вопроса на „отрицательныя" и „положительныя" отличается чрезвычайной искусственностью и основано, по нашему мнѣнію, на сплошномъ недоразумѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ еще образомъ можно реализовать „единственную цѣль" бундовской національной политики—уничтоженіе національнаго гнета—какъ не установленіемъ національнаго равенства? А какъ еще можно установить національное равенство, если не созданіемъ тѣхъ объективныхъ положительныхъ условій, при которыхъ каждая нація сможетъ самостоятельно распоряжаться своими внутренними силами и, слѣдовательно, автономно рѣшать всѣ свои соціальныя проблемы? Вся разница между нами и Бундомъ лишь въ томъ, какъ далеко идутъ наши требованія въ этомъ отношеніи.

Но именно поэтому мы глубоко убѣждены, что еврейскій пролетаріатъ, рано или поздно отвергнетъ національную программу Бунда, ибо это означало бы для него остановиться на полпути въ своемъ историческомъ развитіи. Соціалистическій пролетаріатъ, какъ могучій и сознательно дѣйствующій факторъ общественнаго прогресса, ставитъ себѣ въ національномъ вопросѣ, какъ и во всѣхъ другихъ кардинальныхъ проблемахъ соціальнаго развитія, лишь такія цѣли и идеалы, которые полны глубоко-революціоннымъ соціальнымъ содержаніемъ. Призванный обновить міръ, онъ и въ національномъ вопросѣ не остановится на полумѣрахъ и палліативныхъ реформахъ, а будетъ бороться до конца со всѣми проявленіями національнаго гнета и эксплоатаціи.

Національный идеалъ, все настойчивѣе и энергичнѣе выдвигаемый пролетаріатомъ угнетенныхъ націй, не есть результатъ

[1]) См. ту же статью, „Вѣстникъ Бунда", № 4.
[2]) Ibid.

какой-нибудь „злонамѣренной“ національстической агитаціи: онъ выросъ изъ конкретныхъ жизненныхъ потребностей, обусловленныхъ всѣмъ ходомъ его соціальнаго развитія, и является, поэтому, интегральной частью соціализма. И этотъ идеалъ—идеалъ неотъемлемой и нерушимой національной свободы—долженъ служить регулятивнымъ принципомъ реальной національной политики пролетаріата, масштабомъ для оцѣнки той или иной реформы, требованіе которой включено въ его программу-минимумъ, и которая лежитъ по пути къ его національному идеалу. Этотъ масштабъ мы должны приложить и къ нашимъ національнымъ требованіямъ, чтобы опредѣлить степень заинтересованности въ нихъ еврейскаго пролетаріата.

Свой историческій національный идеалъ—идеалъ органически вырастающій изо всего прошлаго и настоящаго еврейскаго народа, —еврейскій пролетаріатъ въ своей наиболѣе сознательной части нашелъ тамъ, гдѣ лежитъ логическій и историческій генезисъ еврейской трагедіи,—въ созданіи автономнаго еврейскаго общества. При всемъ разнообразіи конкретнаго содержанія еврейскаго вопроса въ различныхъ странахъ историческая дѣйствительность повсюду, гдѣ евреи живутъ значительными массами, неумолимо толкаетъ еврейскую національную мысль и волю, въ ея наиболѣе послѣдовательныхъ и революціонныхъ проявленіяхъ, въ сторону этого идеала. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ пролетарскихъ и буржуазныхъ теченій, одинаково съ нами формулирующихъ національный идеалъ, но съ которыми мы рѣзко расходимся въ опредѣленіи историческихъ путей, ведущихъ къ его реализаціи.

За выполненіе гигантской исторической задачи организаціи еврейскаго автономнаго общества взялась извѣстная часть еврейской буржуазіи, объединившаяся подъ флагами территоріализма и сіонизма. Но, какъ и слѣдовало ожидать, она вскорѣ обнаружила свою общественную несостоятельность въ этой исторической роли. Написавши на своемъ знамени идеалъ еврейскаго національнаго государства, сіонистическая буржуазія, благодаря дряблости своей политической воли и убожеству политическаго творчества, не сумѣла создать такой организаціи, которая была бы въ состояніи вызвать и реализовать всѣ, могущія вести къ намѣченной цѣли силы, какъ въ еврейской жизни, такъ и въ жизни окружающихъ народовъ. Сіонистическая буржуазія не сумѣла постичь внутренней логики историческаго процесса, ведущаго къ реализаціи нашего національнаго идеала. Она не поняла, что сущность этого процесса состоитъ въ глубоко-революціонной, по своему соціальному содержанію, національной борьбѣ за наши повседневные интересы—борьбѣ, вызывающей необходимость сплоченія національныхъ силъ и ведущей такимъ образомъ къ интеграціи нашего народнаго организма, логическимъ завершеніемъ которой явится еврейское автономное общество. И это непониманіе *историческихъ путей*, ведущихъ къ реализаціи нашего національнаго идеала, помѣшало ей открыть по линіи историческаго развитія и тѣ *техническія средства*, которыя единственно соотвѣтствуютъ намѣченной цѣли.

Въ основу своей политики сіонистская буржуазія положила выраженный когда-то Максомъ Нордау принципъ: do ut des. Но, владѣя такими жалкими средствами, какъ мизерные капиталы Колоніальнаго Банка и національнаго фонда, составленные изъ всякаго рода пожертвованій, сіонистская буржуазія не только давать, но и брать ничего не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, сіонистская организація нигдѣ не является юридическимъ лицомъ, и для веденія своей soi-disant „колоніальной политики" она должна была создать подставное лицо въ видѣ колоніальнаго банка, оперирующаго подъ англійскимъ флагомъ. При такой фактической безпомощности и фиктивности находящихся въ ея распоряженіи политическихъ и матеріальныхъ средствъ дѣятельность сіонистской организаціи живо напоминаетъ извѣстную французскую поговорку: „à l' ombre de brosse frotter l' ombre de carosse" (тѣнью щетки чистить тѣнь кареты).

Сознавая безсиліе своей организаціи, сіонисты надѣются вовлечь въ свои колонизаціонныя предпріятія предпринимательскій капиталъ. Но при этомъ они упускаютъ изъ виду слѣдующія важныя обстоятельства: во-первыхъ то, что сіонистская организація сама по себѣ не обладаетъ имущественной правоспособностью и, слѣдовательно, абсолютно не кредитоспособна,—кредитъ же тѣхъ жалкихъ учрежденій, вродѣ Англо-Палестинскаго общества, Геулo и т. п., которыя являются фиктивными владѣльцами имущества сіонистской организаціи, прямо-таки ничтоженъ. А во-вторыхъ, совершенно игнорируется то обстоятельство, что для предпринимательскаго капитала, гоняющагося за барышемъ, „нѣсть ни эллина, ни іудея", и нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что онъ окажетъ какое-либо предпочтеніе колонизаціи „избраннаго народа" предъ нѣмецкой, итальянской и т. п. колонизаціями, если она не будетъ соотвѣтствующимъ образомъ консолидирована.

Но главныя трудности всякаго еврейскаго колонизаціоннаго проекта начинаются, по нашему мнѣнію, не въ моментъ пріобрѣтенія территоріи и начала ея колонизаціи, а лишь далѣе *въ процессѣ* самой колонизаціи. Для преодолѣнія тѣхъ огромныхъ трудностей, которыя при этомъ возникнутъ,—въ соотвѣтствующемъ распредѣленіи „человѣческаго матеріала", т. е. піонеровъ колонизаціи, по различнымъ отраслямъ труда, въ веденіи самой колонизаціи, по необходимости искусственной на первыхъ стадіяхъ своего развитія —потребуется мощная организующая сила, потребуется, слѣдовательно, организація глубоко пустившая свои корни въ еврейской жизни, связанная живыми нитями со всѣми повседневными интересами еврейскаго народа и обладающая, кромѣ того, *принудительной силой* внутри еврейства. Надо-ли доказывать, что, какъ сіонистическая, такъ и территоріалистическая организаціи не обладаютъ ни однимъ изъ этихъ качествъ? Надо-ли доказывать, что престижъ ихъ, какъ внутри, такъ и внѣ еврейства въ настоящее время какъ нельзя болѣе мизеренъ?

Печальный опытъ палестинской и аргентинской колонизацій,—колонизацій, иниціаторы которыхъ первоначально не ставили еще себѣ такихъ грандіозныхъ задачъ, какія ставятъ себѣ современные политическіе сіонисты и территоріалисты,—блестяще под-

утверждаетъ наши соображенія. Новыя попытки въ томъ же направленіи неизбѣжно приведутъ къ новымъ, еще болѣе грандіознымъ крушеніямъ и еще болѣе отдалятъ конечное торжество нашего національнаго идеала. Мы считаемъ, поэтому, всякіе колонизаціонные прожекты, базирующіе на столь зыбкомъ политическомъ и финансовомъ фундаментѣ, химерой либо авантюрой.

Это безотрадное для сіонистовъ сознаніе начинаетъ проникать въ самый сіонистскій лагерь, гдѣ иногда раздается голосъ рѣзкой критики всей сіонистической дѣятельности. Любопытно въ этомъ отношеніи мнѣніе одного изъ наиболѣе серьезныхъ представителей политическаго сіонизма, извѣстнаго ученаго, Франца Оппенгеймера. Вотъ что онъ пишетъ:

Безъ моральнаго и финансоваго кредита безнадежны наши политическія стремленія, безъ финансоваго—наши экономическія. Я еще разъ повторяю и насколько возможно рѣзко подчеркиваю то, что я уже высказалъ въвышеупомянутой статьѣ въ „Die Welt“: „Начало сіонистскаго движенія было лишь милымъ мечтателемъ (?), который считалъ осуществимымъ сіонистскій идеалъ безъ созданія подходящей финансовой основы. Того, кто еще и до сихъ поръ не убѣдился, что мы въ настоящій моментъ никакой иной непосредственой цѣли себѣ ставить не должны, такого человѣка я считаю въ высшей степени вреднымъ для нашего дѣла.

Безъ моральнаго и финансоваго кредита мы смѣшны, какъ мыши карабкающіяся на палицу Геркулеса, мы стрѣляемъ дробью по крѣпостнымъ стѣнамъ. Отношеніе нашихъ настоящихъ силъ къ нашимъ политическимъ и экономическимъ задачамъ представляетъ собою зрѣлище трагическое и вмѣстѣ съ тѣмъ комическое. Мы желаемъ вести политическіе переговоры съ европейскими и азіатскими державами; но политическіе переговоры могутъ вестись только между группами, представляющими собою въ какомъ-нибудь отношеніи силу—а мы представляемъ собою всего на всего пару офицеровъ, за которыми стоитъ немногочисленное, недисциплинированное, мало единодушное, а главное, совсѣмъ не испытанное, пользующееся ничтожнымъ довѣріемъ войско (я само собой говорю о ничтожномъ довѣріи къ намъ всѣхъ неевреевъ и большинства евреевъ); сомнительно, чтобы такими силами мы были въ состояніи основать государство въ какомъ бы то ни было смыслѣ и поддерживать его. Мы желаемъ многіе милліоны, по крайней мѣрѣ, многія сотни тысячъ совершенно неимущихъ пролетаріевъ переселить изъ ихъ отечества на новыя мѣста; мы едва ли обладаемъ, даже высоко считая, одной тысячной частью необходимыхъ намъ для этого средствъ.

Если не произойдетъ какого-либо чуда (а политики вѣдь менѣе всего принимаютъ въ разсчетъ чудеса), нѣчто вродѣ крупнаго политическаго переворота и раздѣленія Турціи и т. п.,—то мы при данныхъ обстоятельствахъ не имѣемъ даже самой ничтожной надежды, к гда либо основать правоохраненное убѣжище въ Св. Землѣ съ согласія или противъ воли султана. [1])

Но чудо, конечно, не совершится, и сіонистская организація будетъ влачить жалкое существованіе, покамѣстъ она не умретъ естественной смертью отъ собственнаго худосочія, „переселеніе же многихъ сотенъ тысячъ совершенно неимущихъ пролетаріевъ“ станетъ дѣломъ самого еврейскаго пролетаріата. Съ присущей ему настойчивостью, внушаемой неумолимой жизненной необходимостью и непреклонной увѣренностью въ торжествѣ своихъ иде-

1) У насъ нѣтъ подъ рукой подлинника, и мы вынуждены цитировать по весьма неудачному переводу въ „Хроникѣ Еврейской Жизни“, № 36, ст. „Большая“ и „малая“ колонизація и правовыя гарантіи“.—Самъ Оппенгеймеръ, исходя изъ своей экономической теоріи, изложенной въ его главныхъ трудахъ: „Die Siedelungsgenossenschaft, Versuch einer praktischen Ueberwindung des Kommunismus“ и „Grossgrundeigentum und die Sociale Frage“, предлагаетъ сіонистической организаціи свой планъ кооперативной колонизаціи, который долженъ, по его мнѣнію, поднять финансовый и политическій кредитъ этой организаціи. Изложеніе и критика плана Оппенгеймера найдетъ мѣсто въ одномъ изъ нашихъ изданій.

аловъ, еврейскій пролетаріатъ будетъ неуклонно идти къ намѣченной цѣли,—къ территоріальной автономіи, проходя этапъ за этапомъ послѣдовательныя стадіи своего соціальнаго и національнаго освобожденія, накопляя въ этой борьбѣ всѣ силы и средства и создавая всѣ институты, которые необходимы для разрѣшенія грандіозной задачи, возложенной на него исторіей.

Національно-политическая автономія и аналогичные ей національно-государственные институты въ Россіи, Австро-Венгріи и другихъ странахъ, гдѣ евреи живутъ сплошными массами,—есть единственная организація, которой по силамъ будетъ справиться съ колоссальной задачей организаціи планомѣрной массовой еврейской колонизаціи. Вмѣсто бумажной сіонистской организаціи, лишенной всякой фактической и юридической силы, она создастъ могущественный и прочный національный союзъ, являющійся юридическимъ лицомъ и обладающій внѣшними и внутренними средствами для проведенія своей воли; вмѣсто карточныхъ домиковъ, какими являются сіонистическія учрежденія,—органы національнаго самоуправленія съ юридически-санкціонированной компетенціей; вмѣсто доброхотныхъ подаяній мягкосердыхъ филантроповъ и дутыхъ финансовыхъ предпріятій—непрерывный притокъ матеріальныхъ средствъ путемъ всеобщаго и прогрессивнаго, принудительно-взимаемаго налога, и прочная кредитъ-база, гарантированная національными фондами.

Совокупность этихъ правъ заключается въ выставляемомъ нами требованіи національно- политической автономіи.

Для еврейскаго пролетаріата національно-политическая автономія есть единственный путь реализаціи національнаго идеала, который опирается на общенародныя,—и, слѣдовательно, прежде всего, пролетарскія,—силы и средства, и тѣмъ избавляетъ его отъ фатальной зависимости отъ еврейской буржуазіи, совершенно неизбѣжной во всякаго рода иныхъ путяхъ и методахъ.

Національно-политическая автономія является, съ другой стороны, единственнымъ способомъ организаціи національныхъ силъ, при которомъ сможетъ опредѣлиться организованная національная воля еврейскаго народа, дающая то или иное направленіе его историческимъ судьбамъ. Могучее идейное вліяніе пролетаріата, руководимаго непреодолимой потребностью своего соціальнаго развитія, направитъ эту волю по прочному историческому руслу къ окончательному освобожденію отъ цѣпей національнаго рабства. Мы заявляемъ, поэтому, съ глубокимъ убѣжденіемъ: историческій путь, ведущій еврейскую націю къ территоріальной автономіи, одинъ—онъ лежитъ черезъ національно-политическую автономію.

Этотъ историческій путь не лежитъ по тѣмъ сбивчивымъ проселочнымъ тропинкамъ, которыми хотятъ насъ вести сіонисты: онъ лежитъ по большой дорогѣ историческаго развитія. Нашимъ союзникомъ на этомъ пути является интернаціональный соціалистическій пролетаріатъ и все угнетенное человѣчество, сознательно отстаивающее подъ его гегемоніей свои неотъемлемыя права во имя соціальной справедливости.

Либеральныя, демократическія и національныя теченія въ еврейской буржуазіи.

I.

Вопросъ о „сотрудничествѣ“ съ либеральной и демократической буржуазіей издавна составлялъ и надо полагать еще долго будетъ составлять одну изъ серьезнѣйшихъ проблемъ соціалистической теоріи и практики.

Восходя по своимъ историческимъ корнямъ къ первымъ проблескамъ классоваго самосознанія борющагося пролетаріата, онъ логически неразрывно связанъ со всей нашей концепціей *соціальной революціи*, т. е. того или иного представленія о путяхъ и средствахъ послѣдней.

Анархистъ, соціалистъ максимальной программы, соціалистъ доминирующаго, ортодоксально-марксистскаго толка, представители праваго или лѣваго ревизіонизма,—въ духѣ нѣмецкаго бернштейніанства или русскаго соціаль-революціонизма,—должны, конечно дать и фактически даютъ на этотъ вопросъ, неизбѣжно возникающій на всѣхъ перипетіяхъ соціальной борьбы, — различные отвѣты.

Не касаясь нашихъ воззрѣній на конечный пунктъ соціалистическаго движенія — на теорію соціальной революціи, мы полагаемъ, что въ интересахъ поставленной нами себѣ въ настоящей статьѣ задачи,—для уразумѣнія нашей общей точки зрѣнія въ данномъ вопросѣ—намъ достаточно будетъ ограничиться заявленіемъ, что въ общихъ чертахъ мы примыкаемъ къ тому направленію соціалистической мысли, которое нашло свое наиболѣе яркое выраженіе въ теоретическихъ воззрѣніяхъ русскаго соціаль-революціонизма, а практически мы вполнѣ примыкаемъ къ „Амстердамской резолюціи“, духу которой мы надѣемся остаться вѣрными въ нижеслѣдующемъ.

Итакъ, оставивъ въ сторонѣ разсмотрѣніе общихъ теоретическихъ предпосылокъ даннаго вопроса, мы изложимъ здѣсь нѣкоторыя соображенія, касающіяся вопроса о „сотрудничествѣ классовъ“, имѣющія тѣсное отношеніе къ предмету нашей статьи.

Въ чемъ же сущность этого вопроса?

Въ безпрерывномъ разрушеніи и созиданіи общественныхъ формъ, составляющемъ содержаніе историческаго процесса, нѣтъ той стройной хронологической послѣдовательности, въ которой онѣ представляются съ высоты птичьяго полета философіи исторіи. Ни

одна историческая категорія не представляетъ собой чистаго воплощенія какого-либо соціальнаго принципа, какъ это изображаютъ post factum философы исторіи, приписывая той или иной общественной группѣ опредѣленную историческую функцію; ни одна новая общественная форма не появляется *вслѣдъ* за *полнымъ* и *окончательнымъ* разрушеніемъ старыхъ общественныхъ устоевъ: смѣна общественныхъ формъ опредѣляется не только послѣдовательностью, но и *сосуществованіемъ* стараго и новаго. „Въ каждомъ обществѣ, говоритъ Лавровъ, можно различить историческія переживанія, жизнеспособные элементы и зародыши будущаго".

Поэтому историческая жизнь не представляетъ собою безпрерывной ткани, послѣдовательно мѣняющей свои цвѣта и узоры,—наоборотъ,—ткань соціальной жизни есть сложный переплетъ разноцвѣтныхъ нитей.

Это простое соображеніе вполнѣ выясняетъ намъ происхожденіе „сотрудничества классовъ" въ современной намъ борьбѣ пролетаріата и демократіи за прогрессивные общественные идеалы. Лассалевское представленіе о буржуазіи, какъ о „единой реакціонной массѣ", давно уже стало достояніемъ исторіи. Въ томъ сложномъ конгломератѣ, который именуется „буржуазіей", есть многочисленныя группы, не успѣвшія еще воплотить въ жизнь тѣ либеральные и демократическіе принципы, историческими носителями которыхъ онѣ являются. На ряду съ увядающими реакціонными элементами буржуазіи появляются молодые побѣги буржуазной демократіи, переживающіе первую весну своей общественности. Буржуазная демократія—этотъ двуликій Янусъ—выступаетъ на арену исторіи со своими прогрессивными демократическими чаяніями и идеалами.

И вотъ, рядомъ съ гробовщикомъ всякой общественной реакціи—революціоннымъ соціалистическимъ пролетаріатомъ, — единственнымъ борцомъ, революціонная мысль и воля котораго послѣдовательно продумываютъ и осуществляютъ всѣ общественные идеалы нашего времени,—появляются другія общественныя группы, борющіяся за свои частныя соціально-политическія цѣли и задачи, лежащія по пути демократическихъ идеаловъ пролетаріата, совпадающихъ съ высшими интересами соціальнаго развитія и потому болѣе рѣзко и послѣдовательно выраженныхъ. Спрашивается, какова будетъ задача пролетаріата по отношенію къ этимъ возможнымъ временнымъ союзникамъ?

Съ одной стороны, союзъ съ ними вызывается общностью нѣкоторыхъ цѣлей и интересовъ, и объективная необходимость его гарантируется самой логикой историческаго процесса; онъ совершается какъ-бы „за спинами" политическихъ партій, координируя, объединяя ихъ дѣйствія помимо всякихъ политическихъ „блоковъ" и договоровъ, въ самомъ стихійномъ процессѣ исторической жизни,—этотъ союзъ объективируется въ послѣдней. Съ другой стороны, нѣтъ такой области общественной борьбы, гдѣ не сказывались-бы классовыя противорѣчія. Помимо тѣхъ областей общественныхъ отношеній, которыя всецѣло составляютъ арену классовой борьбы между пролетаріатомъ и его буржуазно-либеральными и буржуазно-демократическими „союзниками", — даже въ сферѣ общественныхъ

отношеній, въ которыхъ проявляется дѣятельность „союза", классовыя противоположности проявляются во всей своей силѣ. То обстоятельство, что демократическіе идеалы съ неодинаковой послѣдовательностью и рѣзкостью отстаиваются различными элементами демократіи, само по себѣ глубоко коренится въ сущности классовыхъ противоположностей. Такъ напримѣръ, далеко не всѣ элементы либеральной буржуазіи и далеко не во всякій моментъ заинтересованы вмѣстѣ съ пролетаріатомъ въ проведеніи всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права; если же они и заинтересованы, то далеко не въ одинаковой степени. Въ этомъ именно и обнаруживается глубокое значеніе совершенной политической демократіи, какъ орудія классовой борьбы пролетаріата. Ясно, что, послѣдовательно проводя принципъ классовой борьбы, мы не можемъ представить себѣ отсутствіе ея даже на почвѣ демократической платформы.

Соціалистическая партія оказывается такимъ образомъ между Сциллой и Харибдой. Объективныя условія, ставящія пролетаріату и либеральной и демократической буржуазіи общія цѣли соціальной борьбы, побуждаютъ соціалистическую партію координировать свои усилія съ дѣйствіями своихъ временныхъ союзниковъ, придать совмѣстной борьбѣ цѣлесообразную форму политическаго союза, чтобы такимъ образомъ революціонизировать прогрессивные элементы буржуазнаго общества и дать имъ толчокъ къ послѣдовательному развитію своихъ либеральныхъ и демократическихъ тенденцій. Но интересы классовой борьбы и оппортунизмъ буржуазіи въ области демократическихъ требованій побуждаютъ соціалистическія партіи по возможности суживать границы своей солидарности съ несоціалистической демократіей и придавать своей борьбѣ автономный характеръ.

Выходъ изъ этой коллизіи соціалистическія партіи находили всегда въ общеизвѣстной формулѣ: „getrennt marschieren, vereint schlagen" (врозь идти, вмѣстѣ бить). Эта классическая формула соціалистической политики при всей своей простотѣ и ясности допускаетъ, однако, весьма разнообразныя толкованія. Реальная политическая жизнь отличается такимъ богатствомъ и разнообразіемъ политическихъ комбинацій, такими своеобразными и причудливыми сочетаніями общественныхъ силъ, что никакая максима политическаго поведенія не можетъ ихъ заранѣе учесть и предвосхитить. Когда мы наполняемъ наши формулы конкретнымъ политическимъ содержаніемъ, то примѣненіе того или иного критерія можетъ отличаться такими многочисленными нюансами, что самъ по себѣ критерій оказывается совершенно недостаточнымъ для намѣченной цѣли. Если мы обратимся, напримѣръ, къ практикѣ вопроса о „сотрудничествѣ классовъ", то мы увидимъ, какъ подъ знаменемъ вышеназванной формулы шествуютъ съ одинаковымъ усердіемъ самые отчаянные оппортунисты рядомъ съ близорукими противниками всякихъ союзовъ съ буржуазіей, мыслящихъ такіе союзы лишь въ ряду своихъ политическихъ абстракцій, ничего общаго съ исторической дѣйствительностью не имѣющихъ. Отсюда намъ станетъ ясно, что верховнымъ критеріемъ здѣсь является не фор-

мула, а политическій тактъ, чутье и пониманіе исторической дѣйствительности. Безъ конкретнаго анализа послѣдней всѣ наши соціально-политическія формулы лишаются всякаго смысла и содержанія.

Прежде чѣмъ примѣнить наши выводы къ тактическимъ вопросамъ программы - минимумъ еврейскаго пролетаріата, мы дополнимъ ихъ еще однимъ, какъ намъ кажется, не лишнимъ коррективомъ.

Врядъ-ли гдѣ-либо въ другой области политической жизни пріобрѣтаетъ такое значеніе каждый тактическій нюансъ, какъ въ области примѣненія формулы „getrennt marschieren, vereint schlagen". Здѣсь важнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, надъ какимъ і мы ставимъ точку. Мы подходимъ, напримѣръ, къ какой-либо общей для насъ и буржуазной демократіи цѣли. Детальнымъ анализомъ намъ удается раскрыть различія въ постановкѣ данной цѣли и въ средствахъ къ ея достиженію, обусловливаемыя особенностями нашей классовой физіономіи. Мы проводимъ межу, какъ бы тонка она ни была подчасъ, по мнѣнію публицистовъ буржуазно-демократическаго лагеря. Мы исходимъ притомъ изъ конкретныхъ, легко ощутимыхъ различій въ реальныхъ *интересахъ*. Но можетъ случиться (литература западно-европейскаго оппортунизма и нашихъ доморощенныхъ „радикалъ-соціалистовъ" изобилуетъ такими указаніями), что и цѣль и средства въ данномъ случаѣ совпадаютъ. Слѣдуетъ ли и тогда „идти врозь"? Не будетъ ли уже это проявленіемъ того неумѣреннаго „сепаратизма", который такъ клеймятъ теперь буржуазные публицисты въ своей критикѣ соціалистической тактики?

Мы думаемъ, что этотъ „сепаратизмъ", т. е. стремленіе всегда и повсюду отмежевываться отъ буржуазіи, даже при отсутствіи прямого антагонизма интересовъ, цѣлесообразенъ и имѣетъ глубокое принципіальное значеніе. Этотъ сепаратизмъ, кажущійся иногда безполезнымъ съ точки зрѣнія данной исторической минуты, является для насъ, въ извѣстномъ смыслѣ, *самоцѣлью*, ибо онъ самъ по себѣ является орудіемъ для болѣе отдаленныхъ задачъ классовой борьбы. Всякое отмежевываніе отъ буржуазіи *само по себѣ* полезно для насъ, ибо оно служитъ угрозой и напоминаніемъ старому міру.

По мѣрѣ развитія самосознанія соціалистическаго пролетаріата, по мѣрѣ вовлеченія его на арену общественной борьбы совершается постепенная ликвидація старыхъ общественныхъ идеаловъ и задачъ, не довершенныхъ революціонными слоями буржуазіи. Пролетаріатъ становится передовымъ застрѣльщикомъ въ борьбѣ за всѣ прогрессивные общественные идеалы, демократическая буржуазія постепенно ликвидируетъ свою прогрессивную миссію и все болѣе проявляетъ реакціонныя черты своей общественной физіономіи. Знамя соціальнаго прогресса быстро спускается внизъ по ступенямъ общественной лѣстницы. Всѣ освободительныя задачи нашего времени—политическая демократія, освобожденіе угнетенныхъ національностей, демократизація культурной жизни, эмансипація женщины и т. д.—ложатся на плечи пролетаріата и связываются въ его программѣ съ основной, собственно-пролетарской задачей—

уничтоженіемъ частной собственности. Соціализмъ изъ коллективизма, т. е. движенія, стремившагося лишь къ уничтоженію экономической эксплоатаціи, превращается въ универсальное освободительное движеніе, одновременно борющееся со всѣми видами общественнаго гнета.

Такова основная тенденція переживаемой нами исторической эпохи. Изъ нея непосредственно вытекаетъ слѣдующій тактическій выводъ: мы заинтересованы въ томъ, чтобы въ общественномъ сознаніи всѣ освободительныя задачи нашего времени возможно тѣснѣе ассоціировались съ соціализмомъ и его носителемъ—революціоннымъ пролетаріатомъ. Этотъ историческій интересъ составляетъ объективную основу пролетарскаго „сепаратизма", имѣющаго, разумѣется, тенденцію возрастать по мѣрѣ обостренія классовыхъ противорѣчій.

Пролетарскій „сепаратизмъ" вытекаетъ такимъ образомъ не изъ кастовой ограниченности или исключительности,—нѣтъ!—онъ есть логическое слѣдствіе того, что для пролетаріата его освободительныя задачи не являются чѣмъ-то отдѣльнымъ, другъ отъ друга не зависящимъ: онѣ являются интегральными частями того цѣлостнаго боевого міросозерцанія, подъ знаменемъ котораго пролетаріатъ ведетъ человѣчество изъ „царства необходимости въ царство свободы".

Мы считали не лишнимъ предпослать эти общія принципіальныя соображенія конкретному разсмотрѣнію взаимоотношеній еврейскаго пролетаріата и еврейской либеральной и демократической буржуазіи, такъ какъ этотъ вопросъ, преломляясь сквозь призму своеобразныхъ національныхъ условій, пріобрѣтаетъ большую сложность и запутанность въ программѣ еврейскаго пролетаріата. Теперь мы перейдемъ къ непосредственному анализу этихъ взаимоотношеній.

II.

Опредѣленіе отношеній еврейскихъ соціалистическихъ фракцій къ еврейской либеральной и демократической буржуазіи представляетъ двойную трудность: физіономія различныхъ общественныхъ группъ въ еврейскомъ народѣ, опредѣляемая ихъ классовымъ положеніемъ и ихъ отношеніемъ къ данному общегосударственному политическому укладу характеризуется еще особенностями ихъ національнаго положенія. Борьба съ политической реакціей осложняется для еврейскихъ либераловъ и демократовъ борьбой съ національнымъ гнетомъ, проникающимъ во всѣ поры еврейской общественности, своеобразно преломляясь сквозь призму классовыхъ подраздѣленій. Но въ настоящее время еще нельзя установить строгой функціональной зависимости между этими двумя видами общественной борьбы. Степени революціонности въ борьбѣ за гражданскую и національную эмансипаціи не могутъ еще быть распо-

ложены по одной симметричной скалѣ, хотя эволюція еврейской общественности,—по нашему глубокому убѣжденію,—имѣетъ тенденцію установить именно такую, прямую зависимость между ними.

Въ общемъ и среднемъ можно считать установленнымъ, что политическое развитіе различныхъ группъ еврейскаго народа за немногими исключеніями выше политическаго развитія соотвѣтствующихъ элементовъ сосѣднихъ съ нимъ народовъ: демократическія чаянія даже буржуазнаго еврейства относительно весьма радикальны. Это не значитъ, конечно, что эти „чаянія" всегда принимаютъ активно-революціонный характеръ,—наоборотъ,—въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ они не выходятъ изъ круга платоническихъ вожделѣній и пассивнаго политическаго критиканства. Но при наличности благопріятныхъ обстоятельствъ еврейскій буржуазный демократизмъ и либерализмъ открыто или анонимно проявляются въ политической жизни. Національный гнетъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ—въ формѣ ли законодательныхъ ограниченій, какъ въ Россіи, или въ формѣ общественнаго бойкота, какъ въ Австріи или Германіи,—революціонизируетъ сознаніе еврейской буржуазіи, подвигая постепенно влѣво ея политическія симпатіи и заставляя ее искать въ демократическихъ общественныхъ элементахъ болѣе сильныхъ союзниковъ въ борьбѣ за свою эмансипацію въ гражданскомъ законодательствѣ и въ обычномъ правѣ. Этотъ радикализмъ носитъ часто вынужденный характеръ, побуждая, напримѣръ, еврейскую буржуазію соединяться съ своими классовыми антагонистами. Яркой иллюстраціей къ этому можетъ послужить поведеніе либеральнаго органа нѣмецкой еврейской буржуазіи „Generalenzeiger des Iudenthums" во время послѣднихъ выборовъ въ Германіи: этотъ органъ приглашалъ своихъ единомышленниковъ вотировать за соціальдемократовъ, такъ какъ лейбъ-партія еврейской буржуазіи въ Германіи — „свободомыслящіе"— стала неудовлетворительно отстаивать еврейскіе интересы. Всякому, знакомому съ политической жизнью Германіи, станетъ ясно, что недовольство „свободомыслящими" находится въ зависимости съ общей реакціей въ этой партіи, какъ носительницѣ либеральныхъ принциповъ, и отсюда же станетъ вполнѣ понятной агитація „Generalenzeiger'a" за нѣмецкую соціальдемократію, которая является теперь единственнымъ надежнымъ оплотомъ противъ политической и общественной реакціи.

Вѣковой гнетъ наложилъ неизгладимую печать на буржуазное еврейство: сознательное недовольство своимъ положеніемъ порождаетъ у него не активное революціонное или оппозиціонное настроеніе, а какой-то своеобразный фатализмъ и политическое критиканство, составляющіе характерную особенность еврейской буржуазіи. Ростъ революціонной активности еврейскаго пролетаріата, впервые въ еврейской исторіи поднявшаго знамя борьбы за свои соціальныя и національныя права и тѣмъ поднявшаго національный престижъ и значеніе всего еврейскаго народа, и ростъ демократизаціи всего европейскаго общества неизбѣжно должны будутъ вдохнуть новую силу и въ буржуазное еврейство. При извѣстной степени эмансипированности, въ странахъ съ свободной

и развитой политической жизнью оно стряхнетъ съ себя часть былого рабства и пойдетъ по пути болѣе смѣлаго и отчетливаго политическаго самоопредѣленія. Мы можемъ уже теперь наблюдать повсюду отдѣльные симптомы этого, далеко еще не завершившагося, процесса.

Въ какомъ же отношеніи къ этому процессу демократизаціи еврейской буржуазіи стоитъ процессъ ея націонализаціи?

Какъ мы уже сказали, эти два—вообще говоря, неотдѣлимые логически и психологически процесса въ еврейской буржуазіи не всегда идутъ параллельно. Историческія причины этой аномаліи вполнѣ понятны. Гражданская эмансипація и приспособленіе къ общественному укладу господствующихъ народовъ всегда покупались высшими слоями еврейскаго народа—крупной буржуазіей и нѣкоторой частью средней — цѣною отказа отъ національной эмансипаціи, цѣною ассимиляціи. Такимъ образомъ политическій либерализмъ этихъ группъ буржуазіи довольно прочно ассоціировался у нихъ съ ассимиляторствомъ. А такъ какъ пріобщеніе къ благамъ эмансипаціи и европейской культуры начиналось у насъ, какъ и вездѣ, сверху, то преходящая историческая традиція подхватывала эту незаконную ассоціацію и распространяла ее на другіе слои еврейскаго народа.

Эта историческая традиція повліяла даже на первые проблески нашего соціализма: первая соціалистическая проповѣдь въ еврейскомъ пролетаріатѣ была связана съ агитаціей „космополитизма“, принципіально ничѣмъ не отличавшагося отъ буржуазнаго ассимиляторства.

Но тотъ самый процессъ, который мы неоднократно наблюдали въ еврейскомъ пролетаріатѣ, происходитъ и въ еврейской буржуазіи, какъ только въ активную общественную борьбу вовлекаются не отдѣльныя разрозненныя группы и индивидуумы, не „человѣческая пыль“—по образному выраженію Макса Нордау,—а широкія народныя массы: своеобразныя условія національной жизни властно вступаютъ въ свои права, и ихъ непреодолимое вліяніе побуждаетъ массы еврейской буржуазіи связывать всѣ отдѣльные акты своей соціальной борьбы съ борьбой за національное освобожденіе. Борьба за гражданскую эмансипацію, охватывая широкіе слои буржуазнаго еврейства, неизбѣжно пріобрѣтаетъ національный характеръ и тѣсно ассоціируется съ національной эмансипаціей; ассимиляція смѣняется націонализаціей. Поэтому наша мелкая буржуазія и бо̀льшая часть средней, тамъ, гдѣ онѣ живутъ болѣе или менѣе сконцентрированно,—минуя чистилище ассимиляціи, сразу придаютъ національный характеръ своимъ политическимъ требованіямъ.

Націонализмъ этихъ общественныхъ группъ характеризуется, конечно, другими чертами, отличающими его отъ націонализма соціалистическаго пролетаріата: онъ отличается извѣстнымъ консерватизмомъ, стремящимся укрѣпить въ національной жизни различные національные пережитки и традиціи, отождествить національность съ религіей и т. д.; другой характерной чертой мелко-

буржуазнаго націонализма является его непослѣдовательность и нереволюціонность въ области національной мысли и дѣятельности.

Этими общими чертами опредѣляется общественная физіономія еврейской буржуазіи. Самой своеобразной ея особенностью является, какъ мы уже указали выше, непропорціональное сочетаніе гражданской и національной энергіи. У такъ называемыхъ политическихъ сіонистовъ яркій національный идеалъ сочетался до самаго послѣдняго времени, — да и теперь еще нерѣдко сочетается,—съ полнымъ политическимъ индифферентизмомъ. У буржуазіи „восходовскаго" толка либеральные и демократическіе идеалы, правда, поддерживаемые весьма жалкой и слабой политической борьбой, сочетаются или съ сознательнымъ ассимиляторствомъ, или съ блѣдными и неопредѣленными національными идеалами, поражающими своей полной безсодержательностью. Между этими полюсами располагается цѣлый рядъ общественныхъ группъ, въ программахъ которыхъ общедемократическій и національный элементы сочетаются въ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ. Наши отношенія ко всѣмъ этимъ элементамъ не могутъ, поэтому, отличаться простотой и единообразіемъ, и мы должны будемъ въ каждомъ данномъ случаѣ вступать въ детальный разборъ.

Въ настоящій моментъ въ русскомъ еврействѣ существуютъ лишь двѣ буржуазныя организаціи, ставящія себѣ національныя и общедемократическія цѣли, опредѣленіе нашихъ отношеній къ которымъ можетъ имѣть для насъ какое-либо практическое значеніе: „Союзъ для достиженія полноправія евреевъ въ Россіи" и сіонистическая организація.

Что касается „Союза", то въ виду молодости, политической неопредѣленности и незначительности вліянія, которое пріобрѣла эта новорожденная партія внутри и внѣ еврейства, мы считаемъ достаточнымъ ограничиться по его поводу лишь немногими критическими замѣчаніями.

Возникновеніе „Союза" стоитъ въ тѣсной связи съ послѣдними событіями въ русской политической жизни.

Пресловутая, благополучно канувшая нынѣ въ Лету, „весна" принесла оппозиціонной буржуазіи либеральнаго и демократическаго пошиба нѣкоторое,—правда, безконечно жалкое, — подобіе „свободы слова, печати и собраній". Лидеры правительственной колесницы сочли, $1^1/_2$ года тому назадъ, своевременнымъ слегка „отпустить бразды" россійской оппозиціи. Относительная „свобода" легальной печати и собраній явилась въ то время своего рода клапаномъ для котла общественнаго недовольства. Она явилась, съ другой стороны, умышленнымъ подчеркиваніемъ того предпочтенія и уступокъ, которыя правительство явно оказываетъ умѣреннымъ оппозиціоннымъ элементамъ предъ революціонными соціалистическими партіями, непосредственная борьба которыхъ сопровождается безконечно возрастающими правительственными гоненіями. И надо замѣтить, что правительство въ то время довольно точно опредѣлило мѣру буржуазной революціонности, по крайней мѣрѣ, для даннаго момента: тѣ рамки, которыя пра-

вительство отвело тогда для выраженія общественнаго недовольства, почти соотвѣтствовали истиннымъ запросамъ „революціоннаго духа“ подавляющаго большинства буржуазной оппозиціи и мыслимымъ для нея методамъ политической борьбы. Безъ особой затраты гражданскаго мужества либеральная и демократическая буржуазія могла поднять свой протестующій голосъ, не преступая, за рѣдкими исключеніями этихъ рамокъ. Слѣдствіемъ этого явился небывалый ростъ либеральной и демократической оппозиціи въ странѣ и нарожденіе новыхъ формъ политической борьбы, совершенно отличныхъ отъ испытанныхъ и установленныхъ методовъ революціонныхъ конспирацій.

Эти новыя формы политической борьбы съ внѣшней стороны вполнѣ напоминаютъ европейскую политическую борьбу, но между ними есть и глубочайшее различіе огромной практической важности. Сходство состоитъ въ томъ, что у насъ, какъ и въ Западной Европѣ, оппозиція стремится всѣми доступными для нея способами воздѣйствовать на *общественное мнѣніе* страны. Различіе кроется въ самой роли этого „общественнаго мнѣнія“ въ политической жизни Россіи и западно-европейскихъ странъ: въ послѣднихъ общественное мнѣніе представляетъ *реальную общественную силу,* дѣйствительность которой гарантируется соотвѣтствующими правовыми институтами,—у насъ же оно является лишь *потенціальной* силой, у насъ центръ тяжести политической борьбы сводится именно къ борьбѣ за *признаніе* общественнаго мнѣнія, за его легализацію, т. е. созданіе государственныхъ органовъ, его выражающихъ.

Нельзя отрицать заслугъ оппозиціонныхъ элементовъ въ дѣлѣ созданія этой новой общественной силы: вмѣсто робкаго закулиснаго брюзжанья и туманной литературной критики, на пресловутомъ „эзоповскомъ“ нарѣчіи русской публицистики, мы слышимъ теперь постоянную, всестороннюю и довольно энергичную критику правительственной политики, несомнѣнно имѣвшую огромное значеніе въ дѣлѣ политическаго воспитанія россійскаго общества. Какъ ни отличаются агитаціонные пріемы либеральной оппозиціи отъ пріемовъ „революціоннаго подполья“, но не въ этомъ состоитъ то принципіальное отличіе, которое заставляетъ насъ такъ энергично отъ нея отмежевываться. Коренное, дѣйствительно принципіальное различіе между нами состоитъ въ томъ, что мы не считаемъ нужнымъ въ своей борьбѣ приспособляться къ рамкамъ современныхъ политическихъ учрежденій при помощи правительственныхъ „уступокъ“: каждый актъ нашей борьбы въ корнѣ отрицаетъ эти учрежденія, какъ таковыя. Это выводитъ насъ на путь непосредственной, прямой борьбы съ правительствомъ и проводитъ рѣзкую грань между нами—революціонерами и оппозиціонерами всѣхъ лагерей.

Этими чертами опредѣляется наша оцѣнка буржуазнаго оппозиціоннаго движенія со стороны *методовъ* его борьбы. Но эта оцѣнка отнюдь не мѣшаетъ намъ въ опредѣленные моменты извѣстнымъ образомъ координировать съ нимъ свои дѣйствія. Рѣшающимъ моментомъ является при этомъ *содержаніе* нашихъ

политическихъ требованій. Съ этихъ двухъ сторонъ мы должны подойти и къ „Союзу для достиженія полноправія для евреевъ въ Россіи".

Появился этотъ „Союзъ" на свѣтъ Божій подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ общеполитическихъ причинъ въ ряду другихъ „союзовъ", въ несмѣтномъ числѣ украсившихъ нашъ политическій горизонтъ. Бундъ привѣтствовалъ его предтечу и политическаго двойника—„Еврейскій демократическій союзъ",—какъ прогрессъ въ эволюціи нашей буржуазіи,—прогрессъ въ направленіи отъ сіонизма къ политическому либерализму и болѣе правильному пониманію еврейскихъ національныхъ задачъ. (См. „Послѣднія Извѣстія") Въ мотивировкѣ, которой „Еврейскій демократическій союзъ" обосновывалъ свой политическій raison d' être, Бундъ усмотрѣлъ слѣды своего „идейнаго вліянія", разумѣется, преломившагося сквозь призму буржуазной психологіи.

Мы совершенно несогласны съ такой характеристикой „Союза". Прежде всего, мы не можемъ разсматривать его, какъ послѣдовательный *этапъ* въ развитіи еврейской буржуазіи *отъ сіонизма* къ либерализму и т. д.: „Союзъ" вербуется изъ новыхъ элементовъ еврейской буржуазіи, доселѣ непричастныхъ никакой политической жизни; въ него, правда, входитъ немало буржуазныхъ сіонистовъ, но они входятъ съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ старыхъ сіонистическихъ регалій, принадлежа одновременно и къ сіонистической организаціи. Возрастающее вліяніе сіонистическихъ элементовъ скорѣе можетъ насъ убѣдить въ противномъ. Не намъ, конечно, доказывать, что съ принципіальной точки зрѣнія послѣдовательный сіонизмъ вполнѣ совмѣстимъ съ революціоннымъ демократизмомъ,—и обратно,—насъ нисколько не удивитъ, если сіонисты, принадлежащіе къ „Союзу", окажутся очень плохими сіонистами и не лучшими демократами: то и другое логически вытекаетъ не изъ *противорѣчія* этихъ двухъ принциповъ, а, наоборотъ, изъ ихъ непослѣдовательнаго проведенія,—а исторически,—изъ тѣхъ соціальныхъ чертъ, которыя присущи физіономіи нашей буржуазіи вообще. Но мы рѣшительно недоумѣваемъ, въ чемъ можно усмотрѣть какой-либо существенный прогрессъ въ ассимиляторской и оппортунистически-національной буржуазіи „Союза" по сравненію съ сіонистической буржуазіей?.

Всѣ эти фракціи въ равной степени лишены какихъ-либо революціонныхъ традицій; до послѣдняго времени онѣ отличались другъ отъ друга лишь разными степенями буржуазнаго раболѣпія и трусости. Было бы также несправедливостью утверждать, что буржуазія „восходовскаго" толка добрыхъ старыхъ временъ существенно отличалась въ этомъ отношеніи отъ сіонистической буржуазіи. „ Революціонная" карьера обѣихъ этихъ фракцій вся еще впереди, и говорить о прогрессѣ одной фракціи передъ другой можно лишь въ отрицательномъ смыслѣ.

Въ одномъ пунктѣ мы должны, однако, вполнѣ согласиться съ характеристикой Бунда: это по пункту о мотивировкѣ образованія „Союза", какъ *самостоятельной еврейской партіи*. Здѣсь „идейное вліяніе" Бунда не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Оно ска-

зывается въ случайномъ наборѣ аргументовъ, отъ различныхъ „техническихъ причинъ“ до якобы принципіальныхъ соображеній, не объединенныхъ никакой ясной концепціей національнаго вопроса и не освѣщенныхъ никакимъ національнымъ идеаломъ. Здѣсь царитъ та же растерянность національной мысли, то же стремленіе контрабандой протащить свой націонализмъ. Буржуазная психологія также проявляется, внѣ всякаго сомнѣнія: постановка національнаго вопроса въ программѣ „Союза“ носитъ еще болѣе жалкій и оппортунистическій характеръ, чѣмъ у Бунда,—она сводится къ напоминанію о свободѣ національно-культурнаго развитія, безъ какихъ-либо спеціальныхъ правовыхъ гарантій, содержащихся въ бундовскомъ проектѣ „національной автономіи“.

Итакъ идейная физіономія новой фракціи еврейской буржуазіи, поскольку она выразилась въ ея программѣ, не удовлетворяетъ основнымъ требованіямъ послѣдовательнаго демократизма и націонализма: въ ней нѣтъ ни требованія радикальной національной реформы, регулирующей отношенія россійскаго государства къ еврейской и ко всѣмъ прочимъ національностямъ; въ ней нѣтъ, наконецъ, яснаго указанія на ту *основную политическую форму*, при отсутствіи которой—по конкретнымъ условіямъ русской исторической дѣйствительности — самодержавно-полицейское государство при всѣхъ своихъ модификаціяхъ всегда сумѣетъ превратить всякіе демократическіе принципы и „конституціонныя гарантіи“ въ „мѣдь звенящую“ и „кимвалъ бряцающій“...

Въ послѣднемъ отношеніи наши „демократы“ раздѣляютъ участь всѣхъ россійскихъ „конституціоналистовъ-демократовъ“: и тѣ и другіе, какъ бы далеко ни шли ихъ политическія притязанія, оставляютъ въ неприкосновенности тотъ *основной принципъ*, на которомъ зиждется нашъ политическій строй. Этотъ первородный грѣхъ россійской буржуазной демократіи пріобрѣтаетъ сугубое значеніе съ точки зрѣнія еврейскихъ интересовъ: руины самодержавія, въ какой бы жалкій видъ ни превратила ихъ разрушительная работа революціи, будутъ представлять собой страшную угрозу всѣмъ завоеваніямъ политической демократіи,—самодержавіе всегда сможетъ возродиться, какъ фениксъ, изъ своего пепла, и это возрожденіе будетъ особенно грозно еврейскому народу—этому жалчайшему рабу и непримиримѣйшему врагу самодержавія...

Политическія притязанія „Союза“, слѣдовательно, довольно скромны и не гарантируютъ существеннѣйшихъ интересовъ еврейскаго народа. Не лучше обстоитъ и съ его общественнымъ вліяніемъ. Политическая активность „Союза“ весьма проблематична. Кругъ его вліянія ограниченъ нѣкоторыми слоями еврейской средней и крупной буржуазіи, не затрагивая широкихъ массъ мелкой буржуазіи.

Совокупность этихъ чертъ достаточна для того, чтобы установить для настоящаго момента почти полное отсутствіе какого-либо реальнаго содержанія для координированной совмѣстной борьбы на почвѣ нашей демократической или національной платформы.

Надо, однако, предвидѣть, что ближайшія событія могутъ выдвинуть „Союзъ“ на авансцену политической жизни. За эрой жесточайшихъ правительственныхъ репрессій подымется еще болѣе грозный валъ революціи, и возможно, что правительство будетъ снова вынуждено пойти на „уступки“. Это обстоятельство вызоветъ новое радикальнѣйшее разслоеніе въ „россійскомъ освободительномъ движеніи“: оппозиціонные элементы отдѣлятся отъ революціонныхъ—первые приспособятся къ новымъ условіямъ и вступятъ на путь лойяльной борьбы въ Государственной Думѣ и другихъ „конституціонныхъ“ учрежденіяхъ, вторые будутъ продолжать свой походъ по испытанной революціонной стезѣ къ полной побѣдѣ. Куда пойдетъ „Союзъ“, нетрудно предвидѣть даже по его современной тактикѣ, центральное мѣсто въ которой занимаетъ „избирательная кампанія“ въ Думу.

Дѣйствительно, въ рядахъ еврейской буржуазіи послѣ періода словеснаго, по крайней мѣрѣ, возбужденія уже и теперь замѣчается сильная и устойчивая реакція. Причина этой реакціи очевидна: призракъ погромовъ, витающій надъ еврейскимъ народомъ, терроризируетъ нашу буржуазію и гонитъ ее въ болото оппортунизма. Тактикой приспособленія она смутно надѣется купить свое спокойствіе...

Мы предвидѣли возможность погромовъ, мы считали ихъ неизбѣжнымъ спутникомъ россійской революціи, — и тѣмъ не менѣе, единственный *ближайшій* выводъ, который мы отсюда дѣлаемъ, состоитъ въ томъ, что надо *скорѣе идти къ намѣченной цѣли*, ведя одновременную борьбу на два фланга, фатально-предопредѣленную еврейскому пролетаріату трагическими условіями его соціальнаго уклада. Но рабскому духу нашей буржуазіи чуждъ революціонный энтузіазмъ еврейскаго пролетаріата, и въ моменты „безумія и ужаса“, подобные настоящему, она можетъ служить лишь помѣхой на нашемъ пути...

Теперь мы перейдемъ къ другой фракціи еврейской буржуазіи—сіонистической. Сіонистическая организація пустила несравненно болѣе глубокіе корни во всѣхъ слояхъ еврейской буржуазіи; общественная ея физіономія гораздо ярче и опредѣленнѣе; кромѣ того ея дѣятельность, съ перваго взгляда, какъ будто бы пересѣкается съ нашей въ одномъ весьма существенномъ пунктѣ—въ нашемъ національномъ идеалѣ — все это побуждаетъ насъ отнестись къ ней съ бо́льшей серьезностью и вниманіемъ, чѣмъ къ „Союзу“.

III.

Мы не станемъ здѣсь говорить о предшествующихъ этапахъ сіонистическаго движенія, [1]) а обратимся непосредственно къ

1) Отчасти объ этомъ говорится въ статьѣ: „Нѣсколько словъ о программѣ сіонистско-соціалистической рабочей партіи“.

современному кризису, переживаемому этимъ движеніемъ, и, исходя изъ него, попытаемся дать свой прогнозъ необходимой и неизбѣжной эволюціи сіонизма и территоріализма. [1])

На страницахъ „Возрожденія“ неоднократно указывались причины современнаго кризиса въ сіонизмѣ. Въ теоріи и практикѣ сіонистическаго движенія мы усматривали двѣ основныя логическія ошибки: стремленіе свести все содержаніе національной дѣятельности къ *непосредственному* построенію еврейскаго автономнаго общества и вытекающее отсюда отождествленіе *эмиграціонной* проблемы съ *національной*, — организаціи колонизаціоннаго центра съ территоріалистическимъ движеніемъ въ цѣломъ. Національное возрожденіе, въ представленіяхъ сіонистовъ, вырастаетъ не изъ постепенно реформируемыхъ старыхъ условій національной жизни, а *извнѣ* послѣднихъ,—въ этомъ пунктѣ наша національная эволюція какъ бы претерпѣваетъ „разрывъ непрерывности“.

Эти основныя ошибки, имѣющія, конечно, свое историческое оправданіе, лишали на нашъ взглядъ современное сіонистское движеніе всякаго историческаго будущаго, всякой надежды стать когда-либо могучимъ, истинно-національнымъ движеніемъ.

Критикуя съ этой точки зрѣнія сіонистское движеніе en bloc, мы не считали нужнымъ входить въ болѣе конкретный анализъ отдѣльныхъ его фракцій съ классовой точки зрѣнія, ибо современная партійная группировка въ сіонистическомъ движеніи отличается, по нашему мнѣнію, чрезвычайной искусственностью. Классифицируя сіонистическія фракціи не по ихъ классовому *составу*, а по *объектамъ ихъ борьбы*, мы безъ труда замѣтимъ всю фиктивность классовой дифференцировки въ сіонистической организаціи: въ борьбѣ сіонистическихъ фракцій почти совершенно отсутствуетъ какое-либо специфически-классовое содержаніе, и лишь съ огромными логическими натяжками можно подогнать эти фракціи подъ установленныя классовыя категоріи. Мы классифицируемъ различные элементы сіонистскаго движенія прежде всего по степенямъ ихъ *политическаго реализма*, которымъ обуславливается величина ихъ фактическаго или возможнаго вліянія на еврейскую дѣйствительность. А въ этомъ отношеніи нѣкоторые элементы сіонистовъ-соціалистовъ придется, быть-можетъ, зачислить въ одну категорію со многими—отнюдь не самыми прогрессивными—элементами политическаго сіонизма, если и не по всей ихъ дѣятельности, въ совокупности взятой, то по ихъ такъ называемой „собственно-сіонистической“ работѣ и по ихъ сіонистическимъ представленіямъ. Вступивши на путь реалистическаго революціоннаго національнаго движенія, глубоко задѣвающаго національные интересы, сіонизмъ неизбѣжно долженъ былъ бы, конечно, и *самъ по себѣ* явиться ареной классовой борьбы; теперь же нашимъ сіони-

[1]) Въ дальнѣйшемъ мы касаемся лишь сіонистической и территоріалистической *буржуазіи*, оставляя покамѣсть въ сторонѣ „Сіонистско-соціалистическую рабочую партію“, о которой мы говоримъ въ спеціальной статьѣ.—Точно также мы выносимъ здѣсь за одну скобку сіонистовъ и территоріалистовъ по причинамъ, указаннымъ ниже.

стамъ - соціалистамъ приходится изобрѣтать таковую, но это изобрѣтательство является въ полномъ смыслѣ слова „творчествомъ изъ ничего".

Этой же точкой зрѣнія мы руководствуемся и теперь, когда суровая еврейская дѣйствительность въ дребезги разбила сіонистическія упованія и блестяще подтвердила правильность того діагноза, который мы поставили хроническому недугу, разъѣдающему сіонистическое движеніе. Еще въ первомъ номерѣ „Возрожденія" мы заявили, что „у насъ не можетъ быть никакой практической общности" съ сіонистической организаціей въ ея цѣломъ [1]), и межа эта отнюдь не стерлась и по сіе время.

Но взглянемъ, однако, на фактическое положеніе, въ которомъ находится теперь сіонистическое движеніе.

Кризисъ въ сіонизмѣ начался съ того момента, когда поступательное развитіе еврейской жизни начало властно предъявлять сіонистамъ свои запросы и выдвигать предъ ними рядъ насущныхъ жизненныхъ задачъ, не лежащихъ по линіи „собственно-сіонистической" дѣятельности. Съ этого момента была нарушена стройность и цѣлостность первоначальныхъ сіонистическихъ представленій; въ сіонистической концепціи была пробита брешь, и чрезъ нее начало контрабандой проникать новое содержаніе. Центръ тяжести сіонистической работы перенесся въ культуртрегерскую дѣятельность: въ школу, въ литературу, въ общинную жизнь,—всюду за исключеніемъ „политики", которая до самыхъ послѣднихъ дней все еще считалась запретнымъ плодомъ. Спеціальная задача, которую ставили себѣ при этомъ сіонисты, состоитъ въ *націонализаціи* всѣхъ сторонъ еврейской жизни.

Въ этомъ направленіи совершается эволюція сіонизма и въ настоящій моментъ. Не входя въ детальный разборъ этой эволюціи *по содержанію* (въ этомъ отношеніи мы должны были бы подвергнуть дѣятельность сіонистовъ рѣзкой критикѣ), мы признаемъ ее *самое по себѣ* прогрессивной. Отмѣтимъ, однако, характерныя черты этой новой стадіи въ развитіи политическаго сіонизма.

Прежде всего, бросается въ глаза, что новые элементы входятъ въ содержаніе политическаго сіонизма не прямымъ путемъ, а такъ сказать, черезъ заднее крыльцо. Формула сіонизма не расширяется ея адептами сознательно и преднамѣренно,—напротивъ,—сіонисты самымъ плачевнымъ образомъ влачатся въ хвостѣ еврейской дѣйствительности. Особенно замѣтно это стало теперь, когда въ ихъ такъ называемую Gegenwartsprogramm стали входить нѣкоторые элементы якобы политической борьбы. Ихъ участіе является обыкновенно первоначально индивидуальнымъ, неорганизованнымъ, и лишь впослѣдствіи, когда болѣе или менѣе значительное число сіонистовъ, „какъ люди",—по характерному сіонистическому выраженію,—вторгаются въ ту или иную сферу общественной борьбы, у сіонистической организаціи является стрем-

[1]) См. „Возрожденіе", № 1—2, ст. „Наши задачи".

леніе заднимъ числомъ санкціонировать ее, какъ законный элементъ сіонизма.

Это обстоятельство наглядно доказываетъ, что новый курсъ въ сіонизмѣ не является результатомъ здоровой эволюціи отъ утопизма къ реалистическому эволюціонному пониманію еврейской дѣйствительности и историческихъ задачъ національнаго движенія: онъ есть слѣдствіе *оппортунизма* по отношенію къ національному идеалу. Такова ужъ логика всякаго общественнаго движенія, не успѣвшаго еще „свергнуть съ себя ветхаго Адама" утопизма: утопизмъ при столкновеніи съ реальной жизнью неизбѣжно приводитъ къ растерянности, къ неумѣнію связать отдѣльные акты борьбы съ конечнымъ идеаломъ, а поэтому и къ затушевыванію послѣдняго, т. е. къ оппортунизму.

Сіонисты безпомощно вращаются въ заколдованномъ кругу своихъ неясныхъ и сбивчивыхъ представленій о національномъ движеніи, и покамѣстъ они не выбьются изъ этого круга, нельзя разсчитывать, чтобы они разрубили Гордіевъ узелъ стоящихъ предъ ними проблемъ и вступили на путь яснаго и отчетливаго политическаго самоопредѣленія.

Въ ряду этихъ представленій первое мѣсто занимаетъ типичное для сіонистовъ смѣшеніе *эмиграціоннаго* движенія съ *территоріалистическимъ*. Они не понимаютъ послѣднее, какъ комплексъ всѣхъ тенденцій еврейской жизни, ведущихъ къ національному возрожденію, а лишь, какъ *непосредственный* результатъ стремленія къ разрѣшенію эмиграціонной проблемы. Они отрозниваютъ такимъ образомъ послѣднюю отъ другихъ органическихъ процессовъ еврейской дѣйствительности и вносятъ непримиримый дуализмъ въ свою дѣятельность. Въ поискахъ за такими точками приложенія для своей энергіи, которыя дали бы имъ возможность концентрировать ее цѣликомъ на непосредственной реализаціи своей конечной цѣли, они неправильно оцѣниваютъ наличные факторы еврейской дѣйствительности. Они никакъ не могутъ понять, что элементы будущаго еврейскаго общества зрѣютъ *здѣсь*, въ діаспорѣ, и что каждый актъ нашей національной борьбы, каждый національный институтъ, созданный въ процессѣ этой борьбы, гораздо вѣрнѣе и скорѣе приближаютъ насъ къ конечной цѣли нашего національнаго движенія, чѣмъ безсильныя и безплодныя въ данный моментъ потуги къ созданію колонизаціоннаго центра.

Ярче всего эта идейная путаница выражается въ ходячихъ сіонистическихъ терминахъ—„Zukunftsprogramm"и „Gegenwartsprogramm": эта терминологія какъ бы подразумѣваетъ, что та часть національной энергіи, которая расходуется на благо нашего „настоящаго" не идетъ въ прокъ нашему „будущему" и обратно...

Итакъ первороднымъ грѣхомъ сіонизма въ новой стадіи его развитія является *эклектизмъ*: различные элементы сіонистической программы не синтезированы въ сознаніи сіонистовъ, не приведены къ стройному органическому единству, а чисто-механически спаяны въ эклектической смѣси. Но эти логическія прорѣхи удручаютъ

насъ, конечно, меньше всего: онѣ интересуютъ насъ лишь какъ отраженіе тѣхъ *историческихъ* ошибокъ, которыми обусловливается реакціонный характеръ сіонизма въ общественной борьбѣ.

Важнѣйшимъ слѣдствіемъ этихъ логическихъ и политическихъ промаховъ является непродуманность, непослѣдовательность и непринципіальность демократической и національной программы сіонистовъ, точнѣе говоря, *полное отсутствіе* такой *программы.* Поэтому они и не составляютъ до сихъ поръ *политической партіи* въ обычномъ смыслѣ этого слова.

Этотъ поразительный фактъ является самымъ яркимъ свидѣтельствомъ того краха, который потерпѣлъ сіонизмъ при выходѣ изъ первой стадіи своего развитія. Въ самомъ дѣлѣ, не поразительное ли это явленіе: организація, ставившая своей задачей созданіе автономнаго еврейскаго общества, оказалась не въ силахъ выработать опредѣленное принципіальное отношеніе къ явленіямъ текущей политической жизни и создать партію для планомѣрной и координированной политической борьбы!..

Это служитъ самой яркой иллюстраціей той растерянности, которую обнаруживаютъ теперь сіонисты предъ грандіозными проблемами, выдвинутыми еврейской жизнью, и наилучшимъ testimonium paupertatis для ихъ политической репутаціи. Это именно обстоятельство заставляетъ насъ совершенно игнорировать сіонистическую организацію, какъ реальную политическую силу, въ нашихъ политическихъ разсчетахъ.

Мы видимъ единственное спасеніе политическаго сіонизма въ принятіи той демократической и національной программы, которая составляетъ часть нашего политическаго credo и диктуется всѣми объективными условіями даннаго историческаго момента въ еврейской жизни. Пока онъ не сдѣлаетъ этого, до тѣхъ поръ ему „суждены благіе порывы, но свершить ничего не дано", до тѣхъ поръ онъ останется опредѣленнымъ, хотя бы и широко распространеннымъ, общественнымъ *настроеніемъ,* но никогда не станетъ національнымъ *движеніемъ,* въ истинномъ смыслѣ этого слова. Ряды сіонистовъ будутъ все болѣе уплотняться всякаго рода декадентами, отравляющими своими декадентскими теоріями и мракобѣсными прожектами атмосферу политическаго сіонизма. Политическій сіонизмъ постепенно превратится въ расширенную палестинофильскую организацію.

Удастся ли сіонизму въ ближайшемъ будущемъ разорвать заколдованный кругъ, въ которомъ онъ вращается? Выйдетъ ли онъ на прямую дорогу развитія тѣхъ прогрессивныхъ потенцій, которыя лежатъ по линіи реальныхъ интересовъ еврейской буржуазіи? Удастся ли ему, подобно миѳическому Антею, прикоснуться къ землѣ и въ ней почерпнуть новыя силы? Или же онъ будетъ все болѣе и болѣе погружаться въ тину оппортунизма, съ одной стороны, и вялыхъ декадентскихъ мечтаній, съ другой?

Мы не взялись бы предсказывать это съ увѣренностью относительно современнаго поколѣнія буржуазныхъ сіонистовъ, въ достаточной степени деморализованнаго пройденной ими полити-

ческой школой. Но мы полагаемъ, что *въ потенціи* сіонисты являются наиболѣе радикальной, какъ въ демократическомъ, такъ и въ національномъ смыслѣ,—частью еврейской буржуазіи. Поэтому, рано или поздно, изъ среды сіонистической и территоріалистической буржуазіи должна будетъ выдѣлиться фракція, лучше выражающая историческіе интересы еврейской буржуазіи.

Такъ или иначе, покамѣстъ политическій сіонизмъ не перешагнетъ указанный нами Рубиконъ, до тѣхъ поръ наше отношеніе къ нему опредѣлится борьбой и только борьбой во всѣхъ сферахъ еврейской жизни.

Чтобы покончить съ критикой сіонистической буржуазіи, мы скажемъ нѣсколько словъ объ ея новой отколовшейся фракціи: о территоріалистической организаціи, появленіе которой вызвано расколомъ между палестинцами и территоріалистами.

Мы — рѣшительные и послѣдовательные территоріалисты, и, тѣмъ не менѣе, мы отнюдь не придаемъ этому расколу такого важнаго и рѣшающаго для судебъ буржуазнаго сіонизма и территоріализма значенія, какое приписываютъ ему обыкновенно, хотя бы, напримѣръ, сіонисты-соціалисты. [1]) Для насъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ историческомъ будущемъ сіонизмъ неизбѣжно и неминуемо перейдетъ въ территоріализмъ. Любовь къ Палестинѣ für und an sich превратится, въ худшемъ случаѣ, въ романтическую идеологію небольшой кучки мечтателей, въ лучшемъ же случаѣ—она совершенно выдохнется изъ послѣднихъ и безвозвратно канетъ въ Лету; но навряд-ли это тепличное растеніе сможетъ долго произрастать на еврейской нивѣ. Спрашивается, чѣмъ же объяснить такое значительное преобладаніе сіонистовъ среди всей территоріалистической буржуазіи?

Мы думаемъ, что сознательнымъ или безсознательнымъ мотивомъ палестинофильства является отнюдь не поэтическая „любовь къ Сіону“, а гораздо болѣе реальныя обстоятельства, имѣющія вполнѣ земные корни. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ сіонисты оказываются при внимательномъ анализѣ просто *плохими территоріалистами*. Ихъ безсильная фантазія не въ силахъ представить себѣ мощнаго національнаго движенія, ихъ дряблая буржуазная воля не даетъ имъ достаточныхъ импульсовъ для этого. Скептики и маловѣры, они хорошо знаютъ счетъ своимъ силамъ и инстинктивно чувствуютъ, что принятіе какихъ-нибудь крупныхъ колонизаціонныхъ проектовъ, вродѣ Уганды, окажется имъ не по плечу и приведетъ сіонистскую организацію къ политическому банкротству. Но они не рѣшаются сдѣлать отсюда тѣ рѣшительные и смѣлые выводы, которые дѣлаемъ мы, они не въ силахъ отвергнуть всякіе колонизаціонные прожекты и стать на *эволюціонную* точку зрѣнія въ пониманіи еврейской дѣйствительности, и поэтому они ударяются въ мѣщанскую *постепеновщину*: ихъ конечный идеалъ превращается въ

---

[1]) См. брошюру: „Отчетъ о VII-мъ сіонистическомъ конгрессѣ“, изд. Ц. К. С.-С. Р. П.

безплотную мечту, нисколько не связанную съ повседневными задачами, а взамѣнъ него выступаютъ какіе-то жалкіе суррогаты. Ясно, что Палестина какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ этимъ настроеніемъ: тамъ открывается широчайшее раздолье для всякаго рода „инфильтрацій", „малыхъ колонизацій", заселеній турецкихъ евреевъ, дипломатическихъ переговоровъ съ арабами и бедуинами и тому подобныхъ „малыхъ" и,—надо добавить,—довольно таки смѣшныхъ дѣлъ; съ другой стороны, какъ объектъ мечтаній, она имѣетъ всѣ преимущества предъ всѣми прочими прозаическими странами.

Что касается буржуазныхъ территоріалистовъ и угандистовъ, то соціально-психологическая подоплека ихъ „территоріализма" также внушаетъ намъ весьма мало довѣрія къ послѣднему. Въ противоположность постепеновщинѣ сіонистовъ они выдвигаютъ теорію „скорой помощи", насквозь проникнутую буржуазно-филантропическими представленіями. Мы не станемъ здѣсь серьезно доказывать, что „скорая помощь" очень полезна во всякаго рода „несчастныхъ случаяхъ", но отнюдь не въ еврейскомъ вопросѣ: объ этомъ надлежитъ скорѣе подумать нѣкоторымъ сіонистамъ-соціалистамъ, призывающимъ буржуазную филантропію „придти къ намъ на помощь" въ качествѣ олицетвореннаго „человѣколюбія" [1]).

Филантропическій территоріализмъ такъ же, какъ и сіонизмъ, имѣетъ свою исторію: ему предшествуютъ колонизаціонныя попытки въ Дакотѣ, Аргентинѣ и т. д. Современный буржуазный территоріализмъ прогрессировалъ, конечно, по сравненію съ своими предтечами, но до степени реальнаго общественнаго движенія ему почти также далеко, какъ и сіонизму.

Здѣсь явятся ханжи всякаго рода оружія, которыми такъ изобилуютъ территоріализмъ и сіонизмъ, и направятъ по нашему адресу упрекъ въ „преступномъ индифферентизмѣ" по отношенію къ вопросу о выборѣ территоріи.

Но внимательный читатель „Возрожденія", проникшійся нашей точкой зрѣнія, долженъ понять, что моментъ пріобрѣтенія территоріи не играетъ въ нашей программѣ той центральной роли, которую приписываютъ ему наши противники. Этотъ моментъ въ безконечно большей степени обуславливается ролью и значеніемъ еврейства въ политической жизни тѣхъ странъ, гдѣ мы теперь живемъ, чѣмъ всякаго рода „дипломатическими переговорами", не опирающимися ни на какую реальную силу внутри еврейства. Онъ зависитъ, наконецъ, отъ тѣхъ внѣшнихъ объективныхъ условій, которыя порождаютъ тенденціи, идущія навстрѣчу еврейскому территоріализму, какъ-то колоніальной политики, наличности свободныхъ территорій и т. д. Но и эти объективныя тенденціи мы можемъ вызвать къ жизни и использовать въ своихъ интересахъ лишь при помощи соотвѣтствующей „національной политики" въ „странахъ разсѣянія", а не при содѣйствіи дипломатическихъ авантюръ. А главное, наличность территоріи является необходи-

---

[1]) См. рѣчь д-ра Н. Сыркина на первомъ засѣданіи территоріалистической организаціи въ Базелѣ.

мымъ, но далеко не достаточнымъ условіемъ для реализаціи нашего національнаго идеала: несоизмѣримо болѣе важнымъ является состояніе нашихъ національно-соціальныхъ силъ, необходимыхъ для этой реализаціи.

Поэтому мы съ одинаковымъ безразличіемъ относимся къ судьбамъ обѣихъ организацій, территоріалистической и сіонистической; поэтому мы будемъ бороться со всѣми ихъ прожектами, могущими лишь обогатить исторію еврейскихъ колонизацій новыми неудачами и еще болѣе отдалить осуществленіе нашего идеала.

Корень болѣзни, разъѣдающей обѣ эти фракціи, одинъ и тотъ же: обѣ онѣ страдаютъ, если можно такъ выразиться, политическимъ рахитизмомъ. Избавившись отъ него, онѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавятся и отъ слащаваго романтизма и отъ національной филантропіи, поскольку это *допускаетъ ихъ буржуазная природа*.

IV.

Оглядываясь на логическій путь, пройденный нами въ этой статьѣ, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Наша соціалистическая программа-минимумъ дѣлится по своему содержанію на три части: соціально-экономическую, демократическую и національную. Политическія требованія послѣднихъ двухъ родовъ соприкасаются съ интересами извѣстной части еврейской буржуазіи. Мы можемъ, слѣдовательно, поддерживать послѣднюю, поскольку она ставитъ себѣ общія съ нами цѣли.

Въ борьбѣ за эти цѣли мы должны различать *методы борьбы* и *содержаніе* выставляемыхъ требованій.

Наша національная и демократическая дѣятельность по формѣ своей можетъ быть подраздѣлена на политическую борьбу—въ настоящемъ непосредственно-революціонную, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ—парламентскую,—и на органическую работу, въ которой, въ томъ же будущемъ, займетъ видное мѣсто колонизаторская дѣятельность.

Условія настоящаго момента въ Россіи позволяютъ намъ лишь въ томъ случаѣ поддерживать [1]) еврейскія буржуазныя партіи, если онѣ *цѣликомъ* принимаютъ наши демократическія и національныя требованія: непринятіе какого-либо изъ этихъ требованій или принятіе такихъ требованій, которыя относятся къ нашимъ, какъ часть къ цѣлому, при данныхъ политическихъ условіяхъ способствуетъ сохраненію и укрѣпленію status quo въ соотвѣтствующихъ сферахъ политической жизни.

Изъ тѣхъ же политическихъ условій, а также изъ сущности нашихъ требованій вытекаетъ, что единственный методъ политической борьбы, могущій привести насъ къ побѣдѣ, есть методъ

[1]) Рѣчь идетъ, конечно, о болѣе или менѣе длительныхъ координаціяхъ дѣйствій: случайныя соединенія ad hoc для достиженія той или иной непосредственной цѣли не учитываются, конечно, заранѣе никакой политической программой.

непосредственной революціонной борьбы съ самодержавіемъ. Мы относимся принципіально враждебно ко всякой попыткѣ замѣнить, полностью или отчасти, революціонную борьбу оппозиціонной —въ предѣлахъ созидаемыхъ самодержавіемъ суррогатовъ европейскихъ парламентскихъ формъ.

Наши требованія, слѣдовательно, неразрывно связаны съ нашимъ методомъ борьбы; непринятіе того или другого, при данныхъ условіяхъ, лишаетъ координацію нашихъ силъ съ силами оппозиціонной буржуазіи всякаго содержанія.

Что касается нашихъ колонизаціонныхъ задачъ, то въ ихъ постановкѣ мы самымъ радикальнымъ образомъ расходимся со всѣми буржуазными фракціями.

Колонизація не есть политическая дѣятельность въ спеціальномъ значеніи этого слова. Ее можетъ, поэтому, вести не политическая партія, а государственныя учрежденія или тресты, организованные на коммерческихъ началахъ, хотя бы и подъ контролемъ національной или государственной организаціи (примѣромъ контроля перваго рода можетъ служить хотя бы взаимоотношеніе Еврейскаго Колоніальнаго Банка и сіонистской организаціи). Партія пролетаріата можетъ признавать лишь первый путь регулированія колонизаціи: путь воздѣйствія на государственныя учрежденія; организація коммерческихъ учрежденій не опирается ни прямо, ни косвенно на силы пролетаріата и лежитъ, поэтому, внѣ сферы его воздѣйствія.

Каковы бы, однако, ни были въ будущемъ формы и содержаніе еврейской колонизаціонной дѣятельности, можно a priori утверждать, что роль и задачи различныхъ слоевъ еврейской буржуазіи и еврейскаго пролетаріата будутъ въ ней существенно различны. Участіе пролетаріата въ колонизаціи опредѣлится, слѣдовательно, сравнительной выгодностью новыхъ сферъ приложенія для его труда и степенью гарантированности его экономическихъ, политическихъ и національныхъ интересовъ.

Въ настоящій моментъ всякія колонизаціонныя попытки должны окончиться неминуемымъ крахомъ. Роль пролетаріата въ ихъ организаціи и его вліяніе на ихъ выполненіе равняются нулю. Единственная наша задача, слѣдовательно, состоитъ въ борьбѣ съ этими попытками и въ воздѣйствіи на государство въ сторону созданія такихъ національно-политическихъ институтовъ, которые могли и должны были бы заняться рѣшеніемъ этой проблемы.

Резюмируя все предыдущее, мы опредѣляемъ наши отношенія къ демократическимъ и либеральнымъ фракціямъ еврейской буржуазіи слѣдующимъ образомъ:

координація нашихъ силъ съ какими бы то ни было элементами еврейской буржуазіи, ставящими себѣ демократическія или національныя цѣли, возможна лишь въ томъ случаѣ, если они цѣликомъ принимаютъ нашу національную и демократическую программу-минимумъ;

координація нашихъ силъ съ элементами еврейской буржуазіи, преслѣдующими территоріалистическія цѣли, независимо отъ

условій и момента ихъ осуществленія, возможна лишь при томъ условіи, если они съорганизованы въ политическія партіи, отстаивающія интересы еврейскаго народа въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ теперь живетъ;

для территоріалистическихъ организацій, дѣйствующихъ въ Россіи, это условіе дополняется другимъ: принять цѣликомъ выставляемую нами демократическую и національную программу-минимумъ.

Нѣсколько словъ о программѣ сіонистско-соціалистической рабочей партіи.

Прошло уже около года съ тѣхъ поръ, какъ значительная часть „Poialei-Zion'скихъ" организацій объединилась въ „Сіонистско-соціалистическую рабочую партію" [1]). Образованію этой партіи предшествовало нѣсколько лѣтъ идейнаго и организаціоннаго разброда, въ которомъ находились организаціи „Poialei-Zion" съ самаго своего возникновенія. Эта дезорганизація особенно сильно давала себя чувствовать молодому движенію въ той трагической обстановкѣ, въ которой развивался еврейскій пролетаріатъ за послѣдніе годы. Наряду съ сіонистами-соціалистами въ еврейскомъ пролетаріатѣ уже дѣйствовали другія соціалистическія партіи, возникшія раньше и потому успѣвшія лучше съорганизоваться и придти къ большему идейному единству, чѣмъ сіонисты-соціалисты. Тѣмъ не менѣе, сіонистско-соціалистическое движеніе преодолѣвало всѣ эти неблагопріятныя условія,—оно безпрерывно разрасталось вширь и вглубь, и вотъ предъ нами—большая пролетарская партія, занимающая среди другихъ еврейскихъ пролетарскихъ партій второе по численности мѣсто послѣ Бунда.

Это обстоятельство, само по себѣ взятое, свидѣтельствуетъ, что новая партія не случайное явленіе на горизонтѣ еврейскаго пролетаріата, что ея появленіе на этомъ горизонтѣ есть сложный и закономѣрный продуктъ реальныхъ соціальныхъ потребностей еврейскаго пролетаріата. Но и помимо того, мы имѣемъ особыя основанія выяснять наше принципіальное и тактическое отношеніе къ сіонистамъ-соціалистамъ: насъ связываютъ съ ними нѣкоторые общіе лозунги, которые мы считаемъ неотъемлемою частью соціалистической программы еврейскаго пролетаріата.

Въ свое время, еще до образованія С.-С. Р. П., опредѣляя наше отношеніе къ сіонистамъ-соціалистамъ, мы писали: „Насъ соединяетъ съ ними общій соціалистическій и національный идеалъ,—разъединяютъ нѣкоторыя принципіальныя (преимущественно по вопросамъ обоснованія) разногласія. Этого совершенно достаточно

[1]) Нельзя не признать неудачнымъ названіе новой партіи: названіе партіи, претендующей на историческую будущность, должно точно соотвѣтствовать идейному содержанію ея программы, и поэтому совершенно непонятно, почему партія, стоящая на территоріалистической точкѣ зрѣнія, фиксируетъ „Сіонъ" въ своемъ названіи.

для того, чтобы мы считали „Poialei Zion“ нашими ближайшими союзниками, съ которыми мы не теряемъ надежды достигнуть полнаго единомыслія и дружнаго сотрудничества вь борьбѣ за общіе идеалы [1]).“

Въ то время, когда были написаны эти строки, насъ отдѣляли отъ сіонистовъ-соціалистовъ, дѣйствительно, лишь „вопросы обоснованія“, т. е. отвлеченныя соціально-философскія предпосылки. Но соціально-философскія разногласія,—какъ ни важны онѣ для партіи, ставящей своею цѣлью не разрѣшеніе преходящихъ политическихъ задачъ, а достиженіе отдаленнѣйшихъ идеаловъ соціальнаго развитія,—все-жъ таки никогда и нигдѣ не могли служить препятствіемъ для партійнаго объединенія на почвѣ совмѣстной соціально-политической дѣятельности. Поэтому и мы съ полнымъ правомъ смотрѣли на сіонистовъ-соціалистовъ, какъ на своихъ „ближайшихъ союзниковъ“.

Сверхъ ожиданія, идейная и практическая пропасть между нами и сіонистами-соціалистами не уменьшилась, а увеличилась еще болѣе. Въ процессѣ нашего политическаго развитія и самоопредѣленія мы и сіонисты-соціалисты все болѣе удалялись другъ отъ друга, и къ моменту конструированія сіон.-соціал. рабочей партіи наши партійныя программы, органически выросшія изъ всего нашего предшествующаго развитія, взаимно исключали одна другую. Эти программныя различія базируютъ, разумѣется, на теоретическихъ различіяхъ въ конкретномъ анализѣ исторической дѣйствительности еврейскаго пролетаріата и сравнительной оцѣнкѣ ея факторовъ.

Тѣмъ болѣе важно для насъ отграничить себя отъ сіонистовъ-соціалистовъ, что мы и сдѣлаемъ теперь путемъ критическаго разбора ихъ программы.

I.

То новое слово, которое сказали сіонисты-соціалисты въ области еврейской соціалистической мысли и которое вызвало къ жизни сіонистско-соціалистическую партію, есть—территоріализмъ. Но это слово было новымъ лишь въ еврейской пролетарской средѣ,—среди еврейской буржуазіи территоріализмъ еще задолго до появленія соціалистическаго сіонизма насчитывалъ уже многочисленныхъ адептовъ.

Такимъ образомъ соціалистическій сіонизмъ стоитъ въ преемственной связи съ буржуазнымъ сіонизмомъ и территоріализмомъ. Но эта преемственная зависимость, сама по себѣ взятая, еще не можетъ служить компрометирующимъ обстоятельствомъ для новаго направленія еврейской соціалистической мысли. Въ исторіи всѣхъ почти демократическихъ и національно-освободительныхъ движеній второй половины XIX-го вѣка наблюдается аналогичная послѣдовательность: пролетаріатъ, по мѣрѣ пробужденія его самосознанія,

---

[1]) См. „Возрожденіе“, № 3—4, стр. 71.

постепенно становится наслѣдникомъ соціальныхъ пріобрѣтеній буржуазіи, имѣющихъ положительную цѣнность для соціальнаго развитія; онъ беретъ въ свои руки знамя общественнаго прогресса во всѣхъ его проявленіяхъ. Но пролетаріатъ, въ своей новой исторической миссіи, никогда еще не игралъ чисто-подражательной, слѣпо-заимствующей роли по отношенію къ буржуазной демократіи и буржуазному націонализму. Классовыя различія, особыя условія соціальной борьбы и соціальной психологіи пролетаріата неизбѣжно накладываютъ свою неизгладимую печать на его національную борьбу и національную идеологію. Національный идеалъ и національное движеніе органически связываются въ борьбѣ пролетаріата со всѣмъ комплексомъ его соціальныхъ потребностей и идеаловъ и синтезируются въ единомъ высшемъ понятіи соціалистическаго движенія. Неизбѣжнымъ результатомъ этого и является то новое слово, тотъ самостоятельный оригинальный вкладъ, которые пролетаріатъ приноситъ съ собой во всѣхъ отрасляхъ соціальной борьбы и соціальнаго творчества, гдѣ онъ является сознательнымъ и активнымъ участникомъ.

Поэтому, первые вопросы, которые возникаютъ у насъ при разсмотрѣніи сіонистско-соціалистической программы, состоятъ въ слѣдующемъ: какимъ образомъ связываютъ сіонисты - соціалисты конечный національный идеалъ съ національнымъ движеніемъ,— т. е., какими историческими путями думаютъ они вести еврейскій пролетаріатъ къ идеалу территоріализма? чѣмъ разнятся эти пути отъ буржуазнаго сіонизма? какъ связываютъ они, теоретически и практически, классовую и національную борьбу въ своей программѣ? какъ проводятъ они принципъ классовой борьбы *въ* самомъ *національномъ* движеніи?

Прежде чѣмъ дать на эти вопросы положительные отвѣты, мы должны выяснить нѣкоторые моменты изъ эволюціи буржуазнаго сіонизма, мы должны опредѣлить идейное и политическое содержаніе того историческаго наслѣдства, которое оставилъ буржуазный сіонизмъ — пролетарскому, и проанализировать, въ какой мѣрѣ сіонистамъ-соціалистамъ удалось ликвидировать реакціонные элементы этого наслѣдства въ своихъ соціально-политическихъ построеніяхъ.

Итакъ, обратимся къ исторіи буржуазнаго сіонизма.

* * *

Мы минуемъ „до-историческую“ эру сіонистскаго движенія, эру „билуйцевъ“, „практическихъ колонизаторовъ“ и „ахадъ-гаамистовъ“, и перейдемъ прямо къ политическому сіонизму. Историкъ еврейской общественности не сможетъ, разумѣется, обойти молчаніемъ и тѣ два десятилѣтія, которыя предшествуютъ политическому сіонизму; съ глубокимъ вниманіемъ долженъ будетъ онъ остановиться на самой свѣтлой точкѣ этого періода— на дѣятельности „билуйцевъ“, этихъ истинныхъ народныхъ героевъ, свѣтлыя грезы которыхъ являются весеннимъ утромъ нашего національнаго возрожденія,—но для насъ это изслѣдованіе предста-

вляетъ лишь историческую цѣнность. Наоборотъ, исторія политическаго сіонизма,—какъ ни хорошо она намъ всѣмъ извѣстна,—до сихъ поръ не лишается для насъ извѣстной поучительности.

Трудно подыскать въ исторіи такое оригинальное и своеобразное явленіе, какъ сіонистская организація. „Еврейскій народъ въ пути"... Народъ, обращенный въ „человѣческую пыль", не связанный единствомъ политическихъ учрежденій, раздѣленный громадными пространствами и непроизводительно разсѣивающій поэтому свою національную энергію,—такой народъ надо было сковать цѣпями великаго идеала, оторвать всѣ его надежды и упованія отъ окружающей дѣйствительности и направить всю его коллективную волю къ одной отдаленной цѣли! Это ли не титаническая задача?..

Сорвать еврейскую жизнь съ ея живыхъ корней и искусственно пересадить ее на новую почву—такъ понимали политическіе сіонисты свою задачу. Эту задачу они представляли себѣ, какъ своеобразное грандіозное *предпріятіе*, а не какъ планомѣрное воздѣйствіе на длительный стихійный историческій *процессъ*.

Эмиграція—вотъ тотъ единственный факторъ, который заслонялъ предъ ними всѣ другія стороны нашей національной жизни.

Этотъ стихійный, безпорядочный процессъ хотѣли они осилить во что бы то ни стало и направить его по опредѣленному, заранѣе проложенному руслу. Возможность созданія колонизаціоннаго центра неотступно носится предъ ихъ глазами, и они гоняются за этой возможностью, какъ за призракомъ. Поймать этотъ призракъ значитъ для нихъ разрубить гордіевъ узелъ еврейской дѣйствительности: какъ только создастся ячейка будущаго еврейскаго общества,—взоры всего еврейскаго народа перенесутся на нее, умолкнутъ всѣ противники сіонизма,—даже въ ихъ глазахъ поблекнутъ старые національные идеалы, національная дѣятельность въ діаспорѣ покажется имъ жалкимъ и убогимъ палліативомъ,—и наступитъ свѣтлая эра національнаго возрожденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшится и задача собственно-сіонистической дѣятельности: новое еврейское общество будетъ расти, какъ снѣжный комъ, и этотъ органическій ростъ сдѣлаетъ излишнимъ планомѣрное вмѣшательство организованной національной воли.

Такъ понимали, да и теперь еще понимаютъ, политическіе сіонисты реализацію національнаго идеала. Отсюда становится совершенно понятной психологическая неизбѣжность ихъ тактики. Какъ блуждающій огонекъ, то тутъ, то тамъ, вспыхивала передъ ними надежда.. Каждый годъ приносилъ имъ новыя упованія, раскрывалъ какъ будто бы новыя перспективы, манивтія миражемъ близкой побѣды. Это страстное ожиданіе съ чрезвычайной силой воплотилось въ личности Герцля.

Говоря объективно, надо признать, что политическимъ сіонистамъ удалось довольно много успѣть въ намѣченномъ ими себѣ направленіи, принимая во вниманіе кратковременность ихъ дѣятельности. Они поставили еврейскій вопросъ на политическій ordre du jour Западной Европы, наряду съ другими націо-

нальными вопросами, привлекли вниманіе политическаго міра къ сіонистическому рѣшенію этого вопроса, создали конгрессъ—учрежденіе, имѣющее несомнѣнно демонстративное значеніе,—наконецъ, довольно широко распространили сіонистскую идею внутри еврейства. *Съ своей точки зрѣнія*, они должны были бы быть вполнѣ довольны достигнутыми результатами. Однако же, недовольство своей дѣятельностью прогрессивно возрастаетъ среди наиболѣе активныхъ и энергичныхъ сіонистовъ. Оно чувствуется даже у тѣхъ сіонистовъ, которые, повидимому, глубоко убѣждены въ правильности избранныхъ ими путей. Чѣмъ же объяснить это странное и непонятное, съ перваго взгляда, явленіе?

Вспомнимъ состояніе еврейской общественности въ моментъ появленія политическаго сіонизма.

Политическій гнетъ желѣзнымъ кольцомъ охватывалъ всю Россію. Сѣрыя сумерки русской жизни, казалось, сгущались въ еврейской средѣ въ какую-то темную и непроглядную мглу. Эта мгла мѣшала разглядѣть общія очертанія еврейской жизни и направленіе ея движенія. Не было, поэтому, еще мѣста для постановки широкихъ, историческихъ общественныхъ идеаловъ. Восьмидесятые и начало девяностыхъ годовъ завѣщали еврейской буржуазіи палестинофильство съ его миніатюрными потугами оранжерейнаго творчества и „Восходъ"—этотъ символъ буржуазнаго крохоборства. Теорія „малыхъ дѣлъ" царила въ этой благонамѣренной средѣ умѣренности и аккуратности. Правда, на низахъ еврейскаго общества занималась уже заря еврейскаго соціализма, но это необычное явленіе проходило внѣ поля политическаго зрѣнія еврейской буржуазіи, либеральной и демократической.

И вотъ появился политическій сіонизмъ, дѣтище эмансипированнаго европейскаго еврейства.

Онъ скомбинировалъ широкія европейскія формы—продуктъ свободной политической жизни—со старымъ національнымъ идеаломъ, тлѣвшимъ и угасавшимъ въ „чертѣ осѣдлости", въ галиційскихъ и румынскихъ гетто. Западное еврейство, само по себѣ, было безсильно къ тому напряженію національной энергіи, которое необходимо было для выработки историческаго національнаго идеала, а русское еврейство, погруженное въ атмосферу безправія, не могло подняться до представленія о прямыхъ путяхъ, о смѣлой постановкѣ еврейскаго вопроса предъ лицомъ оффиціальной Европы: палестинофильская дипломатія и въ своей „иностранной политикѣ" шла тѣми же окольными путями и непроходимыми тропинками, которыми русскій еврей привыкъ обходить препоны своей „внутренней политики" въ чертѣ осѣдлости. Союзъ западнаго и восточно-европейскаго еврейства вдохнулъ новую силу въ обоихъ. Пламя новыхъ національныхъ надеждъ и идеаловъ, разгорѣвшееся на сіонистическихъ конгрессахъ, отраженнымъ свѣтомъ освѣтило кромѣшную тьму, въ которой прозябало русское еврейство. Политическій сіонизмъ показался всѣмъ демократическимъ и либеральнымъ элементамъ еврейской буржуазіи, жаждавшимъ активной національной дѣятельности съ широкими

историческими перспективами,—грандіознымъ движеніемъ, полнымъ захватывающаго интереса, по сравненію съ тѣми жалкими суррогатами общественнаго движенія, какія представляли собою палестинофильство и филантропическое культуртрегерство восходовцевъ.

Таковы были *ближайшія* причины успѣховъ политическаго сіонизма: болѣе глубокіе соціальные его корни, сдѣлавшіе возможнымъ самое появленіе его на исторической аренѣ, — коренятся, конечно, въ исторической трагедіи еврейскаго народа.

Но тотчасъ же вслѣдъ за первыми успѣхами, быстрыми и шумными, началось и его паденіе, обнаружилась внутренняя слабость и дряблость движенія и невозможность здороваго роста въ тѣхъ рамкахъ, которыя были установлены его вождями. Тѣ, кто ожидалъ, что сіонизмъ призванъ занять центральное мѣсто въ національномъ сознаніи еврейскаго народа и стать истинно-національнымъ движеніемъ, быстро убѣдились, что пышные цвѣтки, которыми политическій сіонизмъ пытался украсить еврейскую дѣйствительность, оказались пустоцвѣтомъ. Еврейскій народъ обогатился новыми грезами, но эти безплотныя грезы при данныхъ условіяхъ безсильны были воплотиться въ реальныя идеи-силы. А между тѣмъ, политическій сіонизмъ повысилъ общественные аппетиты своихъ адептовъ и разбудилъ въ нихъ жажду такой общественной дѣятельности, которая сдѣлала бы ихъ могучимъ факторомъ еврейской жизни. Къ этой причинѣ, вытекающей изъ внутреннихъ законовъ развитія самого сіонизма, прибавилась еще слѣдующая внѣшняя причина огромной важности.

Политическій застой, царившій въ Россіи до средины девяностыхъ годовъ, началъ постепенно проходить подъ вліяніемъ цѣлаго ряда объективныхъ условій. И внѣ и внутри еврейства закипала революціонная борьба. Изъ революціоннаго подполья до слуха сіонистовъ доносились глухіе раскаты революціонной грозы. Подъ ея вліяніемъ повышался общій темпъ общественной жизни кошмаръ восьмидесятыхъ годовъ, быстро исчезалъ, и все живое и молодое готовилось къ тяжелой кампаніи и къ рѣшительнымъ аттакамъ на твердыни самодержавія.

Эти новыя явленія должны были безсознательно вліять на сіонистовъ. Самой характерной чертой сіонистической психологіи является глубокій, мрачный *пессимизмъ* по отношенію ко всякимъ проявленіямъ еврейской самодѣятельности въ „діаспорѣ". Сіонизмъ именно тѣмъ и улыбался своимъ адептамъ, что въ немъ они видѣли чистое проявленіе національной самодѣятельности, широкій просторъ для національнаго творчества и иниціативы, между тѣмъ, какъ въ „діаспорѣ" каждый актъ національной борьбы стоялъ въ тѣсной зависимости, переплетался тысячью нитями съ условіями окружающей, не-еврейской дѣйствительности, неподвластной нашему воздѣйствію. Эта окружающая не-еврейская среда представлялась всегда сіонистамъ въ видѣ какой-то огромной инертной массы. Въ далекомъ будущемъ придутъ какія-то титаническія силы и приведутъ въ движеніе эту массу, пока же она будетъ стоять передъ нами глухой стѣной, и секретъ нашей

національной политики долженъ состоять въ томъ, чтобы *обойти* эту стѣну, а не пробивать въ ней бреши. Буржуазные сіонисты не могли разгадать загадку русской политической эволюціи, и это отчасти помѣшало имъ понять сущность еврейскаго историческаго процесса.

Но вотъ стѣна заколыхалась. Въ воздухѣ почувствовались новыя вѣянія, декораціи русской политической жизни начали быстро мѣняться, картины мертваго застоя и спячки смѣнились сценами напряженной героической борьбы, а въ то же время и еврейскій пролетаріатъ сталъ еще болѣе стихійно вовлекаться въ революціонную борьбу. Сіонистическій пессимизмъ долженъ былъ сильно поколебаться. Сіонистическая мысль безсознательно стремилась опредѣлить еврейскую часть въ грядущей политической добычѣ. Рамки политическаго сіонизма и съ этой стороны оказались чрезмѣрно узкими: онѣ сковывали по рукамъ и ногамъ всѣ эти стремленія.

Что же рекомендовали лидеры политическаго сіонизма взамѣнъ той широкой національной дѣятельности, къ которой инстинктивно стремилась сіонистическая масса?

Сіонистское движеніе никогда не было *массовымъ* народнымъ движеніемъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаются массовыя движенія въ наше время. Охватывая широчайшія массы еврейства, находившіяся подъ его идейнымъ вліяніемъ, сіонизмъ предъявлялъ къ нимъ ничтожнѣйшія требованія и не возбуждалъ въ нихъ никакой самодѣятельности. Ничтожная кучка активныхъ работниковъ вела какую-то закулисную работу, ни сущность, ни результаты которой неизвѣстны были сіонистической массѣ. Время отъ времени завѣса приподымалась и ей подносили какой-нибудь „дипломатическій“ сюрпризъ болѣе или менѣе утѣшительнаго свойства. Роль массы была чисто пассивная: она должна была самымъ фактомъ своей наличности давать Герцлю орудіе для его дипломатіи. Сама эта политическая инертность сіонистической массы служила, въ сущности говоря, орудіемъ этой дипломатіи: оффиціальные представители сіонистической организаціи до самаго послѣдняго времени не переставали подчеркивать ея лойяльность и благонамѣренность по отношенію ко всѣмъ европейскимъ правительствамъ: еврейскій народъ ихъ устами какъ бы добровольно отказывался отъ своей доли въ общечеловѣческомъ наслѣдствѣ.

Такую роль масса неизбѣжно должна была играть въ движеніи при тѣхъ представленіяхъ, которыя господствовали въ головахъ сіонистовъ о реализаціи національнаго идеала. Согласно этимъ представленіямъ, точки опоры для движенія лежали въ сущности *внѣ* массы и внѣ современныхъ условій ея существованія. Но эти условія не переставали напоминать о себѣ сіонистамъ. Могучій потокъ окружающей жизни несся все быстрѣй и быстрѣй и увлекалъ на своемъ пути всѣ активные элементы сіонистовъ. Здѣсь-то и выступило наружу основное трагическое противорѣчіе политическаго сіонизма...

Догма политическаго сіонизма налагала на своихъ адептовъ обѣтъ неучастія въ окружающей политической и общественной борьбѣ. *Но само это неучастіе было лишь опредѣленной формой участія.* Въ процессѣ общественной борьбы общество разслоялось на различные, враждебные другъ другу лагери, быстро завершался процессъ взаимнаго самоопредѣленія общественныхъ группъ, и въ этомъ процессѣ и сіонистамъ волей-неволей приходилось занимать то или иное положеніе. Они подвергались напору противоположныхъ общественныхъ силъ и стремились при этомъ сохранить положеніе устойчиваго равновѣсія. Въ крайнихъ случаяхъ, по отношенію къ явно враждебнымъ силамъ, они принимали оборонительную позицію, но никогда—наступательную. Но и эта тактика поставила сіонистовъ на наклонную плоскость... Кругомъ нихъ закипала борьба, полная глубоко-жизненнаго, революціоннаго содержанія. Она развивала и въ нихъ здоровые боевые инстинкты, но гдѣ могли они найти исходъ для своей энергіи? Въ томъ узкомъ и тѣсномъ кругу, въ который замыкалась собственно-сіонистическая работа, якобы ведшая къ непосредственной реализаціи сіонизма, все было мертво и безсодержательно. Молодые, наиболѣе активные и идеалистическіе элементы томились жаждой борьбы, жаждой подвига, но эта жажда перегорала въ груди, не находя удовлетворенія, или вырождалась въ форму дикихъ фантастическихъ проектовъ, отмѣченныхъ явной печатью болѣзненной мысли. Они пытались перенести въ самый сіонизмъ борьбу, которую они наблюдали извнѣ, пытались разбить сіонизмъ на тѣ же фракціи и лагери, которые господствовали тамъ, но,—какъ мы уже замѣтили,—для этого не было никакихъ объективныхъ данныхъ, ибо отсутствовали, прежде всего, *объекты борьбы.* Дѣленіе происходило, какъ выражались нѣкоторые сіонисты, „по міросозерцаніямъ“. Но гдѣ же вырабатывалось это различіе „міросозерцаній“? Оно вырабатывалось *внѣ* сіонизма, въ реальной еврейской жизни.

Скоро, однако же, всѣмъ стало ясно, что эта борьба есть жалкая имитація дѣйствительной жизненной борьбы, плохой суррогатъ послѣдней. Еврейскій народъ былъ окруженъ врагами, въ сіонизмѣ же ихъ не было: они не стояли какъ будто бы по его пути...

Въ старыхъ позиціяхъ была пробита брешь, и въ нее начало постепенно вливаться чуждое дотолѣ сіонизму содержаніе. Новыя задачи встаютъ предъ сіонистами, новыя перспективы раскрываются предъ ними, властно маня на новый неизвѣданный путь—путь активной борьбы съ врагами еврейскаго народа за его долю въ общечеловѣческихъ завоеваніяхъ. Новые элементы вступаютъ въ борьбу съ старыми элементами сіонизма. Сначала они кажутся какими-то тусклыми и блѣдными палліативами въ сравненіи съ „собственно-сіонистической“ работой, сулящей радужную перспективу немедленной, хотя бы и частичной, реализаціи національнаго идеала. Но жизнь развѣнчиваетъ одну за другою сіонистическія иллюзіи; все глубже раскрывается пропасть между потребностью въ территоріализмѣ и возможностью его реализаціи, и, тѣмъ

самымъ, значеніе борьбы за національныя права еврейскаго народа въ „странахъ разсѣянія", значеніе національной программы-минимумъ прогрессивно возрастаетъ.

Но сіонисты еще сами не постигаютъ внутренней логики произошедшей эволюціи. Новые элементы *извнѣ*, какъ бы насильно, проникли въ ихъ программу. И вотъ старое и новое застываетъ въ ихъ сознаніи, какъ нѣчто чуждое, постороннее и чуть ли даже не враждебное другъ другу. Они не мыслятъ національную эволюцію еврейскаго народа, какъ единый и цѣлостный соціальный процессъ, стоящій подъ знакомъ одной и той же исторической необходимости: имъ кажется какъ будто бы въ еврейской жизни дѣйствуютъ *двѣ необходимости*, два параллельныхъ историческихъ процесса,—одинъ, ведущій къ непосредственному построенію еврейскаго автономнаго общества, и другой—смыслъ и направленіе котораго они никакъ не могутъ разгадать—объемлющій жизнь еврейскаго народа въ „странахъ разсѣянія". Связать, синтезировать эти два процесса въ одну систему представленій и выработать на этомъ основаніи стройную и цѣлостную соціально-политическую программу—они оказываются не въ силахъ... Оппортунизмъ по отношенію къ конечному идеалу въ однѣхъ сферахъ сіонистовъ, растерянность предъ задачами современности—въ другихъ, эклектика и непримиримая двойственность психологіи и тамъ и тутъ—становятся хроническими недугами сіонизма.

Могучій историческій потокъ выбрасываетъ на берегъ буржуазный сіонизмъ и дѣлаетъ его неспособнымъ къ активному и планомѣрному воздѣйствію на стихійные процессы еврейской жизни.

И вотъ вся демократическая, наиболѣе революціонно-настроенная часть сіонистической интеллигенціи покидаетъ лагерь буржуазнаго сіонизма. Въ поискахъ за новыми сферами приложенія своей общественной энергіи, болѣе отвѣчающей ихъ идейнымъ запросамъ и новымъ жизненнымъ потребностямъ, она обращается къ рабочей средѣ.

Въ еврейскомъ пролетаріатѣ въ это время, отчасти совершенно независимо отъ непосредственнаго вліянія буржуазнаго сіонизма, а отчасти подъ прямымъ воздѣйствіемъ сіонистической агитаціи [1]), начало зарождаться сіонистическое рабочее движеніе. Идеологія этого движенія представляла механическую смѣсь тредъюніонизма съ буржуазнымъ сіонизмомъ. Изъ соединенія демократической сіонистской интеллигенціи съ этимъ движеніемъ и образовался впослѣдствіи современный соціалистическій сіонизмъ.

У насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, подъ рукой литературныхъ документовъ, достаточно характерныхъ для иллюстраціи сіонистско-соціалистической идеологіи на первыхъ ступеняхъ ея развитія. Да и врядъ-ли можно говорить объ этой идеологіи, какъ о чемъ-либо стройномъ, логически-законченномъ. Наоборотъ, страш-

---

[1]) См. „Возрожденіе", № 3—4, корреспонденціи изъ Минска и Двинска.

ная сбивчивость и противорѣчивость понятій господствуетъ въ головахъ первыхъ адептовъ соціалистическаго сіонизма. Въ сущности, наиболѣе стройнымъ и послѣдовательнымъ (поскольку въ данномъ случаѣ вообще можно говорить о стройности и послѣдовательности...) выраженіемъ этихъ воззрѣній слѣдуетъ считать взгляды, выраженные въ сборникѣ „Der Hamoin", изданномъ заграничной организаціей „Cheyruth" и въ „Воззваніи" сіонистовъ-соціалистовъ,—несмотря на то, что и то и другое появилось совершенно независимо отъ „Poialei-Zion'"скаго движенія въ Россіи.

Для насъ важно здѣсь отмѣтить, что всѣ логическіе и практическіе недочеты, всѣ трагическія противорѣчія, отличавшія буржуазный сіонизмъ, во всей своей неприкосновенности перешли въ наслѣдіе соціалистическаго сіонизма. Если мы обратимся, напримѣръ, къ воззрѣніямъ вышеназваннаго „Воззванія сіонистовъ-соціалистовъ" и „Hamoin'" а, то мы найдемъ тамъ поразительно-яркую иллюстрацію всѣхъ тѣхъ противорѣчій, которыя мы вскрыли въ буржуазномъ сіонизмѣ. Преломившись сквозь призму пролетарской идеологіи и сплетаясь съ спеціальными проблемами классовой борьбы еврейскаго пролетаріата, они пріобрѣли еще болѣе сложный и запутанный характеръ.

Чисто-техническій фактъ географическаго—если можно такъ выразиться — раздѣленія труда и сіонистами-соціалистами возводится въ неподобающій ему рангъ и служитъ источникомъ всяческихъ противорѣчій. „Двѣ историческія необходимости", наличность которыхъ мы вскрыли въ представленіяхъ буржуазныхъ сіонистовъ объ еврейской національной эволюціи, еще ярче выступаютъ у сіонистовъ-соціалистовъ и выражаются въ пресловутой теоріи „двухъ плоскостей". Сложная, противорѣчивая, богатая разнороднѣйшими тенденціями еврейская дѣйствительность сбиваетъ съ толку сіонистовъ-соціалистовъ. За видимой противоположностью различныхъ частныхъ тенденцій они не въ силахъ открыть основныя пружины еврейской дѣйствительности, въ цѣломъ взятой. Они распредѣляютъ всѣ активные факторы еврейской жизни въ „двухъ плоскостяхъ" и въ каждой „плоскости" строятъ особую соціально-политическую программу. Они *принципіально* исключаютъ возможность совмѣщенія этихъ „двухъ плоскостей".

Для примѣра возьмемъ принципъ классовой борьбы въ программѣ сіонистовъ-соціалистовъ.

„Здѣсь"—въ той соціальной и географической „плоскости", въ которой живетъ и борется еврейскій пролетаріатъ, сіонисты-соціалисты выдвигаютъ самую обыкновенную соціалистическую программу-минимумъ, безъ какихъ бы то ни было спеціальныхъ добавленій, вытекающихъ изъ ихъ территоріалистическаго credo. Они зовутъ еврейскій пролетаріатъ къ реальной борьбѣ съ реальной буржуазіей, подвергающей его не менѣе реальной и осязательной эксплоатаціи.

„Тамъ" — въ воображаемой „плоскости" такъ называемой „собственно-сіонистической" работы, которая является на сей разъ

уже не конкретнымъ соціологическимъ, а дѣйствительно, абстрактнымъ геометрическимъ понятіемъ, какъ и всякая „плоскость“,— они придумываютъ особый видъ soi-disant классовой борьбы съ особой, спеціально ad hoc придуманной буржуазіей въ лицѣ буржуазнаго филантропическаго общества ICA за утилизацію колонизаціоннаго фонда барона Гирша.

Мало того: „здѣсь“ они призываютъ еврейскій пролетаріатъ къ революціонной классовой борьбѣ, стоя, повидимому, на точкѣ зрѣнія всего революціоннаго соціализма, основное положеніе котораго гласитъ, что единственный путь, ведущій къ соціализму, есть путь классовой борьбы; „тамъ“—они проповѣдуютъ идею кооперативной колонизаціи Франца Оппенгеймера и говорятъ о какихъ-то особыхъ путяхъ реализаціи особаго „еврейскаго соціалистическаго общества“, воскрешаютъ идею національнаго соціализма. И какъ логическое завершеніе зданія своей соціально-политической системы, они предлагаютъ еврейскому пролетаріату съорганизоваться подъ знаменемъ двухъ организацій: одной для „собственно-сіонистической“, а другой для... мы бы сказали — „собственно-пролетарской“ работы [1]). Въ „Воззваніи“ содержатся даже намеки на то, что и тактика этихъ организацій будетъ какъ будто бы различна: одна организація будетъ вести революціонную борьбу, а другая поведетъ миролюбивые переговоры съ правительствами.

Оставался лишь открытымъ вопросъ: должны ли еврейскіе пролетаріи, проникшіеся сіонистско-соціалистической идеологіей, непремѣнно участвовать въ обоихъ организаціяхъ, или выборъ той или иной организаціи есть дѣло личнаго вкуса каждаго отдѣльнаго сіониста-соціалиста?

И еврейскій пролетаріатъ блестяще разрѣшилъ этотъ вопросъ, не вступивши ни въ ту ни въ другую „организацію“! Своимъ здоровымъ практическимъ чутьемъ еврейскіе пролетаріи отвергли вымученную и искусственную, эклектическую программу заграничныхъ интеллигентовъ-утопистовъ: и оппенгеймеровская идея кооперативной колонизаціи, и своеобразный организаціонный планъ, и борьба съ ICA—все это не нашло въ нихъ ни малѣйшаго отзвука.

Практическая часть воззрѣній „Hamoin“а не привилась, но теоретическія ея предпосылки въ общихъ чертахъ сохранились въ идеологіи сіонистовъ-соціалистовъ и по сіе время. Сохранились и пережитки буржуазнаго сіонизма, хотя время сгладило ихъ острые углы, и старыя противорѣчія не сразу выступаютъ съ той рельефностью и выпуклостью, какъ въ программѣ „Cheyruth'“а или въ „Воззваніи“ сіонистовъ-соціалистовъ. При внимательномъ разсмотрѣніи нетрудно, однако, открыть старыя понятія за новой фразеологіей.

Мы постараемся сейчасъ сдѣлать это на анализѣ программы сіонистско-соціалистической рабочей партіи.

---

[1]) Сборникъ „Der Hamoin“ былъ, очевидно, выразителемъ мнѣній „собственно-сіонистической“ организаціи, ибо въ немъ не было ни единымъ звукомъ упомянуто про необходимость политической борьбы въ Россіи...

II.

Предъ нами „Декларація сіонистско-соціалистической рабочей партіи", изданная около года тому назадъ, вслѣдъ за образованіемъ партіи.

Мы оставимъ безъ разсмотрѣнія теоретическія положенія „Декларація", формулированныя черезчуръ обще, туманно и бездоказательно, чтобы можно было подвергать ихъ серьезной критикѣ, и перейдемъ сразу къ разсмотрѣнію программныхъ требованій, выставленныхъ въ декларація.

Эти требованія дѣлятся на двѣ группы: минимальныя требованія, составляющія политическую программу сіонистовъ-соціалистовъ въ современной Россіи, и требованія программныхъ измѣненій, предъявленныя къ VII-му сіоиистическому конгрессу, бывшему, какъ извѣстно, первымъ и послѣднимъ для сіонистовъ-соціалистовъ, какъ партіи. Первая группа содержитъ въ себѣ слѣдующія требованія: прекращеніе русско-японской войны, амнистія, всѣ демократическія свободы, созывъ учредительнаго собранія, избирательное право по четырехчленной формулѣ, восьмичасовый рабочій день, избирательнымъ правомъ пользуются всѣ граждане, достигшіе 20 лѣтъ, немедленное устраненіе администраціи при выборахъ. Вторая часть слѣдущимъ образомъ формулируетъ новую сіонистическую программу, предлагаемую С.-С Р. П. конгрессу, взамѣнъ „Базельской": „I. Цѣль сіонизма: сіонизмъ стремится создать правоохраненное убѣжище для еврейскихъ массъ.—II. Средства реализаціи сіонизма: 1) развитіе и распространеніе въ широкихъ еврейскихъ массахъ сознанія ненормальности экономическаго и политическаго положенія еврейской націи въ странахъ діаспоры; 2) организація еврейскихъ массъ въ странахъ діаспоры, съ цѣлью создать тѣ соціально-политическія силы, которыя необходимы для реализаціи сіонистическаго идеала; 3) свободные переговоры съ политическими представителями государствъ, ведущихъ колоніальную политику; 4) образованіе политическихъ и финансовыхъ учрежденій на коллегіальныхъ началахъ для веденія сіонистической работы. — III. Сіонистическая организація должна быть построена на федеративныхъ началахъ".

Намъ кажется, что простое прочтеніе этой „программы" должно убѣдить читателя въ наличности всѣхъ семи первородныхъ грѣховъ буржуазнаго сіонизма. Въ самомъ дѣлѣ: почему любой соціальдемократъ, стоящій въ національномъ и, въ частности, въ еврейскомъ вопросѣ на самой допотопной ассимиляторской точкѣ зрѣнія, не можетъ принять первой части этой программы? Почему наибуржуазнѣйшій сіонистъ не можетъ обѣими руками подписаться подъ второй? Но, можетъ быть, онѣ взаимно дополняютъ одна другую? Въ такомъ случаѣ, гдѣ же мостъ, соединяющій ихъ другъ съ другомъ и образующій изъ нихъ единое цѣлое?

Первая часть программы образуетъ довольно случайный и, если хотите, даже безсистемный, подборъ общедемократическихъ требованій. Въ ней, напримѣръ, наряду съ лозунгами, имѣющими

чисто-временное, преходящее значеніе, какъ устраненіе администраціи отъ выборовъ, отсутствуетъ требованіе такой кардинальной, чреватой для насъ огромными послѣдствіями реформы, какъ децентрализація.

Вторая, „собственно-сіонистическая“ часть программы въ своей наиболѣе существенной части, т. е. тамъ, гдѣ она должна была бы ясно указать *историческіе пути*, ведущіе къ нашему національному идеалу, является простой перефразировкой существующей сіонистической программы, правда, съ нѣкоторыми добавленіями. А именно: буржуазные сіонисты говорили обыкновенно о дипломатическихъ переговорахъ, — сіонисты-соціалисты говорятъ о „свободныхъ“ переговорахъ... Но когда же сіонистическая дипломатія была не „свободной“? Развѣ визиты Герцля ко всякаго рода власть имущимъ были „не свободны“?—Дальнѣйшіе коррективы состоятъ въ какомъ-то туманномъ намекѣ на какія-то „коллегіальныя“ (товарищескія?) начала, на которыхъ должна вестись сіонистическая работа, и въ требованіи федеративнаго устройства сіонистической организаціи, также имѣющемъ весьма небольшое практическое значеніе.

Мы обращаемъ вниманіе читателя на всѣ эти мелочи по слѣдующей причинѣ: не ясно-ли, что онѣ являются симптомами стремленія внести какое-либо свое, пролетарское содержаніе въ сіонизмъ, влить новое вино въ старыя мѣха? Но на томъ пути, по которому направлены эти стремленія, нельзя найти искомое, и поэтому сіонисты-соціалисты обречены на печальную участь прикрывать фиговымъ листкомъ демократической терминологіи полное отсутствіе какого-либо новаго содержанія.

Итакъ историческіе пути и техническія средства реализаціи территоріализма у сіонистовъ-соціалистовъ тѣ же, что и у буржуазныхъ сіонистовъ. Мы не станемъ здѣсь сызнова доказывать утопичность и нецѣлесообразность этихъ путей и средствъ, не станемъ также противопоставлять имъ нашу программу, положительное обоснованіе которой уже дано на предшествующихъ страницахъ: мы подвергнемъ лишь критикѣ программу сіонистовъ-соціалистовъ съ точки зрѣнія тѣхъ спеціальныхъ задачъ, которыя стоятъ предъ ними, какъ предъ *пролетарской* партіей, и разберемъ главнѣйшія возраженія, которыя дѣлаютъ сіонисты-соціалисты противъ нашей программы.

Программа всякой соціалистической партіи строитъ всѣ свои разсчеты и требованія на *самодѣятельности пролетарскихъ массъ*, постепенно вовлекаемыхъ въ сознательную борьбу со всѣми видами общественнаго гнета и эксплоатаціи. Каждый актъ этой борьбы долженъ связываться и въ сознаніи и въ бытіи массы съ ея конечнымъ идеаломъ. Если въ какой-либо программѣ есть элементы, не удовлетворяющіе этимъ элементарнымъ требованіямъ, то такая программа не заслуживаетъ названія пролетарской.

Сіонисты-соціалисты подошли къ технической сторонѣ реализаціи территоріализма. Для конкретной реализаціи территоріалистическаго идеала необходимо склонить къ территоріалистическому рѣшенію еврейскаго вопроса политическій міръ Европы и создать

еврейскія національныя учрежденія, способныя и правомочныя организовать автономное еврейское общество. Сіонисты-соціалисты рекомендуютъ для этого дипломатію и старыя (или же реформированныя?) сіонистскія финансовыя и политическія учрежденія. Но ни то ни другое не рѣшаетъ вопроса, ибо не основано на самодѣятельности пролетаріата.

Въ самомъ дѣлѣ: дипломатія есть дѣло отдѣльныхъ людей, а никакъ не партіи пролетаріата въ ея цѣломъ; колоніальные банки и національные фонды основываются *буржуазіей* на ея добровольныя пожертвованія; конгрессъ и сіонистическая организація отнюдь не являются политическими учрежденіями, ибо онѣ не облечены государственными прерогативами...

Въ задачу сіонистовъ-соціалистовъ входило не простое указаніе на чисто-техническій моментъ „дипломатіи", а указаніе на ту реальную народную силу, на которую эта дипломатія опирается, и въ частности на роль пролетаріата въ созданіи этой силы. Они должны были, далѣе, показать не буржуазно-филантропическіе финансовые институты, а такіе институты, финансовая дѣятельность которыхъ опиралась бы на *общенародное* достояніе, въ образованіи котораго принималъ бы участіе и пролетаріатъ, какъ платежная и трудовая сила. Наконецъ, они должны были создать такія политическія учрежденія, въ которыхъ объективировалась бы національная мощь еврейскаго народа, и опять-таки еврейскаго пролетаріата, и дѣятельность которыхъ служила бы авторитетнымъ выраженіемъ еврейской народной воли. Сіонисты-соціалисты не разрѣшили ни одной изъ этихъ задачъ.

Читатели знаютъ уже, какъ разрѣшаемъ мы эти проблемы. Наша „дипломатія" состоитъ въ революціонной борьбѣ противъ классовой и національной эксплоатаціи еврейскаго пролетаріата; только такая дипломатія можетъ, по нашему мнѣнію, превратить насъ въ реальную политическую силу, которая въ союзѣ съ пролетаріатомъ другихъ національностей будетъ имѣть грозное значеніе. Всѣ же положительныя задачи національнаго возрожденія могутъ выполнить лишь тѣ національно-политическіе институты, которые мы намѣчаемъ,—институты добытые опять-таки въ процессѣ революціонной борьбы. Призывая еврейскій пролетаріатъ къ борьбѣ за такую программу, мы, разумѣется, сначала и до конца опираемся на его революціонную активность и самодѣятельность.

„Но вѣдь сіонисты-соціалисты также призываютъ еврейскій пролетаріатъ къ революціонной борьбѣ!" — воскликнетъ, пожалуй иной недоумѣвающій читатель, упрекая насъ въ излишней придирчивости по первому пункту нашихъ обвиненій.

„А если такъ, если сіонисты-соціалисты, дѣйствительно, убѣждены, что возрастаніе революціонной мощи еврейскаго пролетаріата, а не болѣе или менѣе искусная дипломатія есть историческій путь къ территоріализму, то почему же они прямо не заявляютъ этого въ своей *программѣ*?—возразимъ на это мы. Вѣдь ихъ программа предназначается, въ концѣ концовъ, для еврейскихъ пролетаріевъ, а не для грядущихъ дипломатовъ, имѣющихъ появиться на смѣну Герцлю!

Сіонисты-соціалисты несомнѣнно проглядѣли или же не додумали до конца зависимость „дипломатическихъ“ успѣховъ отъ степени остроты и жгучести еврейскаго вопроса, обусловленныхъ нашей борьбой съ національнымъ гнетомъ и ростомъ нашего политическаго вліянія. Причину этого надо искать все въ томъ же злосчастномъ наслѣдіи буржуазнаго сіонизма: въ пресловутой теоріи „двухъ плоскостей“ еврейской дѣйствительности, подвѣдомственныхъ двумъ различнымъ „историческимъ необходимостямъ“...

Въ томъ же идейномъ наслѣдіи буржуазнаго сіонизма надо искать и корней отрицательнаго отношенія сіонистовъ-соціалистовъ къ національно-политической автономіи. Остановимся подольше на этомъ странномъ и непонятномъ, на первый взглядъ, явленіи.

Мы говоримъ—„странномъ и непонятномъ“, ибо, на самомъ дѣлѣ, какъ понимать это неожиданное воздержаніе сіонистовъ-соціалистовъ,—стоящихъ на точкѣ зрѣнія революціоннаго соціализма, — отъ требованія, опирающагося на неотъемлемыя права и насущнѣйшіе интересы еврейскаго народа? Неужели партія такъ рѣзко подчеркивающая своеобразіе соціальнаго положенія еврейскаго народа и дающая еврейскому вопросу такое смѣлое рѣшеніе, какъ территоріализмъ, не находитъ въ современной еврейской дѣйствительности особыхъ общественныхъ и политическихъ интересовъ, нуждающихся въ спеціальныхъ правовыхъ гарантіяхъ и институтахъ? Уже à priori отсутствіе національныхъ требованій въ программѣ сіонистовъ-соціалистовъ должно вызвать недоумѣніе.

Присмотримся, однако, поближе къ тѣмъ мотивамъ, по которымъ сіонисты-соціалисты не включили національно-политическихъ требованій въ свою программу.

Мы оставимъ до другого раза разсмотрѣніе различныхъ частныхъ противорѣчій и путаницы понятій, которыя встрѣчаются въ ихъ аргументаціи, и прямо перейдемъ къ основнымъ возраженіямъ сіонистовъ-соціалистовъ противъ національно-политической автономіи.

Главныя препятствія къ реализаціи національно-политической автономіи сіонисты-соціалисты усматриваютъ *въ самомъ еврейскомъ народѣ*: въ тенденціяхъ его развитія и въ соотношеніи его внутреннихъ силъ. Основныя препятствія, на которыя они указываютъ, слѣдующія: во-первыхъ, экономическое и національное развитіе еврейскаго пролетаріата въ „странахъ діаспоры“ *само по себѣ*, не носитъ прогрессивнаго характера,—оно прогрессивно лишь постольку, поскольку въ немъ зрѣютъ зародыши будущаго автономнаго еврейскаго общества; слѣдовательно, и національная политика еврейскаго пролетаріата должна носить *консервативный* характеръ,—характеръ „національной самозащиты въ широкомъ смыслѣ слова“,—стремленіе же къ созданію новыхъ національно-политическихъ и національно-культурныхъ формъ въ діаспорѣ обречено на безплодіе. Во-вторыхъ, въ еврейской буржуазіи преобладаютъ ассимиляціонныя вожделѣнія, лежащія по

линіи ея экономическихъ интересовъ; поскольку же въ ней сохранилась еще національная идеологія, она состоитъ въ приверженности къ реакціоннымъ культурнымъ пережиткамъ. Въ-третьихъ, въ скудной и неприглядной еврейской дѣйствительности нѣтъ достаточнаго содержанія для позитивной соціально-политической дѣятельности внутри еврейства и нѣтъ, слѣдовательно, надобности въ созданіи спеціальныхъ институтовъ для этого.

Къ сожалѣнію, мы принуждены теперь отказаться отъ детальнаго анализа всей этой аргументаціи, какъ это для насъ ни соблазнительно. (Мы сдѣлаемъ это когда-либо, критикуя новѣйшія изданія сіонистовъ-соціалистовъ). По всѣмъ этимъ вопросамъ мы придерживаемся діаметрально-противоположнаго мнѣнія. Поэтому отвѣтомъ на приведенныя соображенія сіонистовъ-соціалистовъ служитъ весь нашъ анализъ еврейской дѣйствительности и наша оцѣнка основныхъ ея факторовъ. Мы ограничимся лишь указаніемъ на тѣ явныя, лежащія, такъ сказать, на поверхности, противорѣчія, которыя содержатся въ вышеприведенныхъ соображеніяхъ, если къ нимъ подойти *съ точки зрѣнія самихъ сіонистовъ-соціалистовъ,* поскольку она выражается въ ихъ программѣ и практической дѣятельности.

Допустимъ на минуту правильность исходной точки зрѣнія сіонистовъ-соціалистовъ—ихъ тезиса объ отсутствіи объективной возможности прогрессивнаго соціальнаго развитія „въ странахъ діаспоры". Каковы должны быть ближайшія логическія слѣдствія этого тезиса? Прежде всего, онъ исключаетъ, конечно, возможность наростанія внутри еврейскаго народа тѣхъ силъ, которыя нужны для реализаціи территоріализма,—тѣхъ зародышей новаго еврейскаго общества, которые должны созрѣвать въ старомъ. Въ лучшемъ случаѣ, еврейскій народъ останется in statu quo ante, въ худшемъ—начнетъ вырождаться. Далѣе, какъ ни трудно (не въ абстракціи, конечно, а въ реальной соціальной борьбѣ) провести грань между наступательной и оборонительной національной борьбой—между борьбой противъ старыхъ формъ національнаго гнета и борьбой за новыя условія національной жизни,—но ясно, во всякомъ случаѣ, что тезисомъ „самозащиты въ широкомъ смыслѣ этого слова" трудно обосновать революціонныя стремленія сіонистовъ-соціалистовъ въ ихъ практической программѣ. Этимъ тезисомъ можно оправдать лишь болѣе или менѣе оппозиціонную борьбу за гражданское равноправіе евреевъ, но никакъ не революціонную борьбу *за радикальныя демократическія реформы,* предполагающія радикальную ломку всего русскаго государственнаго уклада. Въ сферѣ экономическихъ отношеній имъ можно обосновать лишь *профессіональную* борьбу, но никакъ не революціонную классовую борьбу въ союзѣ съ интернаціональнымъ пролетаріатомъ, къ которой зовутъ сіонисты-соціалисты еврейскій пролетаріатъ.

Сомнѣнія въ наличности прогрессивныхъ національныхъ тенденцій у еврейской буржуазіи лучше всего опровергаются тѣми надеждами, которыя сами же сіонисты-соціалисты возлагаютъ

на самые многочисленные слои еврейской буржуазіи въ дѣлѣ реализаціи территоріалистическаго идеала...

Наконецъ, сомнѣніе въ наличности общихъ интересовъ у различныхъ слоевъ еврейскаго народа и, въ частности, еврейскаго пролетаріата, дающихъ содержаніе для совмѣстной соціально-политической дѣятельности, есть самое вопіющее противорѣчіе въ воззрѣніяхъ сіонистовъ - соціалистовъ. Въ самомъ дѣлѣ: сіонисты - соціалисты утверждаютъ, что территоріалистическій идеалъ съ объективной необходимостью вытекаетъ изо всѣхъ тенденцій еврейской жизни. Но что же такое представляетъ собой территоріализмъ, если не стремленіе членовъ даннаго народа *совмѣстно рѣшать всѣ свои соціальныя проблемы*, совмѣстно вести свою борьбу за существованіе?.. А если такъ, если еврейскому народу предстоитъ въ отдаленномъ будущемъ создать всѣ необходимыя соціальныя условія для автономнаго еврейскаго общества, то не ясно ли отсюда, что это стремленіе должно уже *въ настоящемъ* создать потребность въ координаціи соціальной борьбы у различныхъ элементовъ еврейскаго народа? И на какомъ еще реальномъ фундаментѣ можно строить территоріализмъ, если не на общности повседневныхъ, текущихъ еврейскихъ интересовъ?..

Итакъ сіонисты-соціалисты не справились ни съ одной изъ проблемъ, не разрѣшенныхъ еще буржуазнымъ сіонизмомъ, и ни съ одной изъ спеціальныхъ проблемъ, стоявшихъ предъ ними, какъ предъ пролетарской партіей. Имъ не удалось перекинуть мостъ отъ національнаго идеала къ національному движенію, не удалось связать классовую борьбу съ національной, не удалось провести классовый принципъ въ своей національной программѣ. Отсутствіе правильной исторической перспективы и цѣлая сѣть логическихъ противорѣчій характеризуютъ ихъ соціально-политическое credo. Но всѣ ошибки и противорѣчія буржуазнаго сіонизма выступаютъ у нихъ съ еще бо́льшей остротой и рельефностью: въ противоположность буржуазнымъ сіонистамъ они de facto являются революціонерами. Ихъ національная революціонность недостаточно обоснована: она не вытекаетъ съ логической неизбѣжностью изо всей ихъ теоретической концепціи и не оправдывается тѣми программными требованіями, которыя они выставляютъ; не менѣе необоснована и теоретически, и практически ихъ классовая борьба, — но ни то, ни другое не мѣшаетъ имъ быть по своему *субъективному настроенію* соціалистами и на дѣлѣ вести революціонную борьбу... Ихъ практика вступаетъ въ разладъ съ ихъ теоріей. Ясно, что такая теорія и такая программа должны служить свинцовой гирей для ихъ революціонныхъ порывовъ и сознательно или безсознательно парализовать ихъ революціонную энергію.

Дѣйствительно, оставимъ въ сторонѣ внутренній идейный міръ сіонистовъ - соціалистовъ и посмотримъ, какъ должна проявляться *во внѣ* сіонистско - соціалистическая партія въ общемъ потокѣ борющихся революціонныхъ силъ. Какое мѣсто должны они занять въ ряду другихъ соціалистическихъ партій?

Каждая жизненная соціалистическая партія въ Россіи, выражающая реальные интересы какой-либо группы трудящихся массъ, имѣетъ какой-либо особый символъ вѣры, составляющій ея raison d'être и отличіе отъ другихъ соціалистическихъ партій. Но тѣ политическія требованія, которыя выставляютъ сіонисты-соціалисты, являются общимъ мѣстомъ всякой соціалистической программы и отнюдь не требуютъ образованія особой партіи. Какъ ни своеобразны интересы еврейскаго пролетаріата, но сіонисты-соціалисты не находятъ для него никакихъ особыхъ требованій, особыхъ интересовъ въ великой русской революціи. У нихъ нѣтъ никакого индивидуальнаго отношенія къ революціи. Какъ же могутъ они не затеряться въ этомъ безбрежномъ морѣ борющихся силъ?.. Какъ могутъ они оріентировать въ немъ еврейскій пролетаріатъ, и какимъ путемъ будутъ они его вести?..

Не есть ли эта поразительная растерянность предъ кипучимъ моремъ исторической жизни явный пережитокъ буржуазнаго сіонизма, для котораго она такъ характерна?..

„Безуміе и ужасъ" окружаютъ еврейскаго пролетарія. Въ гнетущей мертвенной обстановкѣ „черты", въ атмосферѣ нужды, голода и безправія долженъ онъ вести свою революціонную борьбу. Дикія полчища самодержавія наступаютъ на него спереди. Страшный призракъ погромовъ блуждаетъ въ тылу его революціонной арміи... И вотъ являются сіонисты-соціалисты, безжалостно и безбоязненно обнажаютъ всѣ язвы на тѣлѣ еврейскаго пролетарія, вскрываютъ всю глубину соціальной пропасти, отдѣляющей его отъ пролетарія свободнаго народа, даютъ *наименьшую оцѣнку* благамъ, которыя принесетъ ему грядущая побѣда революціи, и... все-таки зовутъ его къ революціонной борьбѣ. Для этой борьбы, говорятъ они, еврейскій пролетарій долженъ принести самыя страшныя жертвы, отдать ей лучшія силы своей души...

„Между *давать* и *брать*", — говоритъ Ницше устами Заратустры,—„лежитъ цѣлая пропасть; но и черезъ *малѣйшую* пропасть надо перекинуть мостъ"... Какъ же перекинуть мостъ черезъ ту зіяющую пропасть, которая отдѣляетъ страшныя жертвы, требуемыя сіонистами-соціалистами на алтарь революціонной борьбы, отъ тѣхъ положительныхъ результатовъ, которые должны принести эти жертвы для освободительныхъ идеаловъ еврейскаго пролетаріата?

Вглядимся еще разъ въ конкретныя очертанія этой пропасти.

Еврейскій народъ,—говорятъ сіонисты-соціалисты,—въ теченіе тысячелѣтій ведетъ жизнь парія. Въ теченіе тысячелѣтій дѣлаетъ онъ свои вклады въ сокровищницу общечеловѣческой культуры. Въ теченіе тысячелѣтій заливаетъ онъ своею кровью всѣ перекрестки человѣческой исторіи. И вотъ, въ тотъ историческій часъ, когда въ немъ пробудился, наконецъ, здоровый инстинктъ національной свободы, когда онъ рѣшилъ, наконецъ, порвать цѣпи національнаго рабства, — сіонисты-соціалисты предлагаютъ ему отказаться отъ своего историческаго наслѣдства, отказаться отъ права самому распоряжаться своими внутренними національными силами и грядущими судьбами, безъ вмѣшательства хо-

зяина-государства, — попросту *сжечь за собой корабли!* Строительный матеріалъ для прекраснаго зданія свободнаго еврейскаго общества нельзя найти въ современныхъ жизненныхъ условіяхъ еврейскаго народа: ихъ надо искать гдѣ-то *внѣ* этихъ условій!..

Какимъ глубокимъ пессимизмомъ вѣетъ отъ этой философіи отчаянія!.. Но можетъ ли эта философія быть символомъ вѣры *революціоннаго* еврейскаго пролетаріата?

Нѣтъ! Еврейскіе пролетаріи, съорганизованные подъ сіонистско-соціалистическимъ знаменемъ, отвергнутъ, рано или поздно, эти мѣшковатыя, неуклюжія, противорѣчивыя теоріи, изобрѣтающія новыя, несуществующія препятствія на его, и безъ того тернистомъ, историческомъ пути. Они потребуютъ примиренія тѣхъ противорѣчій, на которыя мы указывали. „На проклятые вопросы дай отвѣты мнѣ простые!"—скажутъ они сіонистамъ-соціалистамъ.

Великая цѣль, которую ставятъ себѣ сіонисты-соціалисты, требуетъ и великихъ орудій для своего осуществленія. Такимъ орудіемъ является національно-политическая автономія. Препятствія къ ея реализаціи лежатъ *не внутри* еврейскаго народа, какъ думаютъ сіонисты-соціалисты, а *внѣ* его. Но съ такими препятствіями не считается революціонный соціализмъ въ постановкѣ своихъ освободительныхъ идеаловъ! Революціонный соціализмъ призываетъ до конца бороться за каждый атомъ свободы, каждую пядь неотъемлемыхъ правъ пролетаріата!..

И еврейскій пролетаріатъ въ союзѣ съ соціалистическимъ пролетаріатомъ другихъ народностей добьется своей цѣли! Онъ дастъ въ руки еврейскаго народа новое могучее орудіе—орудіе, какимъ онъ еще никогда не обладалъ на всемъ протяженіи еврейскаго скитальчества — для борьбы за столь страстно желанный идеалъ національнаго освобожденія.

Еврейскій пролетаріатъ окончательно порветъ съ послѣдними остатками буржуазнаго пессимизма, послѣдними остатками психологіи гетто. И тогда предъ нимъ откроются новыя историческія перспективы...

Уже занимается заря соціальной революціи, — великая россійская революція есть ея спутникъ и предтеча. Въ своемъ историческомъ завершеніи россійская революція создастъ новыя демократическія учрежденія,—новыя формы соціальной борьбы. Отблески грядущей соціальной революціи окажутся предразсвѣтной зарей національной свободы вѣчнаго Агасѳера!

И *поэтому* еврейскій пролетаріатъ сознательно несетъ такія страшныя жертвы Молоху революціи, *поэтому* его голосъ такой рѣзкой, звенящей нотой прорывается въ общемъ хорѣ протестующихъ революціонныхъ голосовъ...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Нашъ національный идеалъ и наше національное движеніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

1. „Соціальное“ и „національное“ 3
2. Статика еврейской дѣйствительности 11
3. Динамика еврейской дѣйствительности 22

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1. Принципъ національно-политической автономіи 47
2. Національная и территоріальная автономіи и интересы еврейскаго пролетаріата 59

II. Либеральныя, демократическія и національныя теченія въ еврейской буржуазіи 78

III. Нѣсколько словъ о программѣ сіонистско-соціалистической рабочей партіи 99